

Селина Катрин

Выйти замуж в борделе

Часть 1. Выйти замуж в борделе

Я стояла у приоткрытой двери, и меня трясло крупной неприятной дрожью. Руки чесались свернуть шею этому подлецу. «Надо успокоиться, взять себя в руки и отойти от двери, пока меня не застукали на месте». – Крутилось в голове, и я через силу сделала шаг назад, затем ещё один.

Скривила рот в гримасе отвращения. Как я могла быть настолько слепа? Как так долго не замечала истинного отношения жениха ко мне? Неприятно признавать, а ведь отчим был прав насчёт Эдика. Он ему с самого первого дня знакомства не понравился.

«Может быть, это отчим всё подстроил, чтобы открыть мне глаза на правду?» – мелькнула мысль в голове. «Нет, быть такого не может. Это было бы слишком жестоко с его стороны. К тому же он сидит сейчас в соседнем кабинете и с пеной у рта доказывает напыщенному индюку Гордану ан Бакшаху, что он достоин представлять его интересы и быть его деловым партнёром здесь, в Штолле. Уверена, отчим даже представить себе не мог, что мой жених, Эдвард Троншип, решит сегодня посетить дорогостоящий мустафанский ресторан со своим другом и арендовать в нём соседний кабинет».

– Эдик, друг мой, я даже не представляю, как у тебя на неё встал, – с пьяным хохотом сказал близкий приятель моего жениха, похлопав того по плечу. – Она же страшная, как смертный грех! В чём твой секрет, колись?

– Рик, никаких секретов! Я просто всякий раз зажимаюсь и представляю себе вместо Габриэллы какую-нибудь красотку из «Райского острова», – в тон ему ответил мой теперь-уже-бывший жених.

Я крепко сжала кулаки, впившись ногтями в ладони. И ничего я не страшная! Да, не красотка, но и далеко не уродина. Немного лишнего веса, к сожалению, есть, но что можно поделать с собственной конституцией тела? Некоторым мужчинам даже нравится такой тип фигуры, они говорят «есть за что подержаться». Во всём остальном – миловидное лицо сердечком, прямые пепельно-русые волосы, круглые светло-голубые глаза. Внешность неброская, но и не отталкивающая, а если как следует поработать с косметикой, подчеркнуть тенями глаза, накрасить светлые ресницы и брови, то я становилась очень даже симпатичной.

Отчим всегда говорил, что я очень похожа на свою матушку. Вот только она была настоящей красавицей, я видела её портреты, расставленные по дому. А я – это я, чего уж тут.

«На себя бы посмотрел лучше, чем других критиковать», – возмущённо подумала я про Рика. Этот вечно напояженный пизжон имел чересчур крупную челюсть и всегда пытался скрыть свой недостаток объёмными шейными платками с рюшами. Рик никогда мне не нравился, Эдик это чувствовал и старался как можно реже пересекаться со своим лучшим другом в моём обществе. К слову сказать, я знала, что сегодня мой жених решил пообедать с Риком. Он меня предупреждал, но я и представить себе не могла, что темой их обсуждения станет моя скромная персона. И совсем уж не могла предположить то, что встречу Эдварда в элитном мустафанском ресторане, тогда как не далее чем позавчера он жаловался, что сделал неудачное вложение и потерял крупную сумму денег.

– Пива ещё много, а закуска заканчивается. Надо бы заказать ещё, – подал голос Рик.

– Да-да, заказывай. Все расходы покроет приданое Габриэллы. Ведь должен же у меня быть мальчишник перед свадьбой! – отозвался мой ненаглядный, и послышался звук характерный наливания жидкости.

– А ты не боишься, что Габриэлла всё узнает о твоих бордельных похождениях и кредиторах и отменит свадьбу? – спустя некоторое время спросил Рик.

– Да даже если и узнает, то что сделает-то? Она – слабохарактерная глупая куронога, которая свято верит, что у меня единственная и неповторимая, любовь всей моей жизни. Я ей, знаешь, с каким бриллиантом кольцо на помолвку подарил? Ого-го! Она аж прослезилась, когда моё предложение руки и сердца принимала. Ну, а то, что кольцо куплено на деньги её олуха отчима, ей знать незачем. Пригрожу ему, что брошу его драгоценную падчерицу прямо у алтаря на позор всему Штолле, он мне в два раза больше приданого отсыплет, лишь бы у Габриэлочки разрыва сердца не случилось. Да и кто возьмёт в жёны эту дурнушку, кроме меня? Часики-то тикают, я и так беру товар, можно сказать, второй свежести. Ей уже тридцать в этом году исполняется. Она просто не посмеет отменить свадьбу и выставить на посмешище весь род Трейтс, даже если и заподозрит, что мне нужно лишь её приданое. Хватит этому роду и того позора, что Леон женился на уже беременной от конюха матери Габриэллы и признал её дочь своей.

Я пребольно вонзила острые ноготки в ладони, чтобы не распахнуть дверь и не ворваться в кабинет, где уже празднует нашу ещё несостоявшуюся свадьбу Эдвард. Оказывается, я в его глазах «слабохарактерная глупая куронога», а мой отчим, к слову, преуспевающий торговец специями и

пряностями, – «олух». Ну и ну! И как же Леон меня всё-таки любит, раз не стал мне рассказывать, что Эдвард на протяжении наших с ним отношений не раз просил у него денег! А всё дело в том, что после очередных смотрин я заявила, что выйду замуж только за того, кого люблю. Женился же сам Леон на моей матери по любви и вырастил меня как свою собственную дочь, дав блестящее образование и свою фамилию. Ох, если бы я знала, что мои слова так мне аукнутся...

Несколько лет подряд отчим приглашал в наш дом различных сватов – сыновей партнёров по семейному делу. Он мечтал, что мне понравится какой-нибудь молодой человек из хорошей семьи, и мой брак будет способствовать расширению его торгового дела. Но время шло, а мои отношения ни с кем не складывались. И вроде бы приятные молодые люди, но я читала в их глазах, что жениться они хотят на мне из-за состояния рода Трейтсов, а не из-за глубоких чувств. В мои двадцать пять Леон уже начал переживать на тему того, что всё никак не может выдать дочь замуж, и молодые люди совсем уж зачастили в наш дом. Мне стало невыносимо жить с отчимом, понимая, что всякий раз, когда я прихожу домой после работы, рискую попасть на очередные смотрины, где жених будет морщить нос, осматривая мою тучную фигуру, и интересоваться лишь приданым.

В какой-то момент я просто съехала из отчего дома в небольшую съемную квартирку в хорошем районе Штолле. Удивительное дело, но это значительно способствовало нашему укреплению отношений с отчимом. Мне больше не действовали на нервы замужеством, а Леон окончательно смирился с моей самостоятельностью.

Эдварда Троншипа я повстречала совершенно случайно, на ступенях одного из элитных мужских клубов, где я должна была пересечься с клиентом и передать отреставрированные часы. Я поскользнулась на ступенях, а Эдвард с лёгкостью поймал меня, заглянул мне в лицо, и сказал, что я покорила его одним только взглядом. Неизбалованная комплиментами и красивыми ухаживаниями, я влюбилась в Эдика с первого дня... Кто бы мне тогда сказал, что это была лишь искусная игра жулика и обманщика, прознавшего, что Леон Трейтс отдаст крупное приданое тому, кто завоюет моё сердце.

Когда я познакомила отчима со своим женихом, Леон даже не сразу поверил в то, что я наконец-таки решила выйти замуж. Он был безумно рад за меня, потому что видел, как сияли мои глаза, и с каким удовольствием я рассказывала о своём ухажёре. Наверно, именно поэтому он втайне от меня давал деньги Эдварду, видя, что тот делает меня счастливой.

Леон всю жизнь относился ко мне как к родной дочери и потакал всем моим прихотям. Однажды я сообщила, что хотела бы поучиться в Штолльском Магическом Университете. Бургомистр города Арон Вольтсманг был должником моего отчима, и Леон устроил всё так, что я беспрепятственно ходила в университет на те лекции, которые казались мне интересными. Вступительных экзаменов, как и ежегодных, на которых отчисляли приличный процент учащихся, я не сдавала, да и вообще официально не числилась студенткой. Отчим это мотивировал тем, что мне незачем тратить время на предметы, которые мне неинтересны, а то, что я нахожусь занимательным, выучу и так, и никакие экзаменаторы мне не нужны. Да ко всему, он преспокойно мог оторвать меня от учёбы по торговым делам на месяц или два для того, чтобы я помогла ему с пряностями. Леон всегда отмечал, что у меня бесценно чуткий нюх, и только ему он может доверить закупку нового вида специй.

Меня такой расклад дел устраивал, а ко всему, в путешествия я с удовольствием брала книги из университетского хранилища знаний, относящиеся к программе разных факультетов. В душе я подозревала, что Леон, с одной стороны, хочет удовлетворить мою тягу к знаниям, а с другой – в глубине души всё ещё надеется, что я продолжу семейный бизнес по торговле пряностями и специями. А в этом деле совершенно неважно, маг ты или нет, есть у тебя диплом о высшем образовании или оный отсутствует, здесь важен опыт ведения дел и умение разбираться в людях. Как показало сегодняшнее неприятное открытие, последнего у меня нет.

А вот благодаря обширному хранилищу университета и тому, что я читала литературу из самых разных областей, из меня получился хороший консультант-реставратор старинных вещей и древних артефактов. Я с лёгкостью на один взгляд могла определить эпоху, к которой относится та или иная вещь, наизусть знала все механизмы и принципы силовых потоков, которые создавались в то или иное время, и могла починить всё что угодно: от простенькой заколки-оберега для волос до новомодного кристалла отопления в богатом доме. Клиентура у меня была не самая обширная, потому что временами вместо реставрации предметов я помогала Леону с его торговлей специями, как сегодня, а Штолле – большой город, где конкуренция не дремлет.

Я отвлеклась от собственных мыслей и тяжело вздохнула, пытаюсь унять тупую боль в своём сердце. Что тут скажешь, слова Эдика меня сильно задели. По крайней мере, когда сыновья деловых партнёров моего отчима приходили свататься, они не скрывали того, что в первую очередь их интересует моё приданое. Эдвард же покорило моё сердце, ежедневно делая красивые комплименты и признаваясь в любви. Ещё час назад я чувствовала себя счастливой невестой, а теперь...

– Ну, а что ты будешь делать после свадьбы? – вновь подал голос Рик.

– Да что-что, прекрасно жить! – воскликнул Эдик. – После свадьбы можно будет пуститься во все тяжкие по бордельным шлюхам, больше не скрываясь от Габриэллы. Приданое будет к этому моменту уже моим! А ко всему, я и дальше смогу выклянчивать у её отчима деньги.

– А если она сообщит ему, что ты ей изменяешь, и потребует развод? – немного заплетаясь, спросил уже явно пьяный Рик. – Леон Трейтс, как-никак, самый крупный поставщик специй в Штолле! У него даже при королевском дворе связи есть!

– Ну, даже если и расскажет, то я сильно сомневаюсь, что Леон ей поможет с разводом. Сам знаешь, если не заключать брачный контракт, а венчаться перед ликом жрицы, то развод имеет право дать лишь король. Габи уже давно не девица, да и возраст... тридцать лет – не двадцать. Нет, я практически уверен, что Леон не станет помогать ей своими связями. Он был рад до пороссячьего визга, когда эта курунога представила меня ему своим женихом. Уже не говорю о том, что пойдут массовые пересуды, и фамилия Трейтс навсегда смешается с грязью. Что-что, а я смогу представить всё в высшем свете так, что это я стал невинной жертвой её приворотного зелья. На этого слонозавра только посмотреть стоит, и всем сразу понятно станет, кто здесь пострадавшая сторона: я или она.

– Ты убедил её венчаться перед ликом жрицы без брачного контракта? – удивился Рик.

Оно и неудивительно. Редко кто в наше время стремился обзавестись навсегда связывающими брачными татуировками. Такой брак считался освящённым самой Небесной Девой, а потому разорвать его можно было лишь смертью одного из супругов или, в крайнем случае, – с разрешения короля. А вот стандартные брачные договоры и обмен кольцами – то, что в основном выбирала молодежь Штолле. Даже если ты ошибся с выбором, то есть шанс тихо-мирно развестись и остаться при своих. Благо в брачном договоре всё по пунктам расписывалось, кому и что будет принадлежать в случае развода.

Я отчётливо скрипнула зубами. Вот ведь Эдик, гадёныш мерзопакостный! Я была настолько ослеплена его ухаживаниями и красивыми словами, а помолвочное кольцо окончательно убедило в искренности его чувств, что я даже не подумала обратиться к стряпчему за составлением брачного договора!

– Эк, здорово ты придумал! – искренне восхитился Рик, отвратительно громко рыгнул, а затем недовольно добавил. – Блин, вроде элитное заведение, а готовят здесь так долго, что можно помереть от голода! Где уже наши отбивные из брюхосвина?

– Да и грустно здесь как-то, непорядок! – пьяно поддержал его Эдик. – У меня есть скидка постоянного гостя в «Райском острове», предлагаю вызвать пару-тройку девочек сюда. Не зря ж я на индивидуальный кабинет раскошелился в этом ресторане!

Послышалось одобрительное восклицание Рика, а затем чоканье кружками.

Я сглотнула вставший в горле ком и попыталась успокоить сердцебиение. Хватит с меня подслушивать у двери их кабинета. Я поняла, как ко мне относится этот мерзавец, ещё утром клявшийся в вечной любви. Глубоко вздохнула, собралась с духом и направилась в соседний кабинет ресторана, где сидели мой отчим и его деловой партнёр, как услышала характерный звук вращающихся колёсиков.

В мустафанских ресторанах приносили настолько большие порции еды, что официанты использовали передвижные столы, чтобы привозить к кабинетам несколько готовых блюд одновременно. Я увидела, как мужчина в элегантной ливрее и белых перчатках появился в конце коридора, толкая перед собой заставленный едой столик на колёсиках. Остановившись напротив первого кабинета и взяв пару тарелок, молодой человек зашёл к Леону Трейтсу и Гордану ан Бакшаху.

Я сама не поняла, как моя рука стала нашаривать пакетик со специями во внутреннем кармане платья. Всё-таки я частенько помогала отчиму в торговле, а потому кое-какие экземпляры редких трав и растений у меня всегда были с собой. Мало ли пригодятся? Когда официант скрылся за дверью соседнего кабинета, я щедро сыпанула из пакетика с семенами пустынного игольника в блюда, оставшиеся на столе, и злорадно усмехнулась.

Игольник не произрастает на территории Таршера, у нас нет пустынь. Отчим ввёз первую пробную партию этих специй из самой Мустафании. Сами по себе семена игольника придают пикантный вкус блюдам и абсолютно безвредны. Обычно их добавляют в салаты или десерты, но никогда – в мясо брюхосвинов. Коренные жители далёкой страны не едят брюхосвинов, считая их мясо переносчиком всевозможной заразы. Когда Леон покупал семена игольника, ему настоячиво рекомендовали не есть это животное. Я была бы не я, если бы не заинтересовалась этим феноменом, и не решила бы дома на блюдо из брюхосвина, приправленное пустынным игольником.

На моё везение, как только я приготовила запланированное кушанье, меня отвлекли дела по работе, и пришлось уйти из дома. Вернулась я лишь поздно вечером, забыв про еду на столе. Каково же было моё неподдельное удивление, когда я обнаружила, что брюхосвин является питательным веществом для этого странного растения, а семена игольника набухли и покрылись пупырышками. Похоже, не мясо брюхосвинов в Мустафании заразно, а семена игольника, которые всюду добавляют в блюда, смешиваясь с кровью этого животного, начинают прорастать прямо в кишечнике человека, таким образом, даря ему непередаваемую гамму ощущений. Разумеется, ни один лекарь не может диагностировать паразитов в организме больного, потому что их попросту нет, но именно на червей, как я думаю, больше всего похожи жесткие семена игольника, начавшие покрываться буграми.

Всего неделя или другая, и семена полностью выйдут из Эдика и Рика, но до тех пор им придётся изрядно побегать с редкой неизлечимой болезнью по целителям Штолле. То-то будет смеху, если со своей пикантной проблемой они обратятся к одним и тем же людям. Уже предвкушаю, какие слухи поползут об этих двоих, а также непристойные предположения, каким способом заразились этой болезнью двое мужчин.

Когда я сделала своё чёрное дело, мне чуточку полегчало. Официант вышел из кабинета, где сидели отчим и его деловой партнёр, кивнул мне в знак приветствия и покатил столик на колёсиках к следующему кабинету. Я с мрачным удовлетворением наблюдала, как мужчина в ливрее взял два блюда с отбивной из брюхосвина и зашёл в соседнюю дверь. Сама же я оправила платье и зашла в кабинет к Леону Трейтсу и Гордану ан Бакшаху.

Раскрасневшийся от споров Гордан снял с себя верхний халат и чалму, которые принято носить в Мустафании, а также засучил рукава рубашки. На его лбу выступила испарина. Леон выглядел не менее уставшим и раздражённым. Еда на столе была почти не тронута. Похоже, мужчины, занятые горячим обсуждением договора, даже не заметили того, что я выходила из кабинета ресторана. Уж я-то знаю, как профессионально умеет торговаться мой отчим, но, видимо, этот Гордан тоже не лыком шит. Поразительно, но третий час они проходятся по одним и тем же пунктам договора и никак не могут найти устраивающие обоих условия.

– А если на корабль нападут пираты, и груз будет утерян, я ещё вам и неустойку заплатить должен буду? Нет, не согласен с такой постановкой! – возмущался Леон.

– Да за всё время, что я руковожу торговлей специями, ни на один мой корабль не нападали пираты! Это написано с одной только целью, чтобы вы не спрятали груз у себя и не сказали, будто он потерян, – возмущался Гордан ан Бакшах.

Даже не стала вслушиваться в дальнейший диалог мужчин, налила себе бокал вина и залпом его выпила. И что я здесь делаю? Леон сказал, что мустафанцы очень сильно чтят семейные отношения, и если его дочка придёт на переговоры, то, скорее всего, нам дадут более лояльные условия. Ну, вот она я, а лояльных условий явно не предвидится.

В душе у меня всё ещё klokотала злоба на моего теперь-уже-бывшего жениха. Только подумать! А я столько времени о нём заботилась, разрешала ему оставаться у себя в квартире, за которую я, кстати, платила из своего кармана. А выясняется, что всё это время он постоянно ходил по борделям, его воротило только от одного моего вида, а щедрые подарки были куплены на деньги моего отчима.

Мне хотелось выговориться кому-нибудь, пожаловаться, но из всех родных людей был лишь Леон. Да и он занят делами, ему сейчас не до меня. Я посмотрела на него ещё раз. Раскрасневшийся, он ударил кулаком по столу одной рукой и кинул свёрнутый трубочкой договор в Гордана другой:

– А предпоследний пункт договора вообще возмутителен! Нет, мы что, в средние века, что ли, живём?! Да как вообще такое можно включить в договор о поставках специй из Мустафании в Таршер? Вообще-то моя дочь...

– Приёмная дочь, – невозмутимо поправил Гордан.

– Дочь, которая носит мою фамилию, – прорычал Леон, – выходит замуж. У неё **уже** есть жених! И свадьба, между прочим, состоится через неделю!

Гордан ан Бакшах окинул мою фигуру скептическим взглядом. Похоже, он ни на грамм не поверил в то, что у меня уже есть жених. Да, знаю, я далеко не писаная красавица, но неужели я настолько некрасива, что сложно предположить, будто бы меня кто-то захотел позвать замуж? Из-за одного только взгляда Гордана почувствовала, как медленно вскипаю. Отчим почувствовал моё настроение и тревожно покосился. Я знала, что он ни за что и никогда не подпишет брачный контракт от моего имени. Он столько времени уговаривал меня на брак хоть с кем-нибудь, а сейчас наконец-то успокоился, будучи уверенным, что я люблю Эдварда Троншипа. Как-то не вовремя будет сейчас объявить, что я решила с ним расстаться, и свадьбы не будет.

– Господин Леон, поймите, специи и пряности – это огромные деньги в Мустафании, и я уверен, не

меньшие у вас в Таршере. Именно поэтому я предлагаю закрепить партнёрский договор браком моего племянника и вашей падчерицы. У нас в Мустафании... – начал вдаваться в подробности деловой партнёр отца.

– В том-то и дело, что **то** у вас в Мустафании, а мы в Таршере, а если точнее – в Штолле! У нас так не делают, это неприемлемо! Моя дочь **никогда** не выйдет замуж за мустафанца! – с горячностью перебил его Леон.

Наверно, меня должна была напрячь фраза отчима, что в Таршере не заключаются браки ради слияния и расширения семейных дел двух родов. Ведь именно этого и хотел от меня отчим на протяжении многих лет. Но я была слишком огорошена открывшейся правдой о женихе, что слушала вполуха.

– Никогда? То есть таршерцы по-вашему априори лучше мустфанцев?! – ядовито процедил Гордан и встал. – Мне очень жаль, что я потратил день впустую, чтобы уговорить такого упрямого осла. Я думал, что вы понимаете, о каких деньгах идёт речь...

– Осла?! – взвился Леон. Что-что, а мустафанец явно перешёл все границы, начав оскорблять. – Да вы себя в зеркале видели? Да вы...

На этом моменте я поняла, что делать здесь мне больше нечего. Тем более за стеной пьют и отмечают предстоящую свадьбу Эдик и Рик, и к ним скоро присоединятся гости. От последней мысли стало совсем тошно. Неприятно, когда узнаешь, что мужчина, который тебе нравился долгое время и за которого ты практически вышла замуж, в постели на твоём месте представляет бордельную шлюху. Не хотелось бы случайно встретиться в коридоре ресторана с Эдиком, а чем дольше я здесь нахожусь, тем больше рискую. Мой жених со своим другом вот-вот дойдут до нужной кондиции и пригласят девушек по вызову прямо в арендованный кабинет. Сил моих больше нет здесь находиться.

Под взаимные крики и ругательства отчима и его теперь-уже-точно-конкурента в торговых делах молча опрокинула в себя ещё один бокал вина, встала со стула и вышла из элитного ресторана. Кажется, они даже не заметили моего ухода из кабинета, так сильно были заняты своей ссорой.

Куда мне податься? Домой, куда в любой момент может заявиться пьяный Эдик? Что-то не хочется. Может, к подруге? Нет у меня друг, и никогда не было. Поняла я это ещё в шестнадцать лет, когда отчиму пришло первое приглашение на бал на моё имя. Я тогда долго готовилась, два месяца шила платье на заказ у ведущей портнихи Штолле. Леон не пожалел денег, чтобы вывести меня в свет, а подруги как на перебой хотели появиться на балу вместе со мной. Весь вечер я одиноко просидела на стуле, и меня так никто и не пригласил на танец. Позднее, под самый конец мероприятия после многочисленных сочувственных вздохов и взглядов от подруг какая-то сердобольная пожилая матрона, наблюдавшая за мной всё время, объяснила, что всё это сопереживание насквозь пропитано фальшью. На самом же деле девушки специально кокетливо поправляют причёску и стреляют глазками в молодых перспективных аристократов, стоя около меня, и тем самым выделяясь на фоне растерянной пухленькой сверстницы в лучшую сторону. Именно поэтому, когда мимо проходил кто-либо из кавалеров, и начинала играть медленная музыка, выбор мужчины всегда падал не на меня. С тех пор я больше не общалась с ровесницами и не посещала балы.

Тряхнула головой, отгоняя воспоминания юности. Можно было бы поехать на работу, но боюсь, что в том состоянии, в котором я нахожусь сейчас, переломаю артефакты, оставленные клиентами на реставрацию, или же вовсе устрою большой взрыв. Слишком уж меня колотило после всего услышанного, а ссора между Леоном и его деловым партнёром спокойствия не добавила. Нельзя в таком состоянии садиться за инструменты и магию.

Почему-то в голове всплыла фраза Эдика, что у него есть скидка постоянного гостя в «Райском острове». «А пойду-ка я туда под его фамилией, устрою такой дебош, чтобы потом его туда вообще не пускали!» – неожиданно зло решила, поймала карету и крикнула кучеру, чтобы он гнал в самое популярное заведение для мужчин в Штолле. Наверно, выпитый бокал вина придал мне уверенности, потому что когда кучер обернулся на меня и попробовал возразить, что не пристало госпоже появляться в таких местах, я лишь прикрикнула на него громче и приложила к бутылке, прихваченной на выходе из мустафанского ресторана.

К сожалению, бутылка оказалась быстро выпитой, а вино не брало. На входе в «Райский остров» меня не хотели пускать, мотивируя тем, что заведение ещё не открылось. Но я была не я и пригрозила, что являюсь невестой Эдварда Троншипа, который регулярно оставляет здесь круглую сумму денег, и если меня не пустят, то я обязательно порекомендую своему будущему супругу пользоваться услугами другого развлекательного заведения. Одновременно с этими словами я очень ловко, как мне тогда показалось, засунула несколько золотых в карман управляющего.

Управляющий посмотрел на меня круглыми от удивления глазами, пробормотал извинения и

посадил в общий зал за один из столиков около сцены. Как оказалось, «Райский остров» являлся в первую очередь именно кабаре, где девушки в полуголом виде плясали на сцене, задирая юбки. Но постоянные клиенты прекрасно знали, что за разумную плату с любой девицей можно договориться и на большее, а на втором этаже заведения располагались «комнаты отдыха».

Я почти сразу же поняла, что управляющий слухавил, говоря, что заведение ещё не открылось. На сцене пока ещё действительно никого не было, но ко мне почти сразу же подскочил наргиле-мастер с вопросом, что именно я желаю. Развела руками, показывая, что никогда не вдыхала сладковатый дым этих странных курительных приборов с длинными рукавами-трубками. Да я и в целом никогда не курила даже обычный табак!

– О, тогда я вам сделаю наш лучший, можно сказать, фирменный наргиле! – проникновенно сказал мастер, подмигнул мне левым глазом и скрылся из виду.

Согласно кивнула, не представляя, на что подписываюсь. В любом случае, я пришла в «Райский остров» под фамилией Троншип. У женишка здесь наверняка открыт кредит, а значит, надо сделать дыру чуть больше в бюджете моего ненаглядного. В отместку, так сказать, за то, что он больше года доил моего отчима, пускай расплачивается теперь за свою невесту!

Я чувствовала на себе подозрительный взгляд управляющего, но постаралась расслабиться и не обращать на него внимание. И чего он так пялится, словно водяной на новое болото? На самом деле, не запал же он на меня. У него тут целое кабаре, точнее, бордель полуголых накрашенных красоток на любой вкус и цвет, на фоне которых я просто толстая кикимора.

Постепенно потух свет в общем зале, заиграла мелодичная музыка, а на сцене, плавно двигаясь, появлялись девушки с роскошными телами одна за другой. Молча смотрела на них, не понимая, что так сильно отличает меня от этих девушек. Вроде тоже две руки, две ноги, одна голова.

Я оглянулась и заметила, что зал постепенно стал наполняться мужчинами разного возраста и достатка. Здесь были криворожие грузчики из портового квартала средних лет, которые откладывали деньги явно целую неделю, а то и две, чтобы попасть в «Райский остров», и молодой симпатичный конюх с мощным телом, заплативший за вход, но явно рассчитывающий на бесплатное «продолжение банкета». Он кивал пляшущим полуголым девицам на сцене, но те явно к нему не спешили, прекрасно понимая, что у него нечем расплатиться за дополнительное удовольствие. Несколько солидно одетых мужчин явно из более зажиточного слоя населения Штолле расположились за дальними столиками. Примерные семьянины, уставшие от работы, голосистой жены и своры орущих детишек, позволили себе расслабиться в «Райском острове». Они уже раскуривали заказанный наргиле и, судя по их лицам, явно получали удовольствие.

Вернулся мастер. Он принёс какой-то стеклянный сосуд причудливой формы с клокочущей тёмно-синей жидкостью и клубящимися кольцами дыма, исходящими из странной длинной трубки. Я с подозрением уставилась на это чудо, как-то резко перехотелось пробовать наргиле. Но мастер продолжал стоять над моей душой, ожидая, что я оценю этот странный фиолетовый дым.

– Э-м-м-м... а что это? – задала я, пожалуй, самый дурацкий вопрос, чтобы потянуть время.

– О, это наш самый-самый лучший наргиле, привезённый из самой Мустафании! Вот эта жидкость – особая смесь различных трав, – заискивающе принялся объяснять мастер. – Сосуд нагревает содержимое до определённой температуры, благодаря чему вы можете вдыхать этот божественный аромат. Попробуйте! Не стесняйтесь! На родине наргиле считается лучшим способом расслабления и снятия напряжения.

Противный мастер так и не отошёл от меня. Я ещё раз обернулась на мужчин, потягивающих дым с выражением крайнего блаженства на лице, вздохнула, взяла в рот трубку и с определённой долей скепсиса вдохнула фиолетовый дым. «Как-то у меня сегодня всё с Мустафанией связано: и о предательстве жениха я узнала в мустафанском ресторане, и отомстила ему и его другу семенами пустынного игольника, привезёнными из этой же страны. Значит, и наргиле я сегодня тоже должна распробовать».

Наверно, надо было спросить, как правильно курить травы из необычного сосуда и как много можно вдохнуть за один раз. Я поняла это лишь тогда, когда едкий фиолетовый дым обжог лёгкие, заставив меня судорожно задыхаться и откашливаться. Какой же он приторно-сладкий! На какой-то миг проскочила мысль, что я превратилась в огнедышащее чудовище, но почти сразу неприятные ощущения отступили, а на глазах выступили крупные слёзы. Это у них «расслабиться» называется?!

– О, вижу, вам понравилось! – довольно воскликнул мастер, а затем заботливо добавил. – Вы это, не переусердствуйте. В первый раз наргиле и в голову может ударить, вдыхайте дым маленькими глотками и тогда получите настоящее удовольствие. – И с этими словами он исчез.

Ещё какое-то время я сражалась с пресловутой вазой со шлангом, вдыхая то так, то этак, затем

приспособилась и стала смотреть на девушек на сцене, время от времени прикладываясь к трубке. Желание устроить дебош от имени моего жениха постепенно улетучилось, ноги налились свинцовой тяжестью, настроение упало ниже некуда. Да кого я обманываю? У этих девиц видно талию, волосы густые и блестящие, нет ни одной растяжки на коже или морщинки на лице, а взгляд не обременён печатью интеллекта... Именно таких девиц предпочитают видеть мужчины в своей постели.

Затянулась ещё раз. Какой-то непонятный мужик с бегающими глазками за соседним нагло мне лыбился. Когда я открыто посмотрела на него, и мы встретились взглядами, он стал усердно пошловато подмигивать и кивать головой в сторону сцены, будто у него нервный тик. Что это с ним? Конвульсия, что ли? Я нахохлилась и отвернулась от него, прижав драгоценный наргиле поближе. Может, зря я вообще сюда пришла? Среди гостей заведения нет женщин, кроме меня, а представления на сцене меня совершенно не цепляют. Всё-таки они рассчитаны на мужской контингент.

Я раздумывала, стоит мне уйти или нет, когда мой чувствительный нос уловил невероятный, просто-таки сводящий с ума запах хвойного дерева с нотками ягод можжевельника. Он резко выделялся на фоне сладкого фиолетового дыма. Отчим частенько брал меня на контрольные закупки специй, так как я очень хорошо разбиралась во всевозможных запахах и сходу могла различить качественные специи от лежалых. Мой нос ещё никогда в жизни меня не подводил. Так вот, почувствовав этот аромат, я поняла, что он принадлежит, по меньшей мере, богу. Позади меня раздался мягкий и текучий как мёд баритон, под стать восхитительному мужскому запаху:

– Девушка, я могу сесть за ваш столик?

Обернулась, чтобы увидеть бога, который снизошёл на грешную землю и обратился со странным вопросом, но действительность была, увы, далека от моих фантазий. Передо мной стоял самый обыкновенный мужчина на год или два старше меня. Его нескладная фигура сразу бросалась в глаза. Слишком узкие плечи и бёдра при среднем росте, чересчур вытянутая голова, небольшая щетина на лице и слишком крупные передние зубы. Однако одет мужчина был просто безукоризненно: фрак из плотной ткани с искусной отделкой явно был сшит на заказ, а не куплен в магазине готовой одежды. Зауженные и идеально отглаженные штаны были аккуратно заправлены в высокие, до блеска начищенные сапоги. Мужчина снял тонкие кожаные перчатки с рук, и я заметила на его длинных аристократичных пальцах несколько массивных перстней из чистого золота с крупными драгоценными камнями. Мизинец левой руки украшал перстень-печатка с родовым гербом, но, к сожалению, рисунок герба я разобрать не смогла. Принадлежность к высшему сословию выдавала в мужчине и его выправка.

Интересно, что делает этот аристократ в «Райском острове»? Да он мог бы купить весь этот бордель на одно кольцо на его пальце. Как-то не верится, что он является частым посетителем столь сомнительного заведения.

Тем временем мужчина, не дождавшись от меня приглашения, сел за мой столик. Я лишь тихо хмыкнула, поражаясь такому решительному характеру незнакомца. Управляющий лично тут же принёс незнакомцу новый дымящийся наргиле с тёмно-фиолетовой жидкостью, как у меня.

– Могу ли я ещё быть чем-то вам полезен? – залебезил он, низко кланяясь в пол и не смея разогнуть спину в присутствии незнакомца.

– Пока всё, можете идти. Если что-то ещё понадобится, я дам знать, – ровным тоном ответил загадочный мужчина.

– Возможно, мне стоит прислать к вам девушек? Вам какие больше нравятся: брюнетки или блондинки? Может, рыжие? У нас и такие есть, – заискивающе предложил управляющий, чем вызвал внутреннюю волну моего возмущения.

Нет, я, конечно, этого мужчину не приглашала за свой столик, он сам сел, но раз уж сел со мной, то как-то, пардон, нагло, вот так ему совать под нос своих барышень. Я, вообще-то, тоже барышня, а не пустое место. Да, не такая стройная и молодая, но всё же... Вспомнились слова «второй свежести» в свой адрес из уст моего жениха, и стало безумно обидно.

– Я же сказал, что дам знать. Идите, – проговорил мужчина, не повысив, а наоборот, понизив тон. Ого! Да от этих слов мне самой захотелось встать и уйти куда подальше, но я сдержала малодушный порыв. Кто же сел за мой столик? Он явно привык отдавать команды.

Незнакомец проводил взглядом удалившегося управляющего, а затем с сомнением посмотрел на наргиле перед собой. Именно с таким выражением лица я смотрела на свой курительный прибор, когда мне предложили его попробовать. Неужели он никогда не курил наргиле? Зачем тогда заказывал? Мужчина тем временем размотал длинный рукав, заканчивающийся трубкой, и аккуратно вдохнул в себя дым, после чего надолго закашлялся, а на его глазах выступили слёзы.

– Неужели эта вещь может снять напряжение? – с сомнением спросил он меня, после того как

приступ безудержного кашля закончился.

Я пожала плечами.

– Покажите, пожалуйста, как надо, – вновь он обратился ко мне, протягивая свою рукав-трубку наргиле.

«Ну, раз обращается за помощью, надо помочь», – решила я. По телу разливалось приятное тепло, свинцовая тяжесть в конечностях отступала, сменяясь чувством умиротворения. «Хорошая всё-таки вещь, этот наргиле», – отметила про себя и позвала мастера, требуя сделать себе ещё один, так как тёмно-синяя жидкость в моём закончилась.

Незнакомец старательно повторял все мои действия, раскуривая свой прибор, и через некоторое время у него получилось сделать всё правильно. Не помню, но как-то наше общение само собой перешло на «ты». Как оказалось, мужчину, подсевшего за мой столик, звали Оберан. Сегодня днём он должен был прийти в мустафанский ресторан на деловую встречу, но случайно ошибся кабинетом и застучал свою возлюбленную на романтическом свидании с дворецким. Несса рассказывала, что у Оберана слишком большие передние зубы, делающие его похожим на коня, и он отвратительно целуется. А ещё он страшен и худ как смертный грех, и, судя по тому, что ни разу не попытался склонить красавицу Нессу к добрым отношениям, определённо дрищ-импотент. Вот дворецкий Апполонио – совершенно другое дело: красив, молод, темпераментен, а его шикарные пышные усы могут свести с ума любую девушку. Ещё Оберан услышал, что Нессе от него нужны только деньги, и сразу же, как она станет госпожой Ашенхай, перестанет скрывать наличие своего постоянного любовника в лице Апполонио. Самое дурацкое во всей этой истории, что свадьба назначена уже через неделю, праздничные костюмы пошиты, приглашения гостям разосланы, и отменять всё это будет сродни полосканию исподнего у всех на глазах.

История Оберана оказалась удивительно созвучна моей собственной и нашла живейший отклик в моей душе. В какой-то момент Оберан стал выдувать воздух в другую сторону, пуская пузыри внутрь наргиле, и эта обыкновенная детская шалость показалась мне безумно смешной. Я захохотала, заёрзала на кресле, и из платья выпал мешочек с остатками семян пустынного игольника. Оберан, лишь уточнив, что это специи, высыпал всё содержимое в свой наргиле и дал мне попробовать получившуюся смесь. К моему удивлению, игольник очень приятно изменил вкус приторно-сладкого дыма, добавив ему лёгкую пряную горчинку. Недолго думая, я достала из закровов второй мешочек с семенами игольника и высыпала уже в свой сосуд с травами.

Через некоторое время я почувствовала и вовсе лёгкость в теле, захотелось смеяться и танцевать. В голове слегка шумело, но это совершенно не мешало мне наслаждаться номерами девиц на сцене, которые вдруг показались очень даже интересными и наполненными смыслом. В какой-то момент вышли девицы в белых рясах, изображающие из себя жриц храма, а Оберану вдруг пришло в голову, что номеру не достаёт достоверности.

– На сцене обязательно должен быть Разговаривающий с Душами! – грозно он сказал управляющему, суя ему горсть золотых монет в руки.

– Но господин, сейчас середина ночи, где я найду вам духовника в такое время? – пролепетал напуганный управляющий заведения.

– Мне неважно где, главное, чтобы он был здесь и как можно скорее! Вон, жрицы храма на сцене заждались! Где же это видано, чтобы жрицы проводили службу без Разговаривающего с Душами? Срочно нужен духовник! – отрезал Оберан.

Дальше всё в голове как-то смешалось и вспоминается с трудом. Помню, что через некоторое время пришёл низкорослый духовник с длинной бородой, он что-то кричал и возмущался, но Оберан насыпал ему столько золота в карман белой рясы, что тот согласился на обряд. Публика в заведении хохотала, нам с Обераном что-то кричали из зала, а потом он схватил меня за руку и пригласил на подмостки театра... то есть на сцену борделя. Дальше в памяти зиял провал.

Боже, как же сложно открыть глаза. Невероятно сложно. Кажется, если я их сейчас открою, то мои виски пронзит боль, сопоставимая с раной, полученной от стрелы. Я почувствовала, как к горлу подкатила тошнота, и меня скрутило в сухом рвотном позыве. Благо не вырвало, фух! А где я?

Я открыла глаза, но голова сильно кружилась, и предметы всё никак не хотели вставать на свои места. Где я вчера была? В борделе «Райский остров»? Ох, надеюсь, за то время, пока я была в отключке, никто не решил воспользоваться моим беспомощным состоянием? А вдруг меня спутали с бордельной девкой? О-о-о... То-то будет у моего отчима инфаркт, если в свет выплывет правда о том, что его единственная и любимая приёмная дочь провела ночь сразу с несколькими мужчинами! Он и так отчаялся выдать меня замуж, а после такого... Да это же скандал и позор для всего рода Трейтс! После этого ему придётся отказаться от меня, чтобы деловые партнёры продолжали вести с ним дела, и то не факт, что это спасёт ситуацию. Весьма вероятно, что после

такого скандала ведущие рестораны и крупные торговцы откажутся покупать у него пряности и специи... Хотя бы никто не узнал, что приёмная дочь Леона Трейтса провела целую ночь в увеселительном заведении для мужчин! И на кой дьявол меня туда понесло? Ах, ну да, чтобы понять, чем эти девицы лучше меня... Ну да, ну да.

Зрение потихонечку восстанавливалось, и я смогла рассмотреть, что лежу на широкой двуспальной кровати под парчовым балдахином, а яркий солнечный свет заливает просторную комнату в щёлочки между тяжёлыми бархатными гардинами.

«Фу-у-ух, я не в борделе. Уже хорошо. Не знаю, как выглядят комнаты в «Райском Острове», но уверена, что они не столь просторны и пол не выложен дорогим паркетом. А значит... я в чьей-то спальне», – пронеслось в голове.

Именно в этот момент гора из шерстяного одеяла рядом со мной пошевелилась и застонала на удивление знакомым голосом:

– О-о-о-о, как же мне плохо-о-о... – И через секунду я увидела темноволосую макушку Оберана, а затем – его огромные серо-голубые глаза, вззирающие на меня с неподдельным испугом.

В этот момент я кожей почувствовала, что на мне нет ни туфель, ни чулок, ни платья, по ощущениям осталось лишь нижнее бельё и всё. В поле зрения позади Оберана попали мужские штаны, частично вывернутые и неаккуратно свисающие с высокой спинки кресла. Именно так в моём представлении должны лежать мужские штаны, когда человека охватывает желание, и он спешно раздевается во время страстной ночи.

Очень нехорошие предчувствия поселились у меня в голове. Я гулко сглотнула, ощупывая себя под одеялом. Было или не было? Вот в чём вопрос. И если было, то использовал ли Оберан средства предохранения? Я прислушалась к ощущениям в своём теле и поняла, что даже если и было, то по обоюдному согласию, потому что неприятных ощущений не наблюдалось. Это не могло не радовать. С другой стороны, если всё-таки всё было, и Оберан забыл о средствах контрацепции, то... Ой! Даже думать об этом не хочется! Да, мне уже тридцать лет, да и я сама ещё вчера намеревалась выйти замуж за Эдварда, а в скором времени завести детей, но не вот так же беременеть от первого встречного! Чёрт, да я даже совсем ничего не знаю о мужчине, с которым проснулась в одной постели! Никогда не класть семена игольника в наргиле, иначе это чревато провалами в памяти. Надо запомнить.

– Вы?! – не то взревел, не то прохрипел Оберан с такой интонацией, что мне вдруг стало до глубины души обидно. Нет, значит, как вчера мне плакаться в жилетку на свою невесту – так я для этого подхожу, а как сегодня на трезвую голову проснуться со мной в одной постели, так, значит, я слишком страшная для него?!

Так, панталоны точно на месте, а ввиду того, в каком пьяном состоянии мы были оба, то, скорее всего, между нами всё-таки ничего не было. Сомнительно, чтобы после такого действия у меня или у Оберана хватило сил вернуть бельё на место. Пока я обдумывала всё это и ощупывала себя под одеялом, то не заметила, что это самое одеяло сползло очень и очень низко, обнажив мою шею, руки и даже грудь. Я успела подхватить тряпку лишь тогда, когда заметила заинтересованный взгляд Оберана, направленный ниже моего подбородка. И это случилось лишь в последнем сантиметре от самого пикантного места. Вот же дьявол!

– Мы не... – начала я, почему-то краснея. Чёрт, и почему я краснею-то? Не девственница уже и, причём, давно, и лет мне почти тридцать, а чувствую себя словно шестнадцатилетний подросток, застуканный при первом поцелуе.

Кадык Оберина дёрнулся, было видно, с каким усердием он перевёл взгляд и посмотрел мне в глаза.

– Вы уверены? – произнёс он уже намного тише и мягче и вновь скользнул куда-то глазами.

Уверена? Конечно же нет, я ни в чём не уверена! Я вообще ничего не помню, что было вчера после вызова духовника в «Райский остров». Двумикий Бес, ну, куда он смотрит? У него невеста была больше года, как её... Несса, что ли? Неужели у Нессы груди не было?

Я интуитивно положила руку на то место, куда смотрел Оберан, и охнула от боли. О-о-о-о, это что-то новенькое... Это что? Засос?! На груди? Я судорожно стала ощупывать кожу, чуть надавливая, и зажмурилась от боли. Засос на шее! Последнее я, кажется, выкрикнула вслух, так как мужчина дёрнулся в кровати и практически выпал с противоположенной от меня стороны. Разумеется, при падении он вцепился в наше общее одеяло, и оно вновь начало соскальзывать с меня. Я же вцепилась обеими руками в одеяло со своей стороны и попыталась прикрыть себя. Несколько секунд шла напряжённая и бессловесная борьба за кусок ткани.

– Мне нужно это одеяло, – сжимая зубы, проговорил он.

– Поверьте, мне нужнее, – упрямо процедила я. Ага, разбежался! Что я там не видела у мужчин? С Эдвардом у нас отношения давно перешли в горизонтальную плоскость, а вот своими телесами сверкать как-то совершенно не хочется перед незнакомым мужчиной.

Раздался жалобный треск несчастной вещи. Оберан тяжело выдохнул, видимо, смирившись с тем, что он должен уступить даме в этом щекотливом вопросе, и выпустил одеяло из своих рук. Я моментально обернула шерстяную ткань вокруг себя и выскочила в ближайшую дверь, ведущую в ванную, с бормотанием «мне надо одеться». Не удержалась и бросила короткий взгляд на стратегически важное место у мужчин. А ничего так, внушает уважение. Нет, определённо, если бы этой ночью между мной и Обераном что-то было, то я должна была бы *это* запомнить, даже с поправкой на одурманенный игольником мозг. Про себя я также краем глаза отметила худощавое, но жилистое строение тела Оберана. Никаких дряблых мышц или признаков хилости не было. Да, он был худее, чем большинство мужчин, но точно не «дрищ», как назвала его Несса, и уж точно не импотент.

В ванной комнате я первым делом подошла к зеркалу и обнаружила на своей шее и груди два крупных тёмно-фиолетовых засоса.

– О не-е-ет, за что мне это? – вздохнула я, открыла кран и бросила горсть воды себе в лицо. – Никогда, слышишь, Габриэлла, никогда больше не добавляй семена игольника в наргиле! А ещё лучше вообще никогда не прикасайся к этому курительному прибору из Мустафании. Все беды родом из этой страны, – я погрозила пальцем собственному отражению.

Из зеркала на меня смотрело очень заспанное чудовище с помятым лицом, припухшими и искусанными губами и всклокоченными волосами. Да, судя по моим губам и засосам, мы всё-таки целовались. Как же всё-таки обидно, что я совершенно ничего не помню! Несправедливо!

Я долго умывалась, после чего нашла расчёску и заплела волосы в тугую косу, кое-как привела себя в порядок. На крючке около самой ванны висел длинный мужской халат, и я с удовольствием заменила своё скромное одеяние из шерстяного одеяла на этот халат. Как же от него вкусно пахло смесью хвои и можжевельника! Но всё-таки надо бы платье своё найти. Наверняка оно валяется где-то в спальне Оберана. И только когда я стала продевать левую руку в рукав халата, тонкая золотая вязь на внутренней стороне запястья привлекла моё внимание.

– Что?! – воскликнула я и, кажется, именно в эту же секунду услышала точно такой же мужской рык из спальни.

Я рывком дёрнула на себя дверь в комнату и оказалась нос к носу с Обераном. За время моего отсутствия он успел уже надеть штаны и накинуть на себя рубашку. Похоже, он точно так же, как и я в момент продевания рук в рукава, обнаружил у себя брачную татуировку, потому что пуговицы рубашки были расстёгнуты, обнажая его плоский живот и тонкую, но густую дорожку тёмных волос, ведущую от пупка вниз и теряющуюся за ремнём брюк. Теперь уже я сглотнула и с трудом отвела глаза в сторону, прекрасно понимая, что неприлично вот так пялиться на незнакомому мне мужчину.

– Покажи свою руку, – эмоционально сказал он и схватил меня за левую руку, задирая рукав халата.

Золотое плетение на моей руке с точностью до последнего завитка совпадало с плетением на руке Оберана. Это могло значить лишь одно.

– Мы женаты, – произнесла я очевидную вещь, глядя на брачную татуировку, и моё сердце ухнуло куда-то в пятки.

В Таршере чаще всего заключали брак на бумагах, тщательно составляя со стряпчими специальный контракт, предусматривающий, что кому отойдёт, если супруги всё-таки решат развестись. А на красивой церемонии перед ликом жрицы храма и прибывшими гостями молодожёны обменивались перстнями и заранее подготовленными клятвами. В таком случае, если молодые супруги по какой-то причине всё-таки решали развестись, а детей в браке не было, то достаточно было обоюднo прийти к стряпчему и объявить о добровольном расторжении брачного контракта.

В случае если обряд проводила не обычная жрица храма, а Разговаривающий с Душами, у новобрачных появлялись идентичные магические татуировки на внутренней стороне запястья, выполненные будто бы из жидкого серебра. Чтобы развестись в таком случае, нужны были очень и очень веские причины. За разводом требовалось обращаться к самому королю Таршера как наместнику богов на земле. Считалось, что раз боги соединили судьбы людей, то только их наместник может даровать развод.

Именно поэтому мой несостоявшийся жених Эдвард Троншип надеялся на брак, заключённый духовником. Если бы всё сложилось так, как он хотел, то, скорее всего, я была бы к нему привязана до конца жизни.

Очень редко вместо серебряных татуировок на предплечьях новобрачных проявлялись золотые. Если такое случалось, то в народе говорили, что сама Небесная Дева даровала своё благословение двум людям. Формально такие браки считались нерасторжимыми, но я знала, что прецеденты были и не раз. Просто в этом случае один из супругов отстёгивал уж очень кругленькую сумму денег королю Таршера, и как-то так само собой получалось, что книга с записями обрядов пропадала из храма, или нужная страница из неё оказывалась вырванной, а золотая татуировка загадочным способом исчезала с рук бывших супругов. Я понимала, что всё это лишь вопрос средств и связей, но теперь, когда увидела именно золотую татуировку на своей руке, пришло осознание: я крупно влипла. Придётся обо всём рассказывать Леону. Без финансовой помощи и связей при дворе своего отчима я самостоятельно развестись с супругом не смогу.

– Мы женаты, – эхом простонал Оберан и стал нервно мерить комнату спальни шагами, застёгивая подрагивающими тонкими пальцами пуговицы рубашки. – Этого не может быть! Просто не может! Двумикий Бес, как это могло произойти?! У меня, вообще-то, свадьба с Ванессой на носу!

Каждое следующее предложение он говорил всё громче и громче, пока, наконец, не проорал последнее так, то затряслись хрустальные подвески на люстре. И, сам испугавшись своего крика, Оберан тут же замолк. Почти сразу же я услышала шаги за дверью, а затем стук в дверь.

– Господин, вы звали? Я могу зайти?

– О, это же Кора, – облегчённо выдохнул Оберан, а затем пояснил мне: – Моя кухарка. Она оставалась на ночь в моём особняке, а потому сможет нам объяснить, что произошло. Ты не против, если я разрешу ей войти?

Конечно же, я была против. Совершенно чужой и незнакомый мне человек сейчас войдёт в спальню своего хозяина и застанет меня в мужском халате. Но что делать-то? И так уже всё, что только могло произойти, произошло. А с Корой я всё равно встречу, когда выйду за пределы спальни Оберана. Но всё-таки приятно, что он вспомнил обо мне и спросил разрешения. Я неуверенно кивнула.

– Можешь входить, – громко велел хозяин дома.

– Доброе утро, господин и госпожа, – зашебетала круглолицая пухлощёкая кухарка Кора, вошедшая в хозяйскую спальню. На вид ей было около сорока, но по звонкому голосу я не дала бы и двадцати пяти. Она так же, как и я, имела лишний вес, и я сразу почувствовала, что мы с ней сойдёмся характерами. В мире, где красотой считается болезненная худоба, нам, женщинам с широкой костью, приходится держаться вместе. – Разрешите поздравить вас, – она обернулась к Оберану, – с женитьбой!

Затем её взгляд скользнул по мне и задержался на моей шее, после чего она добавила, уже чуть тише и обращаясь ко мне:

– И первой брачной ночью. – После чего подмигнула мне.

Я несколько опешила от такой фривольности, так как в нашем доме слуги всегда знали своё место и не позволяли себе ничего лишнего, но сделала вид, что не обратила на это внимания. А вот ворот халата пришлось подтянуть, чтобы спрятать следы бурной страсти. Двумикий Бес! Ведь в том платье, в котором я вчера ушла в растрёпанных чувствах из мустафанского ресторана, ворот ещё ниже, чем в этом халате! Кстати, где оно?

Оберан, уже ни на что не надеясь, спросил:

– Кора, а в котором часу мы с э...

«Небесная Дева, да он же моего имени не помнит!» – неприятно осенило меня.

– Госпожой Габриэллой Ашенхай, – умело подсказала кухарка, поняв загвоздку хозяина.

Лицо мужчины вытянулось от удивления. «Он что, до сих пор думал, что женился на продажной девке из борделя?» – вдруг дошло до меня. Обычно такие девушки не имеют имён – только псевдонимы, которыми они представляются клиентам. Представляю, каково ему, голубчику, было сегодня с утра... во сто крат хуже моего. У него же вон особняк какой дорогой, явно деньги имеются, а тут безродная девка без приданого, которую пользовали по несколько раз за ночь возникшие да конюхи. Вот, спасибо, за высокую оценку в мой адрес! Так, надо заканчивать этот фарс поскорее и оформлять развод или же признать брак недействительным.

– Госпожой Габриэллой, – послушно повторил Оберан, кинув на меня извиняющийся взгляд, – вернулись домой?

– Это было ближе к рассвету, господин, – не моргнув и глазом, сообщила кухарка.

– А... э... бумаги какие-то при нас были? Брачный договор? – встряла я со своими вопросами. Похоже, мой новоявленный супруг даже не подумал об этом, потому что кинул на меня удивлённый взгляд. Ну да, если договор есть, то развод получится оформить значительно легче, никто ни на что не претендует. Хотя, конечно, это и не избавляет нас от золотых татуировок.

– Нет, господин. Вы пришли вдвоём без каких-либо бумаг или стряпчего, перенесли свою жену на руках через порог особняка и сразу же направились в спальню. Это было та-а-ак романтично! – Она прижала руки к груди и восторженно захлопала ресницами.

Я фыркнула и закатила глаза, а мужчина подавился смешком. М-да, судя по всему, ни я, ни Оберан не испытывали и толики тех чувств, которые испытывала кухарка. Мы обменялись хмурыми взглядами, затем хозяин дома спросил:

– А кроме тебя в особняке ещё кто-то был?

– Нет. – Кора замотала головой. – Апполонио так и не вернулся со вчерашнего вечера. А э... – она бросила кроткий взгляд на меня, но, увидев моё спокойствие, приободрилась, – Ванесса также заходила лишь вчера утром, но, не застав вас, велела передать, что навестит сегодня. Служанки Лолита и Амелия брали вчера выходной, придут лишь сегодня.

По лицу Оберана пробежала тень облегчения, а я рассердилась. Вот зуб даю, он подумал о том, чтобы эта девица не видела вчера нас вместе. Какого дьявола он вообще думает о ней, когда она столько гадких вещей про него вчера наговорила своему любовнику?

– А моё платье вы не видели? – задала я, пожалуй, самый важный вопрос, который меня интересовал в этот момент.

– Госпожа, вот оно. Вы его вчера скинули в прихожей. – Она протянула мне свёрток одежды под пристальным взглядом Оберана.

М-да, представляю, что он сейчас думает. Так стремилась забраться к нему в постель и подтвердить брак, что выпрыгнула из платья, не дойдя до спальни. Как можно более с невозмутимым видом я взяла одежду в руки.

– Спускайтесь к завтраку, всё уже готово. Господин, я могу идти? – уточнила кухарка.

Мужчина кивнул, о чём-то глубоко задумавшись. Когда кухарка покинула спальню, я направилась было в ванную, чтобы вновь переодеться, как меня остановил мягкий баритон.

– Стой...те, вы куда?

– Вообще-то переодеться. Не ходить же мне всё время в вашем халате, – ответила я, указывая взглядом на одежду.

– А, ну да, конечно. – Он отпустил меня в ванную и остался ждать в спальне.

Я зашла в уже знакомое помещение, стянула халат и начала натягивать на себя родное платье, как услышала голос Оберана из-за двери.

– Габриэлла, я прошу прощения, я плохо помню вчерашний вечер и сегодняшнюю ночь. Возможно, мой вопрос покажется вам странным. Правильно ли я понимаю, что вы... э-м-м... не сотрудница «Райского острова»?

Я фыркнула, едва сдерживая смешок. Испугался за своё имущество или за репутацию? Ну-ну, поздно как-то.

– Даже если и сотрудница, то что с того? – крикнула я из-за двери, поправляя ворот платья. Чёрт, синяки всё же видно, надо бы чем-нибудь прикрыть. И почему я вчера, выходя из дома, даже шаль не прихватила с собой?

Потрясённое молчание было мне ответом. Неужели его, голубчика, удар хватил? Когда я вышла из ванной комнаты, то встретила взглядом с серо-голубыми глазами Оберана. В них плескалась целая гамма эмоций: боль, осознание, какую ошибку он допустил, лёгкое, едва заметное отвращение ко мне и глубокое презрение к самому себе.

Я уже была готова сказать, что всё не так плохо, как он думает, и на самом деле никакая я не бордельная девица, а дочь уважаемого торговца пряностями и специями, как взгляд Оберана переместился на моё лицо. Он некоторое время внимательно разглядывал мои волосы, нос, губы, затем произнёс:

– Странно... вчера вечером вы мне показались другой.

Я хмыкнула. Ну, да, вчера по просьбе моего отчима я шла в элитный ресторан на встречу Леона Трейтса с его деловым партнёром Горданом ан Бакшахом родом из Мустафании. Меня убедили, что мустафанские женщины ярко красятся, потому что это нравится их мужчинам. Перед выходом из дома я нанесла настоящую боевую раскраску на бледное лицо, а сейчас её смысла в раковине, и перед Обераном стояла я настоящая. Со светлыми ресницами и волосами, бледно-голубыми глазами, совершенно непохожая на ту, что сидела в одиночестве в кабаре «Райский остров».

В глубине души стало обидно. Одно дело, когда мужчина испытывает неприязнь, думая, что перед ним гулящая девка из борделя. Совершенно другое, когда он считает женщину перед собой некрасивой. Наверно, я поступила по-детски, но эта фраза показалась мне настолько обидной, что я решила временно не сообщать ему, что я была лишь гостьей в «Райском острове».

– Надо развестись, – пробормотал чуть слышно Оберан, думая, что я не слышу.

Я пожала плечами. Надо, так надо. Я что? Против, что ли?

– А можно попросить вашу рубашку? – Неожиданно мне пришло в голову, что, если надеть мужскую рубашку поверх моего платья, закатать манжеты рукавов и завязать узлом полы под грудью, она скроет засосы от любопытных глаз и будет выглядеть вполне прилично. Этаким необычный жакет. Мало ли, сейчас портнихи Штолле чего только не шьют, стараясь удивить модниц столицы.

– Вам уже и моя одежда нужна? – неожиданно накинулся на меня Оберан. – А ещё чего не надо? Может, сразу весь бизнес на вас отписать? Давно вы всё это спланировали?

– Вообще-то, – немало удивилась я резкой смене настроения хозяина дома, – я хотела попросить рубашку, чтобы скрыть ваши же неаккуратные следы на своём теле, – и демонстративно показала на синяки на груди и шее.

Мой голос неожиданно для самой себя зазвенел от негодования. Я всего-навсего попросила у него рубашку!

– Что касается вашего бизнеса, то я понятия не имею, чем вы занимаетесь. Лично я работаю и неплохо зарабатываю, по крайней мере, обеспечить себя в состоянии. Не сравнивайте меня со своей невестой, которая жила больше года за ваш счёт и планировала тратить ваше состояние на своего любовника. Если вы дожили до своих лет и до сих пор не встречали женщин, которые не являются содержанками, то это ваша неразборчивость в любовных связях, а никак не моя вина. И это не я под села за ваш столик в кабаре, а вы ко мне. И вообще, что вы сами-то делали в «Райском острове»?

Я специально не стала упоминать о том, что имею собственную лавку и работаю консультантом-реставратором древних вещей и магических артефактов. К чему? На развод это никак не влияет. Мне было просто неприятно, что обо мне подумали, будто я охотница за чужими деньгами, вот я и поставила Оберана на место. Пускай думает, что я танцами в кабаре деньги зарабатывала. Между прочим, плясать всю ночь напролёт – тоже работа, и не такая уж лёгкая.

После моей гневной отповеди Оберан густо покраснел и смутился.

– Ой, простите, Габриэлла... да-да, рубашка, конечно же... сейчас я вам дам чистую рубашку. – Мужчина засуетился и бросился к гардеробной, откуда вынес накрахмаленную мужскую сорочку.

От меня не укрылось то, что после моей бурной тирады Оберан избегал смотреть мне в глаза и так и не ответил на мой вопрос.

– Оберан, – обратилась к нему по имени впервые за сегодняшнее утро, – так расскажите мне, что вы делали в «Райском острове»?

Ещё вчера вечером мне резко бросилось в глаза, что мужчина впервые в своей жизни посетил подобное заведение, да и наргиле он раскуривал явно в первый раз. Сама я приехала в «Райский остров» спонтанно, подслушав разговор своего жениха с его лучшим другом, в котором он признался, что женится на мне исключительно из-за моего приданого. А что касается любви, то, оказывается, у него постоянное членство в «Райском острове». Вот я и пошла в это заведение, чтобы посмотреть, чем же эти девицы лучше меня.

Наступило молчание. Оберан посмотрел на меня исподлобья, пожевал губу, но, выдохнув, наконец, собрался с духом и ответил:

– Понимаете ли, Габриэлла, Несса тогда назвала меня импотентом. Ну... когда я подслушал её разговор с Апполонио. Это очень сильно ударило по моему мужскому самолюбию. Тем более, я воспитан в старых традициях и придерживался мнения, что первая брачная ночь между мужчиной и женщиной должна быть действительно первой. Я очень разозлился на эти слова и пошёл в «Райский остров»... ну и... А пил я, чтобы набраться храбрости и подойти к какой-нибудь девушке из кабаре и договориться об услугах... ну, вы понимаете... не включённых в преискурант заведения

официально. Вы мне показались безобидной. – И он отвёл глаза в сторону.

Я закусила губу, чтобы не расхохотаться. То есть он сел за мой столик, подумав, что я сотрудница заведения?! «О, Небесная Дева, да он же девственник! Сколько ему лет-то? Тридцать два? Тридцать три?» Тут же вспомнилось, как он протянул мне свою трубку, чтобы я показала ему «как надо» раскуривать наргиле... Да в его глазах он наверняка уже сделал мне самый толстый намёк, какой только может сделать мужчина, севший за столик к бордельной шлюхе. Вот только я сама была уже слегка одурманена травами этого курительного прибора и слишком расстроена открывшейся правдой о женихе, чтобы понять, что со мной пытается флиртовать девственник.

Эхом отозвалась в голове фраза: «я воспитан в старых традициях и придерживался мнения, что первая брачная ночь между мужчиной и женщиной должна быть действительно первой». Вот ведь, как в него бедного кто-то глубоко вколотил эту мысль, что даже будучи уверенным, что перед ним продажная девка, и одурманенным какими-то травами, Оберан потребовал позвать духовника, чтобы заключить брак. Он наверняка в тот момент воспринимал всё как шутку! Девицы в кабаре в шутку надели белые рясы, изображая из себя жриц храма, а управляющий заведения по его просьбе пригласил старика, сыгравшего роль духовника. Самая большая ирония всего произошедшего состоит в том, что жениться-то Оберан женился и даже по-настоящему, а вот как девственником был, так и остался.

Похоже, всё-таки какой-то смешок вышел из меня, так как Оберан вскинул на меня голову и хмуро спросил:

– Что здесь смешного?

– Ничего, – с абсолютно честными глазами соврала я. Двумикий Бес! Да он же стесняется меня до сих пор! Вон какой лихорадочный румянец на щеках! – Я просто вспомнила, что между нами этой ночью ничего не было.

– Уверены? – я почувствовала, как напряжение, до этого сковавшее его плечи, чуть отпустило мужчину.

– Уверена, – смело заявила я. Ох, такое бы точно ни я, ни он не забыли бы!

– Как же... ну... – И он бросил робкий взгляд на мою шею и грудь, где гордо наливались синевой засосы после нашей бурной ночи, и покраснел до корней волос.

– Так вы же сами попросили показать, как доставляют удовольствие женщинам, и что делают перед тем, как её соблазнить. – Вот это я почему-то вдруг отчётливо вспомнила именно сейчас. Одурманенный неизвестными травами и пустынным игольником, Оберан стремился доказать мне и себе в первую очередь, что никакой он не импотент.

– А ты не девственница? – спросил супруг с недоумением в глазах, до которого вдруг дошло, чему я его учила этой ночью.

– Нет, – я развела руками.

Я не была девственницей и не стеснялась этого признать. Мне всегда казалась идея, что первая близость должна быть в первую брачную ночь, лишь глупой мечтой восторженных пятнадцатилетних девочек в розовых очках. Мне уже почти тридцать, я давно познала эту сторону жизни и ничуть не жалею. Глупо себя ограничивать в чём-то из-за древних традиций. Это как не есть морковь, пока не встретишь того самого принца на белом коне. Я уже не говорю о том, что есть шанс и вовсе его никогда не встретить. Или же мечтать год за годом о хорошей, зрелой, хрустящей морковке, встретить принца, выйти замуж и выяснить, что у принца этой морковки нет или она слишком маленькая. Лучше уж знать заранее, какая морковка у принца, за которого собираешься выйти замуж, чтобы не совершить ошибку.

– А, ну да... – с разочарованием ответил Оберан и отвёл взгляд.

Я осознала, что он до сих пор допускал возможность, что я в кабаре лишь танцевала, но не оказывала дополнительных услуг всевозможным конюхам, извозчикам и прочим мужчинам, кто соскучился по женской ласке и имел за душой пару монет. «А, пускай думает, что хочет!» – разозлилась я на саму себя. В конце концов, сам пришёл в «Райский остров», чтобы снять девку на ночь, а теперь от меня нос воротит. Как-то это... двойными стандартами пахнет!

– Надевайте, пожалуйста, рубашку и спускайтесь в столовую. Надо обсудить наш новый социальный статус. Встретимся за завтраком, – произнёс Оберан и бочком вышел из спальни, стараясь на меня не смотреть.

Похоже, моё признание, что я не девственница, потрясло его до глубины души, и ему требовалось время, чтобы переварить информацию.

Я кое-как завязала мужскую рубашку на себе, скрыв засосы и золотую вязь брачной татуировки, а затем спустилась следом за своим супругом в столовую. Пока я искала нужную комнату, изо всех сил крутила головой по сторонам и старалась не завизжать от восторга. Всё-таки я была реставратором и на один только беглый взгляд могла определить стоимость той или иной вещи. Вот, казалось бы, ничем не примечательная напольная ваза, но она, между прочим, принадлежит к эпохе правления Эвона Завоевателя. Вот в таких вазах хранили магические заряды для пушек. А это... Да я готова дать руку на отсечение, что это подлинник кисти самого Ароса Арваровского, величайшего художника, ослепшего ещё в младенчестве! Никто доподлинно не знает, как он рисовал эти картины, но до сих пор никому не удавалось скопировать технику кисти этого гения! Я как профессионал своего ремесла буквально кожей ощущала, что воздух этого дома пропитан ароматом различных артефактов и уникальных старинных вещей. О-о-о... Наверняка обычные гости особняка Ашенхай не догадывались о том, насколько богат его владелец, но лично я, подходя к столовой, уже поняла, что Оберан очень и очень состоятельный молодой человек. А с каким вкусом всё подобрано! Интересно, он сам обставлял свой дом? Неудивительно, что, решив, будто я бордельная девка, Оберан распереживался, что я – охотница за его состоянием. А уж после того, что он подслушал из разговора Ванессы и Аполлония...

Кухарка приготовила для нас воистину обильный не то поздний завтрак, не то ранний обед. Я обнаружила на столе всё: от овсяной каши с мёдом и орехами до блинчиков с ягодной начинкой. После бурной ночи с танцами и плясками на сцене «Райского острова» плотно покушать вправду не помешало бы. В животе заурчало.

Оберан галантно отодвинул стул и дал мне присесть за стол. Всё-таки какой мужчина, какие манеры! Уж кто-кто, а он точно не будет вытягивать деньги из кармана моего отца. Может, повременить пока с разводом? Из мыслей меня выдернул бархатный голос моего супруга:

– ... как вы понимаете, это совершенно неприемлемо, поэтому нам следует развестись в кратчайшие сроки.

– Ась? – Я хлопнула ресницами, так как всё прослушала.

Оберан скрипнул зубами, похоже, подумав, что я пытаюсь найти для себя выгоду:

– Вы же понимаете, что этот брак – фарс чистой воды. Да если кто-то узнает, что мы поженились в борделе, я уже не говорю о вашей профессии, то нас с вами поднимут на смех. Пострадает репутация моей семьи, пострадает бизнес. У меня есть связи, я готов попробовать договориться с королём об аннулировании этого брака, но чем меньше народу знает о том, что мы поженились, тем лучше. Я готов вам заплатить столько, сколько вы скажете, но, пожалуйста, и не показывайте никому брачную татуировку.

– А, да, конечно. – Слова Оберана вернули меня на землю. И о чём я только размышляла? Зачем мне этот мужчина, которого я совершенно не знаю? Мне и одной хорошо со своей маленькой практикой реставратора артефактов.

– И никакой работы, пока мы не развелись! – припечатал Оберан.

– Да у меня три клиента на следующей неделе! Они за месяц записывались! – возмутилась я, вспомнив, что со мной договаривались о реставрации музыкальной шкатулки, успокаивающей нервы, амулете здоровья в виде броши единорога и ремонте кристалла обогрева дома.

– Никаких клиентов пока вы – моя жена. В ваших же интересах как можно быстрее получить развод, раз вам так нравится ваша работа. – Оберан посмотрел на меня таким взглядом, что я тут же вспомнила, кем он меня считает.

На этот раз мне не захотелось ему говорить о моём истинном происхождении и образовании уже из чистого упрямства. Нет, раз он меня считает потаскушкой без гроша за душой, пускай так и думает. В конце концов, мне надоело, что все женихи, которых приглашал Леон в дом, видели вместо меня лишь мешок с деньгами, который они получают, взяв меня в жёны. Если я признаюсь, что на самом деле я дочь самого известного и богатого торговца пряностями и специями в Штолле, то отношение Оберана ко мне резко изменится. Не хочу этого. Не хочу, чтобы вместо меня он видел деньги семьи Трейтсов. По крайней мере, хотя бы раз в жизни кто-то будет видеть именно меня, а не мою фамилию.

Я кокетливо поправила прядь волос, представив, как вела бы себя настоящая девушка из кабаре и улыбнулась супругу, похлопав ресницами:

– Да, конечно, вы правы.

– Хорошо. – На лице Оберана промелькнуло облегчение. – Я рад, что вы весьма здравомыслящая особа и не закатываете скандалы. Идеально будет, если мы сможем развестись в течение недели, тогда мне не придётся придумывать оправдания для Нессы.

Я аж поперхнулась ложкой с кашей, когда услышала это имя. Нет, ну то, что со мной развестись хочет, – это, в целом, понятно. Но неужели он всё ещё собирается жениться на этой вертихвостке?

– Вы же вчера сказали, что она пошла на романтическое свидание с вашим дворецким и покрывала ваше имя всяческими оскорблениями, – опешила я.

На лице Оберана промелькнула какая-то странная тень непонимания, как будто бы он силился что-то вспомнить.

– Правда? Я такое сказал? Да быть не может... – забормотал он и почесал затылок, растрепав свои тёмные волосы. – Ванесса прекрасная образованная девушка из аристократической семьи. Она не могла всерьёз говорить обо мне плохие слова. Наверно, она говорила о ком-то другом.

– И о ком-то другом она сказала, что выйдет замуж, приберёт к рукам ваши деньги и заведет постоянного любовника? – Я удивлённо изогнула бровь, пододвигая к себе блинчики со сметаной и привычно берясь за приборы.

Так-так-так, кажется, эта история дурно пахнет. Чует моя печёнка, что не обошлось здесь без мощнейшего артефакта внушения или приворотного зелья. Последнее определить я, к сожалению, не смогу. Я не целитель и с зельеварением в университете у меня тоже как-то не заладилось. Да и любое зелье имеет свойство быстро перерабатываться и выводиться организмом. Одно дело, когда необходимо влюбить в себя человека на сутки или двое, совершенно другое – на полгода-год или сколько они там встречались...

Я прикрыла глаза и попыталась вспоминать, что было надето на Оберане сегодня утром, когда я перетянула одеяло на себя. Несколько секунд в голове всплывала лишь картинка его внушительного мужского достоинства, и мысли вильнули в сторону: а может, ну его, этот развод? Я сердито цыкнула на саму себя, потрясла головой и детально вспомнила, что ещё из украшений было надето на мужчине. Цепочек он не носил, я бы заметила, уши не проколоты, значит, остаются его перстни. Интересно, который из них? У него три перстня на левой руке и два на правой. Хм-м-м... Я скользнула взглядом по его рукам и уловила еле заметное свечение от кольца-печатка и ещё одного незвучного колечка.

– Да вы просто ревнуете меня к моей Ванессе, вот и всё! Прекратите так о ней говорить! Она добрая, честная и очень отзывчивая. У неё масса достоинств! Вы просто её не знаете!

Я чуть было не подавилась от такого заявления, а потому отодвинула недоеденный блин со сметаной и машинально сложила приборы, как было принято складывать, когда уже поел, чтобы дать понять прислуге, что блюдо можно уносить.

Оберан проследил взглядом за моей тарелкой, нахмурился, явно пытаясь понять, что не так. Я мысленно дала себе пинка. Двуликий Бес. Да если я девица из крестьянской семьи, вынужденная скакать на сцене «Райского острова», то почему ела блины приборами, а не руками? И откуда мне знать, как складывать приборы? Сейчас вся моя липовая история отправится драконам под хвост.

– Ванесса?.. А фамилия у неё есть?

– Нет, она из крестьянской семьи, у неё нет фамилии, – недовольно ответил Оберан. – Но вы же тоже были просто Габриэлкой до сегодняшнего дня. Разве это что-то меняет?

О, да, голубчик, ещё как меняет. Эта вертихвостка захотела не только твоё состояние, но и твою фамилию!

– Нет, разумеется, нет. Мне просто интересно, чьё место я случайно заняла. – Я пожала плечами и сделала как можно более наивное выражение лица. – Так на каком факультете она учится?

Теперь уже Оберан неожиданно отложил приборы:

– А я и не говорил, что она учится. С чего вы это взяли?

– Ну, как же? Насколько я помню, она не работает. Но вы упомянули, что у неё масса достоинств. Наверное, она очень умна и наверняка поступила в университет или академию. Разве нет? – Кажется, своими вопросами я разозлила Оберана и одновременно поставила его в тупик.

Мне же было интересно понять, насколько сильно кольцо воздействует на разум мужчины, что он не видит очевидных вещей.

Ноздри мужчины сердито расширились:

– Да, Ванесса из обычной крестьянской семьи, не имеет фамилии, не работает и не учится. Но, как я уже сказал, она имеет массу других достоинств...

– Как, например, целомудрие? – вовремя подсказала я, от души забавляясь.

– Как, например, целомудрие, – поспешно повторил за мной Оберан, а затем понял, что сказал. Увидел в моих глазах искорки веселья и вспыхнул. – Вам с вашим распутным образом жизни этого не понять! Благородные девушки хранят себя для супруга!

Я фыркнула. Да уж, куда мне понять? Только в курсе ли Оберан, что противоречит сам себе? То он застучал Ванессу на романтическом свидании с дворецким, рассуждающей, что её жених импотент, то не сомневается в её невинности... У-у-у-у... Да тут конкретно ему мозги магией внушения прополоскали! Впрочем, разговор действительно вильнул в интересную сторону, имеет смысл воспользоваться удобным случаем и из первых уст узнать, почему же мужчины так сильно ценят девственность?

– И такие девушки понятия не имеют, как удовлетворить мужчину в первую брачную ночь, ведя себя как ледышки в постели, а то и вовсе падают в обморок при виде мужской эрекции. Именно поэтому мужчины так часто ищут утех на стороне. Скажите, господин Оберан, почему вы так уверены, что целомудрие жены – это преимущество, а не недостаток?

Оберан покраснел так сильно, что мне показалось, будто он подавился куском яичницы и вот-вот начнёт задыхаться. Да что я такого сказала-то? Подумаешь, «эрекция» произнесла. От того, что я сказала это слово вслух, никто не умер. Тем более, мы вроде как супруги и обсуждаем эту тему за столом вдвоём. Ну да, около портьер стоит кухарка, развесив уши и делая вид, что её здесь и вовсе не существует. Но прислуга всё равно всегда в курсе всех секретов хозяев, так что я ничуть не жалею о своих словах.

Но Оберан так не считал. Он выразительно посмотрел на Кору, которая ойкнула и быстро ретировалась из столовой, и только после этого спустя невообразимо длительную минуту молчания произнёс, поставив точку в разговоре:

– Габриэлла, я рад, что этой ночью у нас ничего не было.

Я разочарованно выдохнула. Ну вот, а ответа-то нормального на свой вопрос я так и не получила. А жаль.

– Наверно, вы правы. А подскажите, вы какой брак хотели заключить с Ванессой? – как бы между прочим спросила я.

– Классический, перед ликом жрицы храма, – отрывочно бросил Оберан, напряжённо изучая меня. – А вы почему интересуетесь?

– Да так, просто. – Я как можно безразличнее пожала плечами. – Раз у вас свадьба через неделю, то вы, наверное, и брачный договор уже успели составить?

«Странно, почему эта ушлая Ванесса ограничилась классическим браком? Наверняка по контракту при разводе она получит лишь половину денег Оберана, а вот если бы она стала его супругой по обряду, проведённому Разговаривающим с Духами, то навсегда бы стала госпожой Ашенхай, и точно могла бы не бояться быть застуканной с любовником. Вряд ли бы Оберан пошёл к королю со словами, что хочет развод, потому что ему изменяет собственная жена. Для мужчины это более чем унижительно».

– Конечно, он готов был ещё несколько месяцев назад. Ванесса уговаривала меня на свадьбу, но я обещал своему дяде, что не буду подписывать контракт до первого числа первого зимнего месяца. Собственно, именно поэтому свадьба с ней должна состояться как раз через неделю, с приходом снежня.

– Вы составили брачный контракт, но чтобы Ванесса не переживала, заранее обменялись кольцами, – сказала я утвердительно, а сама притихла, наблюдая за реакцией новоявленного супруга.

Угадала или нет? Всё-таки так было не принято поступать в обществе. Обычно вначале ставили подписи на контрактах в присутствии стряпчих, а потом в торжественной обстановке в присутствии жрицы храма обменивались кольцами и клятвами как символами любви. Конечно же, заключенным брак считался со дня подписания брачного контракта.

– Да, а как вы узнали? – простодушно удивился Оберан и бросил взгляд на то самое невзрачное колечко на безымянном пальце правой руки.

Есть! Теперь я точно знаю, какой артефакт подчиняет волю Оберана. Теперь бы выяснить, насколько серьёзные ментальные чары внушения и беспрекословного подчинения завязаны на эту вещичку. Впрочем, на территории Таршера запрещены любые артефакты с ментальной магией. Слишком уж серьёзная эта вещь.

Если я попрошу Оберана снять и показать мне кольцо, то это будет странно: обыкновенное и невзрачное украшение по сравнению с другими перстнями, украшающими его руки. К тому же, если его окутывает серьёзная магия, то он будет сопротивляться тому, чтобы снять артефакт, а ещё станет относиться ко мне с большей подозрительностью. Надо что-то придумать.

– Да просто, это так романтично обменяться кольцами в качестве обещания, что возьмёте девушку в жёны, – сказала я и мечтательно вздохнула, делая вид, что мне самой нравится такая идея. – А можно я посмотрю контракт?

– А вам зачем? – напрягся Оберан, и его вилка зависла над яичницей с зеленью и томатной пастой, так и не коснувшись еды.

– Да мне просто интересно, – я вздохнула и сделала грустное лицо. – Я же понимаю, что вы со мной разведётесь, а я сама ничего не смыслю в этих контрактах, проверенного стряпчего у меня тоже нет. Хотела бы взглянуть на ваш вариант брачного договора. Раз уж вы его готовы подписать, то, значит, там комар и носа не подточит.

Моя ложь была шита белыми нитками, я бы себе никогда в жизни не поверила бы. Сомневаюсь, что девушки из кабаре вообще выходят замуж. Но Оберан, похоже, был гораздо наивнее меня или же не привык, что женщины могут обманывать похлеще мужчин, а потому его убедили мои странные объяснения о гипотетической свадьбе.

– А, ну если вы хотите себе такой же, то меня не затруднит попросить стряпчего составить копию персонально для вас, – важно кивнул он, а затем позвал кухарку. – Кора, принеси, пожалуйста, брачный договор с Ванессой.

– О, господин, конечно! – чему-то обрадовалась Кора и метнулась за бумагами. Мы молча ели ещё несколько минут, пока запыхавшаяся кухарка не принесла увесистую стопку бумаг Оберану. – Вот! Только если рвать будете, то всё сразу не получится, бумаг много очень. Быстрее будет в камине сжечь, – добродушно посоветовала она.

Я чуть не застонала. Кора! Ну, кто ж тебя просил-то со своими советами лезть! Оберан теперь мне ни за что не отдаст свой экземпляр договора.

– Ни в коем случае, Кора! Что вы говорите! – воскликнула я быстрее, чем Оберан успел возмутиться. – Это очень важные бумаги, их ни в коем случае нельзя уничтожать. К тому же мы только этой ночью поженились с вашим хозяином. Нам с ним ещё не поздно сегодня вписать свои имена, в таком случае эти бумаги станут нашим брачным договором.

По всей видимости, такие мысли не приходили в светлую голову господина Ашенхая, так как после моих слов на его лице исчезло выражение подозрительности. Он протянул документ мне через стол, но весьма внимательно проследил за тем, как я вытираю пальцы о салфетку, чтобы не дай Небесная Дева поставить жирного пятна на бумагах.

Договоры я листала часто. Конечно, не брачные, а договоры подряда-найма на ремонт и реставрацию магических артефактов и талисманов, но, тем не менее, прекрасно знала, что надо искать. Так-с, термины и понятия, общие слова, непредвиденные обстоятельства, обязанности сторон... а вот тут есть мелкий шрифт, как раз то, что мне надо!

– Габриэлла, я не думаю, что нам стоит с тобой подписывать брачный договор, – подал голос Оберан. – Всё-таки мы заключили брак... – он бросил украдкой взгляд на любопытную кухарку, которая стояла невдалеке от нашего стола и что-то насмывалась, явно наострив уши... – при нестандартных обстоятельствах, – подобрал он слова, а я хмыкнула. Как он красиво заменил «одурманенные наргие в борделе». – Я практически уверен, что король пойдёт мне навстречу и аннулирует этот брак. Если мы подпишем сейчас договор, то это лишь узаконит то, что произошло с нами этой ночью.

Всё-таки голова у него варит. Если бы я действительно собиралась подписывать брачный контракт, то это наверняка меня остановило бы. Вот только я с самого начала просила показать договор не для этого.

– Да, ты прав, наверное, – я нарочито громко вздохнула. – Если бы не обстоятельства нашей свадьбы, то я бы не устояла от подписания этой бумаги.

– А что такого интересного ты в ней нашла? – удивился Оберан, немало заинтригованный моим ответом.

– Да вот согласно контракту, если с тобой происходит несчастный случай, то абсолютно всё переходит твоей жене. Причём в отличие от стандартных контрактов тут нет оговорки, что должны быть дети или сколько-то лет совместно прожитой жизни. Тут даже сказано, что «вне зависимости от характера и причин несчастного случая» всё твоё имущество, в том числе и нажитое до брака,

переходит в исключительное владение жены, даже если её признают твоей убийцей.

– Габи, да ты утрируешь, не может эта фраза так расшифровываться. Я уточню у своего стряпчего. – Было видно, что Оберан разволновался, но постарался скрыть свои чувства. Он даже назвал меня «Габи», что случилось с ним впервые.

О-о-о, да дело тут конкретно запущено, раз он не понимает таких очевидных вещей.

– Ой, а мне ещё вот этот пункт нравится, – восторженно произнесла я. – Обязательно включу его в свой брачный контракт. «Пункт 8.2 Измена супруга влечёт за собой автоматическое расторжение брачного договора».

– Это вообще-то нормально, – произнёс Оберан, глядя на меня с непонятным выражением на лице. Голос его вдруг стал необычно холодным и резким. – Неужели ты считаешь, что измены в браке допустимы?

– Да, конечно, это нормально, – кивнула я. – Только такого пункта нет относительно супруги. Зато есть «пункт 9.13 при расторжении договора совместно нажитое имущество делится в равных долях между супругами». То есть Ванесса может сколько угодно тебе изменять, и это не является поводом для развода. А вот если ты хотя бы раз изменишь ей, то она автоматически получит половину твоего состояния.

– Да что ты такое говоришь! Ты наверняка всё не так поняла. Этот брачный договор составлял профессиональный стряпчий, а пункт про супругу наверняка случайно упустили. Дай я посмотрю. – Оберан нетерпеливо забрал у меня из рук стопку бумаг.

– А стряпчего тебе кто посоветовал? – вкрадчиво спросила я, бросив взгляд на Кору. По её лицу было видно, что даже у необразованной кухарки в голове медленно складывается два и два. Оберан же совершенно не видел того, во что я его буквально тыкала носом.

– Мой дворецкий посоветовал, – машинально ответил Оберан, пролистывая бумаги.

Я медленно закипала. Дворецкий. Апполонио. Тот самый, с которым Ванесса ходила на свидание в элитный мустафанский ресторан. М-да, похоже, колечко-то на пальце Оберана не простое, а как минимум с полной промывкой мозгов, когда дело касается этой вертихвостки. Удивительно просто, как извилины моего новоиспечённого супруга перестают работать, когда он слышит её имя. Нет, такие чары определённо запрещены на территории Таршера, здесь срочно надо вызывать Службу Контроля за Неправомерными Магическими Вмешательствами, чтобы было проведено тщательное расследование.

Я хмуро посмотрела на кухарку, а она перевела взгляд на настенные часы и состроила огромные умоляющие глаза. Что?! Она хочет, чтобы я помогла её хозяину? Похоже, она действительно не понимает, что это дело касается далеко не мелкого нарушения в виде приворотного зелья.

С другой стороны, я, конечно, могу попробовать расколдовать Оберана... но правильнее поручить эту заботу магвмешам. Всё-таки у меня нет диплома об окончании Штоллского Магического Университета. Вот так вот сложилось: знания есть, а диплома нет. Я же сама до сих пор ни разу не испытывала надобности в документе об окончании высшего учебного заведения, потому что сразу после университета занялась реставрацией предметов и работала с клиентами по договорам, в которых всегда оговаривалось, что они мне полностью доверяют свои вещи.

Сейчас же, если я что-либо сделаю с Обераном, то, во-первых, это попадёт под статью «манипуляции магического характера с людьми», а не с «предметами», кои требуют диплома высшего учебного заведения. Во-вторых, меня бы могла оправдать собственноручно написанная им бумага, что он не против такого вмешательства, но, к сожалению, это произойдёт точно не по его воле, а в-третьих, у меня действительно практически отсутствует опыт работы с людьми.

И когда я уже почти решилась на то, что надо обратиться в Службу Контроля за Неправомерными Магическими Вмешательствами, заговорил внутренний голос: «Угу, а теперь представь, что ты вызовешь сотрудника жандармерии, и с твоим везением тебе попадётся какой-нибудь очень дотошный магвмеш, который задаст вопрос, почему ты являешься женой Оберана, а парное кольцо он носит от некой Ванессы? Что будешь ему отвечать?».

Я покусала губу в нерешительности. Двуликий Бес! Ситуация и правда патовая.

– Одиннадцать часов уже, а Ванесса обычно в районе часа дня приходит, – произнесла Кора как будто в пустоту.

О-о-о-ох, вот ведь хитрая лиса! Пытается надавить на меня. Намекает на то, что, если я здесь ещё сколько-то задержусь, то рискую встретиться нос к носу с невестой её господина, а при условии, что он так на неё реагирует и во всём обеляет, мои шансы хоть как-то его вразумить стремятся нулю.

Оберан вострепнулся при имени возлюбленной, на губах расцвела мечтательная улыбка, затем он перевёл взгляд на меня, судя по всему вспомнил, что уже женат, и его улыбка померкла. «Сильно на него кольцо влияет», – с неудовольствием отметила я и поняла, что надо действовать. В конце концов, я – законная супруга Оберана! Обижаться на человека, который находится под действием магии внушения, просто глупо.

Просто, чтобы убедиться в своих догадках, я попросила:

– Сейчас мы женаты, как-то не очень правильно, что ты носишь кольцо Ванессы. Ты не мог бы его временно снять?

– Это ещё зачем? – возмутился Оберан и накрыл свою руку с кольцом в защитном жесте.

– Ну, понимаешь, это же странно. Там же наверняка её имя выгравировано? А если кто-то увидит парное кольцо на её руке? Вопросов станет слишком много, – я попыталась подобрать наиболее вменяемое и логичное объяснение.

– Нет, мы с тобой разведёмся, а Ванесса – моя невеста, так что кольцо я снимать не буду, – произнёс Оберан таким тоном, что мне стало ясно: логика здесь и не ночевала.

– Ой, а у тебя на лице томатная паста осталась, – неожиданно воскликнула я и стремительно подбежала к своему супругу.

– Где? – опешил от такой смены разговора Оберан и начал ощупывать своё лицо. – Тут?

– Нет-нет, вот тут, дай я тебе помогу! – бодро сказала я и, сделав вид, что тянусь за салфеткой, опрокинула на его руку соусницу с густым жирным содержимым. Спасибо кухарке, которая от всей души сегодня утром постаралась и приготовила невероятно обильный завтрак для новобрачных. – Кора, скорее, принеси своему хозяину чистое полотенце!

Оберан растерялся от моей прыти, Кора выбежала из комнаты, а я за неимением инструментов для работы с артефактами просто накинула салфетку на палец Оберана и с силой дёрнула злосчастное кольцо на себя.

– Что Вы дела... – начал было возмущаться Оберан, но его глаза вдруг остекленели, взгляд потух, и мужчина обмяк в кресле.

Предсказуемая реакция организма, если учесть, как долго кольцо было при его носителе. Оно долгие месяцы воздействовало на разум мужчины. Неудивительно, что мозг Оберана не выдержал резкого прекращения подачи магии и отключился. Надеюсь, это ненадолго, и он придёт в себя без посторонней помощи. Поразительно, как Оберан вчера вообще выскочил из мустафанского ресторана и направился в бордель с целью снять там девицу на ночь. По всей видимости, мужчина был очень зол на Ванессу, а затем курительные травы затуманили его мозг. Вполне вероятно, что именно семена пустынного игольника полностью нейтрализовали действие магии внушения. Надо будет сказать отчиму, чтобы он закупил их ещё в Мустафании. За какие-то сутки я нашла этим чудо-семенам целых два применения!

Я опустила руку на шею мужчины, чтобы пощупать пульс и убедиться, что это всего лишь обморок. Именно в этот момент в столовую вбежала расторопная Кора с чистым полотенцем, увидела нас и оглушительно завизжала:

– А-а-а-а-а!!!

Я поморщилась от истерически пронзительного звука, невольно поднесла руки к ушам, так как от визга Кору даже стёкла на окнах столовой зазвенели. Если криком можно было бы убивать, то я уже валялась бы у ног кухарки. Эх, хорошо Оберану! Он без сознания и ничего не слышит.

– Кора, что случилось? – Я сделала шаг к кухарке, но она резво отпрыгнула от меня к дверям столовой и вновь душераздирающе закричала.

– Уби-и-и-йца!!! Вы убили его! За что?! – В глазах Кору стоял неподдельный ужас.

– Тише-тише, я не убивала его. – Я подняла руки ладонями вверх и только сейчас поняла, что вся перепачкалась в той самой томатной пасте, которая невероятно сильно походила на кровь. Если принять во внимание то, что Оберан безжизненно обмяк в своём кресле, а в момент, когда кухарка зашла в столовую, я щупала шею мужчины... Двуликий Бес! Это действительно со стороны могло выглядеть как жестокое убийство.

– Уби-и-йца! – вновь надрывно закричала Кора и выбежала из столовой, громко хлопнув за собой дверью.

Я тяжело вздохнула и обернулась к бесчувственному телу Оберана. Меня подмывало всё бросить и оставить так, как есть, ведь наверняка кухарка в слезах уже мчится через весь Штолле в жандармерию. Это был мой шанс посмотреть из особняка Ахеншая куда глаза глядят, и пускай очнувшийся Оберан объясняет потом, что всё привидевшееся Коре – плод её чересчур буйной фантазии. Но я прекрасно понимала, что до тех пор, пока не придут жандармы, Оберану действительно может потребоваться моя помощь.

Я взвалила на себя тяжелое тело мужчины и, пытаясь, словно брюхосвин в брачный период, перенесла его на диван. С трудом сняла с Оберана перепачканную соусом и томатной пастой рубашку, отметив про себя, что у него действительно развитая мускулатура и красивый торс, несмотря на заметную худобу. Всё-таки никакой он не дрищ, как обозвала его Ванесса, это точно. Я даже не удержалась и позволила себе немного провести пальцем по мужскому животу и потрогать грудь. Ему-то какая разница, он всё равно без сознания, а я такой экземпляр мужественности ещё не трогала! Мой жених Эдвард, конечно, тоже был неплохо сложен, но у него на животе всё-таки присутствовал небольшой слой жирка, и таких вот рельефных кубиков я никогда ещё не видела. «Слюнями только не закапай его, а то узнает», – мудро прервал моё занятие внутренний голос.

Я вздохнула, принимая правоту внутреннего голоса, подняла с пола оброненное кухаркой полотенце, намочила его водой из графина и положила на лоб мужчины, присев на край дивана. Именно в этот момент Оберан застонал, его длинные чёрные ресницы дрогнули, и на меня посмотрели потрясающие серо-голубые глаза.

– Привет, – только и смогла я произнести, чувствуя себя крайне глупо.

– Привет, – мягко улыбнулся мне Оберан, и я осознала, что тону в его взгляде и улыбке, которую, к слову, совершенно не портили крупные передние зубы, а наоборот, придавали ей шарм.

– Я сняла с тебя кольцо Ванессы. Это был артефакт, который ментально на тебя воздействовал, – поторопилась дать объяснения. – После этого ты потерял сознание.

Ахенхай помрачнел.

– Да, я носил его несколько месяцев. Что ж, теперь всё встаёт на свои места, и становится понятным, почему я сразу же после того, как обменялся с ней кольцами, был готов сыграть свадьбу, – затем он вновь мне улыбнулся, а я почувствовала, что таю. – Спасибо, ты не только смогла распознать ментальное воздействие, но и спасла меня.

Я зарделась. Как же приятно, когда обаятельный мужчина говорит, что ты спасла его! Эх, всё-таки стоило снять это мерзкое кольцо ради того, чтобы на меня вот так благодарно и восхищённо посмотрели. «Нет, а может быть, из нашего брака всё-таки что-нибудь да получится? Может, не стоит вот так сгоряча подавать королю прошение на развод?» – подумала я, когда за спиной раздался громкий мужской бас:

– Оберан, мальчик мой, твоя прислуга совершенно распоясалась! Где все? Почему дверь в особняк распахнута настежь? Я уже... – Тут дверь в комнату открылась, и на пороге возник Гордан ан Башхад, тот самый напыщенный индюк и несостоявшийся деловой партнёр моего отчима. Его колоритная крупная фигура в чалме и нескольких шёлковых халатах едва вписывалась в дверной проём, и мне с трудом верилось, что мой новый муж и этот человек – родственники. – Оберан?!

Оберан повёл себя до удивления экстравагантно. Он подпрыгнул, словно ужаленный мехошмелем, вскочил на ноги и попытался загородить меня собою. Почему попытался? Да потому что с его конституцией тела и лишним весом это я скорее могла загородить его, чем он меня. Наверное, стремительный прыжок Оберана с дивана выглядел бы весьма прилично, будь на нём надета рубашка или сюртук, но, кажется, он не заметил того, что я сняла с него грязную одежду, пока он лежал без сознания.

– Дядя, что ты здесь делаешь? – Я не видела лица Оберана, но его голос прозвучал несколько растеряно.

Дядя?! Я мысленно застонала. Во-о-от, оказывается, кто является племянником Гордана ан Башхаха! Вот почему Оберан вчера шёл на деловую встречу в мустафанский ресторан! И почему эти до неприличия странные совпадения не показались подозрительными ещё вчера, когда Оберан рассказывал мне свою историю несчастной любви к Ванессе? Это что же за травы были в фирменном наргиле «Райского острова», что я не смогла связать две очевидные ниточки в этой истории?!

– А что делает приёмная дочь господина Трейтса у тебя дома? И почему ты не одет? – гулко пробасил господин Гордан, уперев огромные кулачища в бока и буравя племянника многообещающим взглядом из-под кустистых бровей.

– Дочь господина Трейтса? – Настал черёд удивляться Оберана.

Мужчина сделал медленный шаг в сторону и посмотрел на меня с изумлением. В глазах вдруг промелькнуло понимание. Похоже, он только сейчас проанализировал моё поведение и понял, что блины я ела не руками, а приборами, и знала, как их правильно сложить, к прислуге явно привыкшая, а ещё разбираюсь в договорах и даже смогла распознать кольцо, снабжённое чарами внушения.

«Ну, всё. Влипла», – резюмировал внутренний голос. А если учесть, как трепетно жители Мустафании относятся к семейным ценностям, то сейчас вид полуголого племянника рядом с какой-то девицей на диване наверняка вызовет сердечный приступ у господина Гордана. Мне даже стало чуточку жаль супруга, который не далее как сегодня утром признался в том, что в свои тридцать два или тридцать три всё ещё является девственником. Это в какой же строгости его воспитывали всю жизнь и насколько его дядя властный человек, раз ни мгновения не сомневался в том, что племянник бросит свою возлюбленную Нессу ради договорного брака с неизвестной дамой по одному только его приказу.

А потом до меня дошло: Гордан узнал меня! А ещё он знает лично моего отчима, с которым вчера вечером очень крупно поссорился. А сколько гадостей они могли наговорить друг другу потом, после моего ухода?! Господин Гордан ан Бакшах точно не упустит возможности, чтобы распустить сплетни в Штолле про nepозволительное фривольное поведение дочери своего конкурента. Ведь Леон и этот напыщенный индюк-тиран так и не подписали партнёрский договор, а они оба торгуют специями и пряностями. Не сомневаюсь, что вчерашние многочасовые базарные торги и заявление моего отчима, что любимая дочь никогда не выйдет замуж за мустафанца, немало уязвили самолюбие Гордана, который ради этой сделки приплыл аж из самой Мустафании. Глупо надеяться на то, что оскорблённый конкурент по бизнесу упустит случай испортить репутацию рода Трейтсов.

– Господин Гордан, вчера после нашей встречи в мустафанском ресторане я поняла, что мой отчим сильно погорячился. – Я понимала, что надо брать дело в свои руки, иначе дойдёт до скандала. Мысли в голове путались, но я придумала соответствующую случаю линию поведения. – Совершенно неожиданно я столкнулась с Обераном на ступенях этого изысканного заведения...

Тут со стороны моего супруга послышался приглушённый кашель. М-да, вряд ли за всю свою историю кабаре-бордин для извозчиков и прочего люда среднего класса с толпой полуголых девиц кто-либо называл изысканным. Я с силой похлопала Оберана по спине, якобы помогая ему прокашляться, а на деле же искренне надеюсь, что он поймёт мой тонкий намёк.

– В этом изысканном заведении, – повторилась я. – И раз уж согласно договору вы и мой отчим хотели, чтобы мы заключили брак, мы решили познакомиться поближе.

– И поэтому вы на следующее утро оказались в особняке моего племянника? – совершенно невежливо перебил меня родственник супруга. – Я, конечно, знал, что Таршер отличается от Мустафании, и семейные ценности здесь не в почёте, но никак не думал, что нравы местной молодежи настолько свободны. Признаться, глубоко опечален этим фактом, – проговорил господин Гордан, переводя недовольный взгляд с племянника на меня и обратно. – После всего того, что наговорил мне ваш отчим, и факта наличия вас в особняке Оберана в... – он сделал паузу, внимательно посмотрев на мою одежду, – рубашке моего племянника, я уже сомневаюсь, что вы – подходящая партия. Я хотел, чтобы он женился на достойной женщине, а не на блудяшке!

Как-как этот охальник только что меня назвал?!

– Дядя, – влез в разговор Оберан, предчувствуя грозу, – я как раз хотел тебя осчастливить тем, что наконец-таки женился!

– Ты же обещал мне не подписывать брачный договор с этой шалавой Ванессой до первого числа зимнего месяца! – взревел Гордан, обращаясь к своему племяннику. – Как ты посмел меня послушаться?!

Ого! Теперь понятно, в кого у Оберана такие властные нотки в голосе. Мне даже как-то не по себе стало, когда господин ан Бакшах повысил голос на своего племянника. Определённо, тиран и деспот, привыкший, что его всегда слушаются и ни в чём не перечат. Хотя, конечно, в чём-то я согласна с Горданом: Ванесса – действительно неподходящая партия для Оберана. Даже этот напыщенный индюк понял, что она – охотница за деньгами племянника. При всём его плохом настроении и оскорблениях в мой адрес, племяннику он всё-таки желал всего хорошего.

– Я женился, как ты и хотел, на Габриэлле Трейтс, дочери Леона Трейтса, аристократа и при этом самого успешного торговца пряностями и специями в Штолле! – радостно прервал крик своего дяди Оберан и привлёк меня за талию к себе.

Судя по тому, что Оберан изначально намеревался никому не рассказывать про наш поспешный брак, я понимала, что отношения в этой семье между родственниками действительно сложные. С

другой стороны, он не хотел никому рассказывать про брак с гулящей девицей из кабаре «Райский остров», а вот представить в качестве жены дочь уважаемого аристократа – не стыдно. Я тяжело вздохнула. Ну, вот и сейчас Оберан поменял мнение обо мне исключительно из-за моей фамилии и денег моего отчима. В сердце заворочался червячок обиды.

Но я не винила Оберана. В той двусмысленной ситуации, в которой нас застал господин ан Бакшах, единственное, что могло бы спасти его и мою репутацию – это признание, что мы с ним теперь супруги. Только в этом случае господину Гордану будет невыгодно распускать слухи, что приёмная дочь Леона Трейтса остаётся на ночь в доме у мужчины сразу же после знакомства.

– Как?! То ты встаёшь в позу и говоришь, что женишься лишь на Ванессе, то вдруг ни с того ни с сего объявляешь, что женат на другой. – Лицо Гордана налилось кровью, а его левый глаз задёргался с такой скоростью, что я невольно испугалась за самочувствие этого крупного мужчины. – Ты что, издеваешься надо мной?!

Кажется, Гордан думает, что племянник перед ним разыгрывает спектакль. Дело плохо, ещё чуть-чуть, и произойдёт настоящее убийство, а Кора с жандармом придут весьма вовремя – к свежему трупу. Кстати, почему её так долго нет?

– Господин Гордан ан Бакшах, что вы! Это никакая не шутка! Понимаете, когда я увидела вашего племянника... – я запнулась на этом, а внутренний голос заботливо подсказал «то подумала, какого чёрта он забыл в кабаре». Оберан выразительно покосился на меня, кажется, прочитав мои мысли.

– В общем, это была любовь с первого взгляда! – патетично закончила я, вставив свои пять медяков в разговор двух мужчин, и прижалась к обнажённому торсу мужа, обвивая его руками.

– То есть ты бросил Ванессу ради вот этой... этой...?! – переспросил Гордан ан Бакшах, ошарашенно разглядывая мою внешность, но никак не мог подобрать подходящего эпитета в мой адрес.

А мне вот стало действительно обидно. Вообще-то вчера я ещё его устраивала как возможная супруга для племянника, а теперь-то что изменилось? «Когда он готовил партнёрский договор, то ещё не видел тебя вживую. А когда увидел в мустафанском ресторане, то понял, что это хороший шанс потребовать с Леона бóльший процент бизнеса, если посулить своего племянника в женихи. Но он и помыслить не мог, что его племянник возьмёт тебя в жёны просто так, без всякой компенсации за твой внешний вид», – проворчал внутренний голос.

– Да, я очень люблю Габриэллу. Как я и говорил тебе ранее, дядя, что женюсь лишь по любви, я и женился. Единственную уступку, которую я тебе задолжал, – не подписывать брачный контракт до первого числа зимнего месяца, – я выполнил. Мы с Габи поженились вообще без контракта, – ровным тоном ответил Оберан, неожиданно привлёк меня к себе и поцеловал.

И хотя я понимала, что всё это лишь спектакль для тирана-дядюшки, демонстрирующий, что Оберан всё равно поступил по-своему и женился по любви, а не по указке родственника, я не смогла не отдаться поцелую. Супруг вначале намеревался поцеловать меня легко и невесомо, будто разделить одно дыхание на двоих. Это походило на застенчивое, почти случайное соприкосновение губ. Но позади раздалось насмешливо-скептическое хмыканье Гордана, будто он сомневался в действиях племянника, и неожиданно Оберан углубил свой поцелуй. Не знаю, кому и что он пытался доказать, но от прикосновения его нежных и мягких губ у меня закружилась голова похлеще, чем от наргиле на семена пустынного игольника. И почему Ванесса считала, что он не умеет целоваться? Или же это я научила его целоваться в прошедшую ночь, а потом благополучно обо всём забыла? Жаль, ни-че-го не помню...

Прошло еще несколько мгновений, и Оберан отстранился от меня, а в его серо-голубых глазах явственно читалось изумление. Вот только было непонятно, чему именно так удивился супруг. Своему мимолётному порыву или тому, что я ответила на его поцелуй?

– А теперь, когда ты убедился, что я счастливо женат, прошу покинуть мой дом, – закончил свою речь Оберан.

Гордан ан Бакшах в полнейшем молчании развернулся, чуть покачнувшись под гнётом неожиданных новостей, схватил со стола бутылку с вином, залпом опрокинул в себя часть жидкости, вытер рот салфеткой, после чего стремительно покинул столовую особняка. А через несколько секунд мы услышали, как с улицы донёсся громкий мужской бас: «К господину Леону Трейтсу и поскорее!».

О-о-о-о... Я прикрыла рукой глаза, понимая, что теперь и мой отчим узнает о том, что любимая дочь вышла замуж, причём не от неё самой, а от конкурента по бизнесу.

– Габриэлла, извини меня. – Оберан легонько дотронулся до моего запястья.

– Ась? – Я перевела на него ословелый взгляд, всё ещё не придя в себя от поцелуя. – За что?

«И правда, за что он извиняется? Он же не несёт ответственности за поступки своего дяди», – эхом пронеслось в голове.

– Ну... мне пришлось тебя поцеловать, ты же понимаешь...

– Да-да, конечно, я понимаю, – ответила, а в душе будто ваза из царисского хрусталя разбилась. Я отвела взгляд от серо-голубых глаз, чтобы не выдать разочарования. – И ты меня прости, что ввела тебя в заблуждение насчёт своего прошлого. Я просто хотела...

– Не надо извиняться. – Оберан остановил меня. – Ты хотела, чтобы я думал, будто ты девица из кабае, значит, тебе это было зачем-то нужно. Я общался с тобой меньше суток, но успел понять, что ты ничего не делаешь просто так.

В глазах Оберана плясали искорки неподдельного веселья. Похоже, он смеялся над самим собой, что я так ловко смогла его провести. Я закусил губу, чувствуя неловкость. «А без этого кольца, затуманивающего его мысли, Оберан, оказывается, очень даже проникательный». Взгляд сам собой опустился ниже и упёрся в обнажённую мужскую грудь, которую совсем недавно на диване я проверяла на твёрдость. Мысли вновь пустились вскачь. Оберан смущённо ойкнул, только сейчас осознав, что всё это время стоял передо мной обнажённый по пояс, и заторопился:

– Габриэлла, подожди меня, пожалуйста, здесь. Я сбегая в спальню за чистой рубашкой и сразу же спущусь.

И, не дожидаясь от меня ответа или хотя бы утвердительно кивка, он мигот выскочил из комнаты. «Может, стоило его остановить и озвучить хотя бы часть из того, что нарисовало твоё неуёмное воображение?» – искушающе прошептал внутренний голос, но я лишь махнула рукой. Это же Оберан, с ним глупо на что-то рассчитывать. Он ясно дал понять, что ищет ту самую, одну-единственную, а об отмене развода речи не шло. Боюсь, после моего предложения мнение обо мне у него упадёт ещё ниже, чем о девице из кабае.

Я так и не успела сказать, что планирую покинуть его гостеприимный особняк. В гостях хорошо, а дома лучше, пора уже и честь знать. К тому же господин Гордан ан Бакшах явно поехал устроить скандал моему отчиму и требовать подписания партнёрского контракта, пора бы и мне поспешить домой, чтобы объяснить отчиму всё самой, пока его инфаркт не хватил.

Пока Оберан переодевался, я прошлась взад и вперёд по просторной комнате, рассмотрела необычную люстру из горного хрусталя и жемчуга, потрогала коллекцию древних деревянных масок варварских племён, закреплённых на стене над диваном, подошла к шкафу с макетами кораблей. Всё-таки удивительный мужчина мой супруг, раз собрал под одной крышей такое количество диковинных и редких вещей. Интересно, кем же он работает? Я так и не спросила его об этом, ровно как и не уточнила, откуда он знает моего отца.

Взгляд зацепился за что-то маленькое и круглое, из любопытства я просунула руку между макетов кораблей и вытащила деревянный компас. Множество царапин и вмятин на крышке из красной вишни показывало, что когда-то этим предметом постоянно пользовались. Голос моего внутреннего консультанта-реставратора буквально вопил от счастья, так как я держала в руках некогда определённо роскошную вещь. И хотя компас не был инкрустирован драгоценными камнями или покрыт позолотой, чутьё подсказывало, что это особенная вещь. Я погладила тёплую крышку компаса, затем откинула её и убедилась, что он не работает. Показывает, что север там, где сейчас запад, да и то стрелка постоянно прыгает. Жаль, что сломан. Быть может, предложить свои услуги Оберану и починить его? Не уверена, правда, что получится... Да и к тому же компас – вещь раритетная, но совершенно ненужная в наше время. Не думаю, что Оберан захочет тратить деньги на реставрацию. Мореплаватели уже давно используют современные кристаллонавигаторы, так что эта штучка лишь красивая, но бесполезная вещичка.

Я положила компас обратно и взяла ятаган с полки ниже. Красивый какой, а ножны просто загляденье! До того момента, как я прикоснулась к нему, мне думалось, что это муляж, как и макеты кораблей. Однако вес меча показывал, что это настоящее оружие.

Хлопнула дверь. О! Оберан, наконец, переоделся! Я радостно повернулась с ятаганом в руках, и улыбка медленно сползла с губ. В помещение вошёл встрёпанный юноша на пару лет младше меня в тёмно-синем мундире, а на кончиках его пальцев потрескивали искры боевого заклинания. Судя по одинокой жёлтой звездочке на форменной одежде, он только-только получил гордое звание рядового по магическим вмешательствам или рядового магвмеша, как называли их в быту. Из-за плеча юноши выглядывала заплаканная и очень напуганная Кора.

– Служба Контроля за Неправомерными Магическими Вмешательствами! Стойте, где стоите, медленно положите оружие на пол и сделайте шаг назад! – на редкость строгим звучным голосом, никак не советуя внешности, приказал юноша.

Я застонала. Двумилый Бес! Да что ж сегодня за день-то такой?! Не везёт, так не везёт. Лучше бы я

вообще с постели не вставала! Дьявол, то есть вчера. Хотя, если бы я не вставала из постели Оберана, это всё равно было бы лучше, чем то, что со мной сегодня уже приключилось.

Я стала аккуратно наклоняться, чтобы положить ятаган на пол, а про себя чертыхалась на чём свет стоит. «Нет, это же надо так влипнуть! И ещё этот дурацкий меч у меня в руках именно тогда, когда магвмеш пришёл в дом. Теперь ещё полдня придётся объяснять, что я никого не убивала, а ятаган вообще не мой. Разве можно придумать ситуацию хуже?» Как оказалось, можно.

Следующие несколько событий произошли с разницей в какие-то мгновения. Судя по всему, Кора увидела «окровавленную» томатной пастой рубашку Оберана, которая осталась висеть на спинке кресла, и препротивно взвизгнула:

– Это она убила хозяина! Она!!!

Разумеется, Оберан не мог подгадать момента лучше, чем явиться на пороге противоположной двери столовой. Тут кухарка завизжала совсем уж по-пороссячьи:

– А-а-а-а! Лич! Она его убила, а затем ещё и оживила! – И хлопнулась в обморок.

От неожиданных криков кухарки гладкая сталь ягатана выскользнула из моих чуть вспотевших рук, и меч, благо в ножнах, упал прямо на мизинец правой ноги.

– У-у-у-у! – взвыла я от нестерпимо острой боли и резко дёрнулась, подгибая ногу.

Рука юноши дрогнула, и прямо в меня полетели атакующие чары. Виски пронзило миллионом острых иголочек. Последнее, что я видела – Оберан рванул через всю столовую наперерез чарам магвмеша. Было видно, что он не успевал, но всё равно глубоко в подсознании у меня отложился тот факт, что он постарался за меня заступиться. Хороший у меня всё-таки появился супруг!

Часть 2. Невеста моего мужа

– Поясните ещё раз, только помедленнее! – раздался ласкающий слух вкрадчивый мужской баритон.

– Она его убила, – произнесла женщина и надрывно всхлипнула, судя по голосу – кухарка.

– Да нет же, не убивал меня никто, – простонал Оберан. – Сколько уже можно это повторять?! Кора, это всё твоё неуёмное воображение. Вот видишь, просто рубашка в томатной пасте испачкана и всё! Габриэлла ничего плохо мне не сделала!

– Господин магвмеш, скажите, это правда мой настоящий хозяин, а не лич? – жалобно провила Кора.

– Да, всё верно. Ваш хозяин жив и здоров, находится перед вами. Я думаю, господин Оберан Ашенхай, вашей кухарке лучше удалиться, чтобы привести нервы в порядок, она сильно перенервничала сегодня.

– Кора, идите. На сегодня вы можете быть свободны.

Раздался повторный всхлип, торопливые шаркающие шаги, глухой хлопок дверью.

– Господин Феликс Туроски, а теперь, когда мы разобрались с моей кухаркой, скажите, как скоро очнётся Габриэлла? Разве ей не нужна помощь целителя? Я буду жаловаться вашему начальству на превышение полномочий и нападение на ни в чём не повинного человека в моём доме! – я услышала, как голос Оберана становился всё громче и громче.

На сердце негой разлилось тепло. Он всё-таки за меня волнуется! А значит, я ему не безразлична...

– Если вы пожалуетесь в жандармерию, то будьте уверены, я со своей стороны выдвину встречные обвинения в ложном вызове, и вам выставят серьёзный штраф! – не остался в долгу Феликс Туроски и уже более обеспокоенно произнёс: – Вообще-то чары были несильные, она должна была уже очнуться.

Я почувствовала, как рядом со мной кто-то сел, меня окутал дразнящий мужской аромат благородного кедра с ноткамипряного мускуса и сандалового дерева, а до висков дотронулись прохладные пальцы. М-м-м-м, Небесная Дева, как же приятно! Какой мужчина! Так бы и плавилась в его руках! Что же он вытворял бы в постели, если от одного только его прикосновения пальцев к вискам я готова в голос застонать от удовольствия! Я поняла, что ещё чуть-чуть, и выдам себя мычанием. Надо просыпаться.

Я открыла глаза и, к своему разочарованию, увидела того самого лохматого юношу на пару лет младше меня в мундире. Эх, жаль, оказывается, нос меня впервые подвёл, да ещё и так серьёзно!

– Очнулась. – В задумчивых карих глазах Феликса промелькнуло облегчение.

– Габриэлла, с тобой всё в порядке? – бросился ко мне Оберан, но в последний момент он, кажется, вспомнил, что жена я ему всё же фиктивная, и вместо того, чтобы обнять, заботливо поправил подо мной подушки.

Оказывается, пока я была без сознания, меня перетащили на тот самый диван. Еду со стола сноровисто убирает какая-то незнакомая мне девушка. Экзотический меч в ножнах, что я держала перед тем как потерять сознание, лежал на кофейном столике рядом с диваном.

– Да, спасибо. – Я слабо улыбнулась, потому что в висках ещё немного стучало после атакующих чар магвмеша.

– Лолита, принеси, пожалуйста, госпоже стакан воды, – скомандовал Оберан, видя, как я потираю голову.

Служанка услужливо присела и ретировалась из столовой за стаканом.

– Ну-с, теперь, когда всё прояснилось, и Габриэлла пришла в себя, я думаю, вам, господин Феликс, пора возвращаться на службу. В ваших услугах мы больше не нуждаемся. Прошу прощения за то, что моя кухарка сделала ложный вызов. – Выпрямился Оберан и весьма чопорно проговорил всё это, давая понять, что рядовой по магическим вмешательствам – нежеланный гость в доме.

– Не так быстро, – мягко возразил юноша. – Вы же понимаете, что я ехал к вам через весь Штолле, потратил больше часа на вызов, да ещё и силы на исцеляющие чары. Мне предстоит отчитываться перед начальством, а потому, я хотел бы быть совершенно точно уверенным в том, что произошло. Позвольте я задам девушке несколько вопросов?

Оберан неохотно отошёл к окну, понимая, что возразить представителю власти не может, тем более тот не просит ничего сверх меры.

– Госпожа Габриэлла Ашенхай, расскажите, пожалуйста, историю, приключившуюся с рубашкой с вашей стороны, – вежливо попросил меня рядовой по магическим вмешательствам.

Я видела, как едва заметно дёрнул плечами у окна Оберан. Неужели он всё-таки что-то испытывает к Ванессе и боится, что я расскажу про кольцо? Судя по тому, что это имя до сих пор не звучало, надо придерживаться нейтральной версии, без упоминания артефакта. В конце концов, и меня по головке не погладят, если узнают, что я, не имея диплома о высшем магическом учебном заведении, сняла с человека артефакт с сильнейшей ментальной магией.

– М-м-м... мы завтракали с супругом. – Стала подбирать я слова как можно аккуратнее, следя за реакцией Оберана. Было видно, как его спина напряглась, когда я начала свой рассказ. – Он ел яичницу с томатной пастой. Кажется, я сказала что-то не то или же рассмешила его, не могу вспомнить точно, но он случайно обляпался пастой. Я подошла к нему, чтобы помочь оттереть её, как открылась дверь в столовую, зашла кухарка Кора, увидела всё это и выбежала на улицу с криками, будто бы я убийца.

Оберан слегка расслабил плечи, а магвмеш пожевал губу, обдумывая мои слова. В моей истории всё выглядело так, будто Кора – истеричная женщина с буйной фантазией. Вызвать жандармов только потому, что на рубашке хозяина оказалась томатная паста – странный поступок, даже если предположить, что она подумала, будто бы это кровь. Я помнила, что на самом деле Оберан был без сознания в тот момент, когда я щупала его пульс, и зашла кухарка. Но как объяснить жандарму то, что мой супруг был действительно похож на труп в этот момент – не знала. В принципе, Кора повела себя и при Феликсе неадекватно, завопив, что в доме лич. Юноша, а тем более такой зелёный, явно только получивший звание младшего магвмеша, должен поверить в эту историю.

Но вместо дополнительных вопросов, почему в столовую зашла кухарка, или с чего это я решила помочь супругу оттереть томатную пасту, хотя и так понятно, что она не оттирается, одежду с такими пятнами надо снимать и тщательно чистить, магвмеш прореагировал непредсказуемым образом.

– Странно, – протянул Феликс, – мне казалось, что я совсем недавно читал в газетах, будто Оберан Ашенхай входит в десятку самых богатых холостяков Штолле. Вы женились недавно?

Вот ведь проныра! Ему палец в рот не клади! Недооценила я этого паренька с вихрами на голове и глуповатой физиономией. Ловко он меня поймал на слове. Ведь Оберан ни разу не произнёс «супруга» или «жена», просто «Габриэлла» и всё. Магвмеш обратился ко мне наугад «Габриэлла Ашенхай», желая проверить свои догадки... Мне стоило возмутиться и сказать, что мы просто друзья, которые решили позавтракать. Да, странно, возможно, не очень прилично, но теперь... О-о-о-о...

– Да, мы действительно поженились недавно, – невозмутимо ответил Оберан, отходя от окна и беря стакан с водой из рук Лолиты. – Но все люди рано или поздно женятся, заводят семью. Разве в этом есть что-то странное?

Он подошёл ко мне и передал стакан мне в руки, чуть сжав мои пальцы и как бы говоря: «ничего, всё будет в порядке, мы справимся». Феликс всё ещё продолжал поочерёдно сверлить нас подозрительным взглядом. Представляю! Если Оберан сейчас признается, что я всё-таки совершила попытку его убийства, то это будет настоящая сенсация на весь Штолле, а господина Туроски сразу же повысят из рядового магвмеша как минимум в эксперта по особо загадочным делам. Так и вижу кричащие заголовки газет: «Новоиспечённая супруга господина Ашенхая сразу же после обряда бракосочетания попыталась зарезать своего законного мужа и стать самой богатой вдовой!»

Феликс Туроски перевёл взгляд на ятаган, и я поняла, что он сейчас задаст ещё целую гору дотошных вопросов, а потому я, не стесняясь, ухватила Оберана за грудки и резко потянула на себя, впиваясь в него долгим и страстным поцелуем. Ну, а что? При Гордане ан Бакшахе, значит, Оберану целовать меня можно, чтобы не разругаться с дядей, а мне при магвмеше, чтобы спасти свою шкуру от обвинений в попытке убийства, – нельзя? Оберан попытался сопротивляться, но я была очень настойчива в своих лобызаниях. К тому же, чего греха таить? Лично мне губы супруга очень нравились. Чуть шершавые и при этом горячие, уверенные, сладкие... М-м-м-м... Давно меня так никто не целовал! Практически сразу поцелуй стал жгучим и ненасытным. Чувственные губы Оберана подняли внутри меня тягучую волну приятных ощущений, которая сменилась взрывным фейерверком сумасшедших ощущений. Аромат свежей хвои смешался с терпким запахом можжевельниковых ягод и осел лёгкой кислинкой на кончике языка.

В какой-то момент Оберан с усилием отстранился от меня, а я услышала, что магвмеш, судя по всему, уже не в первый раз деликатно покашливает. Раскрасневшиеся, мы повернулись к рядовому магвмешу. Было видно, что Феликсу стало не по себе от нашей сцены, и чувствовал он себя явно не

в своей тарелке. На его щёках заиграл чахоточный румянец, Феликс ещё раз громко откашлялся и торопливо произнёс:

– Что ж, я рад, что у вас такой счастливый брак! Раз мы прояснили все моменты, и госпожа Габриэлла не имела целью вас убить, пожалуй, мне и вправду стоит вернуться на службу. Господин и госпожа Ашенхай, спасибо, что уделили мне время. До свидания! – Юноша вскочил, поправляя на себе мундир, и бросился из столовой особняка Ашенхай.

Я изо всех сил натянуто улыбнулась вслед уходящему магвмешу. Раздался звучный бой настенных часов, извещающих, что наступил час дня. Дверь в столовую распахнулась, и внутрь комнаты стремительным вихрем влетело воздушное чудо в лёгком нежно-голубом платье, сбившее с ног уже попрощавшегося с нами Феликса. Девушка была хороша, как летний дождь в жаркий знойный день. Миниатюрная, хрупкая, с гладкой жемчужно-белой кожей и огромными медово-кариыми глазами. Я успела рассмотреть аккуратные черты лица, маленький вздёрнутый носик и очаровательные ямочки на щеках. Всё это великолепие украшала пышная коса, составленная из множества прядей и лазурных лент в тон платью. А ещё она была молода и свежа. На вид я бы дала ей двадцать, максимум двадцать два года.

До того момента, как она бросилась на шею моему супругу со словами «Любимый, я так по тебе соскучилась!», я поняла, что это Ванесса, невеста моего мужа.

О-о-о-о... В тысячный раз за сегодня простонала я про себя. Да что ж за день-то сегодня такой неудачный?! Почему всё так некстати и не вовремя?

Я молча смотрела, как Ванесса обвила своими тонкими девичьими запястьями шею Оберана, а тот, видимо, по привычке, прижимал её к себе. Феликс ошеломлённо хлопал ресницами, переводя взгляд то на меня, то на Ванессу, обнимающую мужа. Наконец, он не выдержал, прочистил горло и громко заявил:

– Господин Оберан Ашенхай! Будьте так добры, объяснитесь, пожалуйста! Возможно, у ваших предков из Мустафании и принято многожёнство, но вы проживаете на территории Таршера и являетесь подданным Его Величества. А по нашим законам иметь более одной жены запрещено. Что всё это значит?

Оберан с трудом выпутался из цепких рук Ванессы.

– Я ничего не нарушаю. Это, – он указал на меня, – моя жена. А это, – кивок в сторону прелестнейшего создания с волосами цвета чистого золота, – моя невеста.

– Повторите, что-о-о? – не поверил своим ушам магвмеш.

– Что-о-о? – хором с ним тоненько завопила Ванесса. – Ты женился не на мне? Но почему-у-у?!

Я тяжело вздохнула, понимая, что в ближайший час мне так и не светит поехать домой и поговорить обо всём со своим отчимом.

Последовали долгие и нудные разбирательства. Из рассказа моего супруга выходило, что долгое время он был помолвлен с Ванессой, но недавно встретил меня, влюбился с первого взгляда, и мы поженились при духовнике, так были окрылены чувствами, вспыхнувшими между нами. Девушка рыдала крокодильими слезами, когда услышала из уст Оберана, что он уже женат. И удивительнее всего было то, что я неожиданно ей поверила. Несмотря на то, что я знала, какой брачный договор она подписала своему жениху и навязала ему кольцо с ментальными чарами, было видно, что слёзы её натуральные, а не притворные. Поверил ей и Оберан, позвал служанку и попросил принести ещё один стакан воды. Когда он передавал воду Ванессе, она вцепилась в стакан руками поверх пальцев Оберана и уткнулась лицом ему в грудь. Разумеется, тому ничего не осталось, как стоять столбом и служить жилеткой для слёз своей бывшей возлюбленной. Моё сердце царапнуло неприятное чувство. С другой стороны, а что я хотела? Оберан был влюблён в эту вертихвостку ещё до того, как они обменялись кольцами, иначе бы они ими не обменялись. Глупо было рассчитывать, что когда ментальная магия перестанет на него действовать, он разлюбит эту девушку. Ну, а то, что она так стремилась поженить его на себе, в общем-то, неудивительно: почти все женщины мечтают выйти замуж.

Я увидела, что Феликс поймал мой тоскливый взгляд, брошенный на эту парочку, и поскорее отвернулась. «Всё-то он замечает, всё-то он запоминает! Надо быть аккуратнее с этим юнцом, он только на вид совсем зелёный», – сердито напомнила я себе.

– То есть, – подвёл итог Феликс, – вы были обручены с Ванессой, но в итоге заключили брак с госпожой Габриэлкой Трейтс, которую ваш дядя подыскал вам в супруги как дочь преуспевающего делового партнёра по бизнесу?

– Да, так, – подтвердил Оберан.

– То есть ты её не любишь? Это всего лишь брак по договору? На самом деле ты любишь меня? – Огромными влажными глазами Ванесса уставилась на моего супруга.

Я почувствовала острый укол зависти. Эта девушка даже плакать умеет красиво: тушь не потекла, нос не покраснел, только на чёрных ресницах трепетали крошечные слезинки.

Все собравшиеся в комнате напряглись. Не мог же Оберан сейчас сказать, что не любит меня, ведь совсем недавно доказывал магвмешу обратное. Нестыковочка получается. Я почувствовала, что эта наглая девица и без кольца-артефакта выёт верёвки из моего супруга, а потому надо экстренно спасти Оберана и свою репутацию:

– Во-первых, прекратите виснуть на чужом мужчине, – сказала я максимально холодным тоном. – А во-вторых, что за дурацкий вопрос? Если бы он меня не любил, то не женился бы.

– Он мой жених, а не чужой мужчина! – моментально окрысилась бессовестная девица. – И вообще, наша свадьба была назначена на первый день снежня, что вот-вот наступит! Мы даже приглашения уже по всем родственникам разослали! Если бы не вы... не вы... – она зашипела на меня с яростью.

– И правда, несколько странно выходит, – задумчиво почесал Феликс свои вихры на голове. – Господин Оберан длительное время готовился к свадьбе с сей прелестнейшей девушкой, но почему-то неожиданно встретил вас, Габриэлла, влюбился с первого взгляда и стремительно женился, даже не уведомив свою невесту о разрыве отношений. Я понимаю, если этот брак был исключительно по контракту, как слияние двух крупных дел по торговле специями и пряностями, но вы уверили меня в обратном. К тому же... э-м-м-м... не знаю, как сказать тактичнее, но я понял бы господина Оберана, если бы Ванесса увела у вас супруга, но в упор не понимаю, как он мог влюбиться с первого взгляда в вас при наличии такой очаровательной невесты. Поневоле задумаешься, а не использовали ли вы запрещённую магию?

Ух... Кажется, я попала. Только что мне очень прозрачно намекнули, что подозревают меня как минимум в незаконном использовании приворотных чар, а как максимум – ментальных. Я не винила Феликса в его подозрениях, так как невооружённым глазом было видно, что я лет на десять старше Ванессы, а мой вес килограмм на десять больше. Ну, одно из двух... Или сейчас рассказать, что мы заключили брак с Ашенхаем, накурившись наргиле с подозрительным составом в кабаре-борделе «Райский остров» и тем самым загубить репутацию сразу двух знатных родов, или... Прости, Оберан, я молчала до тех пор, пока меня не стали обвинять в незаконном использовании магии.

– Вообще-то, у меня есть все основания полагать, что эта девушка, – я мотнула головой в сторону Ванессы, – обманом пыталась заставить Оберана женить на себе!

– Неправда! Я люблю Оберана, – возмутилась девушка и стиснула свои крошечные кулачки.

Ого! Что-то я вообще не могу понять, что тут происходит. Не сказала бы, что она откровенно соврала. Нет, лукавство наверняка было, и замуж она за него хотела не только из-за любви, но и из-за хорошего состояния тоже... Но как-то это совершенно не вязалось с тем, что она ходила на свидание в мустафанский ресторан с другим мужчиной.

Оберан посмотрел на меня с немой укоризной в глазах. Ну, да, он сам хотел по-тихому разобраться со своей невестой, а теперь из-за меня их отношения вытащили на всеобщее обозрение.

– И позвольте уточнить, на чём основываются ваши подозрения, госпожа Габриэлла? – вежливо уточнил господин Туроски, хотя было видно, как сильно ему не нравится сложившаяся ситуация. Сейчас он был скорее на стороне Ванессы, чем на моей.

– На Оберане был надет артефакт с сильнейшей магией внушения. Пока он носил кольцо, он и помыслить не мог о том, чтобы расстаться с Ванессой! – Я ткнула пальцем в Ванессу, а та округлила глаза от удивления. Хорошо играет, шельма!

– А где сейчас находится это кольцо? – оживился Феликс, вновь почуввав, что дело серьёзное, и за раскрытие его могут повысить в должности.

Магия внушения – шутка ли! Магов-менталистов в Таршере рождалось очень мало, один на тысячу, и все они стояли на строгом государственном учёте. В подростковом возрасте, когда юные маги поступали в учебные заведения, их в принудительном порядке проверяли на ментальные способности. Даже тех, у кого находили лишь зачатки этого дара, отправляли в столичную Магическую Академию Ментальной Магии на обучение за счёт короля. Большинство молодых людей, а иногда даже и девиц с удовольствием развивали свой дар под чутким руководством ректора академии – Кристофера Дарси. А кто же откажется, когда за твоё обучение платит король, тебе назначается внушительная стипендия, а по окончании обучения гарантированно предлагают тёплое местечко на государственной службе?

Конечно, всё это происходило не без ложки дёгтя. Во-первых, если студент согласился развивать

свой ментальный дар, то он подписывал документ, в котором обязался работать на короля весь остаток своей жизни. Во-вторых, Кристофер славился суровостью и жёсткостью по отношению к своим студентам. На протяжении всех пяти лет обучения у них практически не было выходных и времени на то, чтобы съездить увидеть своих родных. Некоторые иногородние ученики всё время учёбы не имели возможности вырваться, чтобы увидеть семью. Но и не это было самым сложным! Ходили слухи, чтобы научиться управлять ментальной магией и ставить щиты, студенты вначале тренировались парами, а затем проходили практику с Кристофером Дарси лично. На самых первых практических занятиях необходимо было залезть в голову своего партнёра и заставить вспомнить его самые страшные и горькие моменты своей жизни. Только большая эмоциональная встряска давала нужный толчок, который первоначально служил основой для построения ментального щита. А в процессе учебных занятий постепенно на поверхность вылезали самые потаённые желания студентов, самые грязные мысли, все чувства и привязанности. Многие отмечали, что к концу обучения студенты Магической Академии Ментальной Магии неуловимо менялись характерами, и большинство из них до конца жизни работало на государство, не вступая в браки и не заводя детей. Даже друзей у менталистов, как правило, не было – лишь соратники по обучению. Но это было скорее следствием развития дара, нежели строгостью обучения. Что за радость знать, что твоя жена думает о красавчике-конюхе или сосед улыбается в глаза, а сам завидует твоей высокой зарплате и личному экипажу? Разумеется, находились те, кто считал ментальную магию не даром, а проклятием, и как только выяснялось, что у них есть к этому предрасположенность, добровольно шли на маготомию – пожизненную магическую чистку и запечатывание дара. Такие маги переставали быть магами вообще. Навсегда.

Моё заявление, что на Оберане находилось кольцо не просто с приворотными чарами, а с ментальным внушением, прозвучало как серьёзнейшее обвинение в адрес Ванессы и её сообщника. Было очевидно, что сама она поставить такие чары не смогла бы, а значит, тот, кто устанавливал их, – как минимум государственный преступник.

– Кольцо я постаралась не трогать. – Я вспомнила, что салфеткой стянула его с пальца супруга, а значит, есть шанс, что не затёрла отпечатки магии преступника. – Оно в салфетке на обеденном столе.

Все присутствующие синхронно обернулись на абсолютно пустой стол. Оберан нахмурился.

– Господин Ашанхай, будьте так добры, позовите прислугу, кто убирал еду. Наверняка кто-то заметил кольцо, обёрнутое салфеткой, – попросил рядовой магвмеш.

Оберан позвонил в колокольчик, и буквально тут же прибежала служанка.

– Лолита, ты же убирала блюда с едой? – обратился к ней хозяин дома.

– Да, господин, – служанка выглядела донельзя напуганной. – Что-то не так?

– Милая девушка, пожалуйста, успокойтесь. – Феликс чарующе улыбнулся и жестом предложил служанке сесть в кресло. – Вас никто ни в чём не обвиняет. Пожалуйста, вспомните, когда вы убрали стол, была ли на нём салфетка с кольцом?

Служанка явно засмушалась от галантного обращения Феликса и совсем растаяла, когда к ней обратились «милая девушка». «Вот ведь, такой юный, а умеет расположить к себе и обольстить буквально одним жестом!» – восхитилась я.

– Нет, вроде бы не было, – произнесла Лолита и преданными глазами уставилась на жандарма в мундире.

«Ну да, благородный мужчина, да ещё и в форме, сделал комплимент безродной служанке и тем самым сразу же вскружил голову. Какие-то низкие у вас методы, господин рядовой магвмеш. Хотя, возможно, такими методами вы быстро дослужитесь до звания эксперта», – недовольно я фыркнула про себя.

– «Вроде» или не было? – уже чуть жёстче переспросил юноша служанку, но при этом повернул голову и **так** посмотрел на меня, что у меня пробежали мурашки по коже.

Я вдруг отчётливо осознала, что хожу по лезвию ножа. Ведь если кольца с отпечатками магии внушения не найдут, то всё будет выглядеть так, будто это я приворожила Оберана. Хуже всего было то, что когда я взглянула на своего супруга, в его глазах я прочла сомнение. Он тоже сомневался в том, что действительно был околдован Ванессой! Ведь до сих пор всё, что он думал о злосчастном кольце, было исключительно с моих слов!

– Точно не было, – уверенно кивнула служанка.

– Спасибо, Лолита, можешь быть свободна, – не своим голосом произнёс Оберан.

В глазах Ванессы зажглись искры торжества, и она плотнее прижалась к моему супругу. На этот раз он даже её слегка приобнял.

– Итак, госпожа Габриэлла, – обратился Феликс ко мне, – вы утверждаете, что на вашем супруге был артефакт с сильнейшими чарами подчинения чужой воли, но при этом кольца сейчас нет. Кроме того, весьма подозрительны обстоятельства, при которых господин Оберан так стремительно на вас женился. Не находите?

Я удручённо смотрела на стол. Куда кольцо могло пропасть? Ведь я точно оставляла его на столе! Не могло же оно просто взять и исчезнуть? Может, закатилось куда? Да нет, вряд ли. Очевидно, что его кто-то взял, вот только кто?! И ещё так ловко... Кому-то явно нужно было замести следы.

– А кто-нибудь видел, как вы снимаете это кольцо с пальца супруга? – задал ещё один наводящий вопрос Феликс.

Я встрепелась, чтобы ответить «кухарка Кора», но вспомнила, что прямо перед этим попросила её принести чистое полотенце, и она выскочила из столовой. Чёрт! Да у меня даже свидетелей нет! Не зря этому Феликсу Туросски дали жёлтую звезду, ох не зря. Он понял меня без слов, а потому продолжил:

– Даже если предположить, что ваши слова насчёт кольца правдивы...

– Но как можно?! – искренне возмутилась Ванесса. – Я никого не околдовывала!

– Даже если предположить, что слова Габриэлла Ашенхай верны, – с упором продолжил господин Туросски, поморщившись от того, что Ванесса его перебила, – получается, что Габриэлла незаконно сняла сильнодействующий артефакт с живого человека, то есть подвергла жизнь господина Оберана Ашехая риску...

Я понурилась. И на кой дьявол я тогда не позвала Службу Контроля за Неправомерными Магическими Вмешательствами? Ведь же хотела! Сейчас мой же поступок вменяют мне в вину. Ну, почему, почему я такая неудачница?! Небесная Дева, ответь мне, чем я тебя прогневала? Оберан встрепелся и вставил свои пять медяков в разговор, пытаясь меня хоть сколько-то оправдать перед государственным служащим:

– Я уверен, что Габриэлла действовала из самых лучших побуждений и не знала, что подвергает мою жизнь риску, когда снимала это кольцо!

Я в тысячный раз простонала про себя. «Небесная Дева, за что ты меня так ненавидишь? Или же это происки Двуликого Беса? Лучше бы ты молчал, Оберан Ашенхай!» Страшно хотелось побиться головой об стену. После этих слов Феликс подобрался словно гончая, почуявшая след, и чересчур вкрадчивым голосом спросил у меня:

– Габриэлла Ашенхай, скажите, вы действительно не подозревали о последствиях вмешательства в устойчивую систему «человек-артефакт»?

Я сглотнула. На меня смотрели тёмно-карие, почти чёрные глаза. И что-то подсказывало мне, что врать бессмысленно.

– Нет, подозревала. Я работаю реставратором артефактов и прекрасно знаю о последствиях такого рода действий, – пробубнила я себе поднос.

– Вот видите! – радостно произнёс Оберан. Он не являлся магом, а потому сделал совершенно неверные выводы из моих слов. – Габриэлла – профессионал, работающий с артефактами, она всё прекрасно понимала, и я ничем не рисковал!

Мы оба повернули головы в сторону Оберана, и тот замолчал, осознавая, что сказал что-то не то. Феликс вновь поймал меня в плен своих тёмно-карих глаз:

– Правильно ли я понимаю, что в нашей истории фигурирует заколдованное кольцо-артефакт, исчезнувшее неизвестным образом в этой комнате, а вы, Габриэлла, являетесь магом, который умеет накладывать чары на артефакты, и весь день провели в особняке Ашенхай?

Я гневно сверкнула глазами на своего супруга и он, наконец, понял, какую промашку совершил. Так, Габи, думай! Мозги – это твоя единственная сильная сторона. Кольцо точно существует, и оно однозначно было заколдованно ментальной магией. Если это не Ванесса, то.... Конечно! Как я могла быть такой слепой?! Оберан говорил, что брачный договор составил стряпчий, нанятый Апполонио. А именно с ним Ванесса ходила на свидание в мустафанский ресторан! Вот она, неучтённая переменная во всём этом уравнении! Выходит, Апполонио хотел, чтобы Ванесса вышла замуж за Оберана, а затем взяла все деньги Ашенхая и отдала ему самому. Именно поэтому договор был составлен так хитро в пользу Ванессы. Скорее всего, никакого стряпчего не существует, и

Апполонио самолично составил этот треклятый брачный контракт. Но как Апполонио мог быть уверенным в том, что девушка отдаст деньги? Только если сам при этом воздействовал на разум Ванессы! А значит... Я вскинула горящий взгляд на девушку с золотой косой и зарыскала по её фигуре. Серьги, браслет, кулон... Всё не то, не фонит магией. А вот кольца... Ну, конечно! Парное кольцо, подаренное Обераном! Как же я сразу не догадалась!

Если сосредоточиться на чём-то рядом с проверяемым предметом и слегка прищурить глаза, то краем поля зрения можно было уловить отблеск магии. Этому не учили в университете, это я сама обнаружила как-то раз, когда работала с зачарованным амулетом клиента. Вот и сейчас я краем глаза зацепила отблеск тёмно-фиолетовой ментальной магии, исходящей от кольца на руке Ванессы.

Интересно, как так оказалось, что оба парных кольца зачарованы? Кто мог это сделать? Апполонио работал дворецким в особняке Ашенхай и запросто мог наложить на кольца магию. Наверняка Оберан вообще доверил ему кольца на хранение, перед тем как обменяться ими со своей невестой.

Не знаю, что именно увидели в моём взгляде Оберан и Феликс, но они оба дёрнулись и крикнули «стой!», когда я уже бросилась на Ванессу с целью стащить с неё зачарованное кольцо. Я вцепилась в её руку, девушка завизжала и стала брыкаться, Оберан попытался нас разнять, но получил в челюсть, громко охнул и отступил. Что-то позади кричал Феликс, но я ничего не слышала. А затем я неожиданно почувствовала, как множество иголок впивается в мои виски. Уже второй раз за этот день я теряла сознание, но за миг до того, как провалиться в небытие, я таки сдёрнула это дурацкое кольцо с пальца Ванессы.

На этот раз пробуждение далось мне существенно тяжелее. Голова раскалывалась почти так же, как после той ночи, когда я вышла замуж. Признаюсь, даже возникла малодушная мысль: «А не умереть бы мне прямо здесь и сейчас?»

– Госпожа Габриэлла, не смейте умирать, – как будто прочёл мои мысли рядовой магвмеш, а в его словах я почувствовала лёгкую насмешку. – Я, конечно, знатно вас приложил атакующими чарами, но, честное слово, видели бы своё кровожадное выражение лица! У меня сложилось впечатление, будто вы хотите убить ненавистную соперницу за сердце супруга.

– М-м-м-м... – промычала я и попробовала подняться. Не получилось.

– Давайте я вам помогу. – Моего чувствительного носа коснулся густой аромат кедра, смешанный с пряным мускусом и тонким едва уловимым сандалом. Во второй раз я подивилась, насколько сильно меня обманывает мой нюх. Чувство обоняния буквально вопило, что передо мной находится роскошный мужчина в цвете своих лет, а на деле передо мной сидел тощий встрёпанный юноша, совершенно не в моём вкусе.

Господин Феликс Туросски взял меня под мышки и мягко усадил на диване. Зрение всё ещё немного двоилось, я сконцентрировалась на знакомой взлохмаченной шевелюре магвмеша. Краем глаза я заметила, как рыдает в кресле у окна Ванесса.

– О, я думала, что она меня убьёт! – стенала девушка сквозь рыдания. Оберан предложил ей стакан воды, но вместо этого она вцепилась пальцами в его рубашку, привлекая к себе. – Оберан, я так испугалась! Она же ненормальная!

Я поморщилась, но мой наивный муж ей явно верил, потому что кинул очередной полный немой укоризны и осуждения взгляд в мою сторону. И почему меня так задевает то, что он хлопочет над этой девицей? Мы же ведь договорились о разводе, это дело уже почти решённое. «И даже то, являешься ты сотрудницей «Райского острова» или же дочерью из аристократической рода с внушительным приданым, никак на это не влияет. Оберан сразу честно обозначил, что собирается жениться лишь по любви. А про то, что Ванесса, – необразованная девчонка из крестьянской семьи, он, между прочим, знал ещё до того, как сделать ей предложение руки и сердца. Посмотри на неё и на себя: Ванесса молода и красива, как нежный лебедь, а ты на её фоне точно ошипанная куронога. Габриэлла, ты не должна показывать то, что тебя хоть как-то волнует поведение твоего супруга».

– Вообще-то госпожа Габриэлла поступила единственно верным способом, – прервал рыдания девицы Феликс.

Ванесса и Оберан синхронно подняли головы и недоумённо уставились на рядового магвмеша. Ванесса даже забыла, что ей полагается плакать, слёзы моментально высохли на её щеках.

– Да-да. Когда человек находится под влиянием артефакта, то он ни за что не отдаст его кому-либо по собственному желанию. Вы же, господин Оберан, наверняка помните, что вопреки всякой логике не снимали кольцо невесты со своего пальца, хотя женились на совершенно другой женщине. Единственная возможность снять с жертвы артефакт – сделать это силой. – Я невольно загордилась своим поступком, но Феликс быстро вернул меня с небес на землю, добавив себе под нос, чтобы никто не слышал. – Но вы, Габриэлла, могли бы сказать о своих догадках мне, я бы использовал

связывающие чары, тихо и без последствий снял бы кольцо с её руки. Опять же для Ванессы было бы меньше риска.

Я понурилась. Опять я сделала всё не так. Действительно, вот я маху-то дала и почему-то не подумала о том, что этот юноша не просто так получил звезду в Службе Контроля за Неправоммерными Магическими Вмешательствами и наверняка владеет связывающими чарами. Но когда я поняла, что парное кольцо Ванессы тоже имеет чары, меня как будто переключило. Так хотелось доказать всем, что на Оберане тоже было кольцо и тоже зачарованное...

– Извините, – промямлила я, чтобы меня услышал только он. – Я действовала, не подумав.

– Редкое качество, когда человек умеет признавать свои ошибки. Ещё реже оно встречается у женщин, – не то похвалил, не то обругал меня Феликс, а затем хлопнул в ладоши, привлекая всеобщее внимание. – Как бы то ни было, у меня сейчас в руках находится парное кольцо Ванессы с явными отпечатками магии внушения. Это очень серьёзное нарушение закона Таршера, караемое казнью. К сожалению, госпожа Габриэлла успела потрогать его незащищёнными руками без специальных инструментов, и теперь вот так сходу установить, кто именно наложил магию на предмет, я не могу, хотя, в целом, это и так очевидно. Я попрошу всех, кто сейчас находится в особняке, не покидать этот дом ближайшее время. Моих полномочий дальше уже не хватает, чтобы вести это дело, поэтому я пришлю вместо себя эксперта по магическим вмешательствам. За этим откланиваюсь. – Он кинул печальный взгляд на окно, за которым уже начали сгущаться сумерки.

Да, правду говорят, если выбрал стезю государственного служащего, то будь готов к ненормированному рабочему дню. Феликсу теперь ещё по всему городу придётся искать кого-то выше себя по рангу, имеющего полномочия довести дело до конца, и объяснять всё, что он уже успел выяснить.

– Господин Оберан, – Феликс развернулся к хозяину дома, – пожалуйста, обратите внимание, что с Ванессы успешно сняли артефакт внушения. Она даже сознание не потеряла при этом. А вот ваша жена за сегодня, к моему величайшему сожалению, уже дважды подверглась атакующим чарам с моей стороны. Будьте любезны, вызовите ей целителя.

И, печатая шаг, Феликс Туросски покинул помещение. Оберан перевёл растерянный взгляд с меня на Ванессу, а та, не упуская момента, вскочила с кресла, обвила шею моего мужа и завалилась на него с томным вздохом:

– Ох, Оберан, у меня что-то голова закружилась, и ноги подкашиваются, ты не мог бы отнести меня в спальню?

Разумеется, моему супругу ничего не оставалось, кроме как подхватить Ванессу на руки. Зашедшая Лолита ойкнула, увидев эту необычную картину.

– Эй ты, – надменно обратилась Ванесса к вошедшей служанке, – да, ты. Принеси в мою спальню вечерний ужин на двоих и бутылку вина. – А затем кинула через плечо победоносный взгляд на меня, чтобы я точно поняла, где и с кем будет ужинать мой супруг.

Я демонстративно фыркнула, делая вид, что мне вообще фиолетово.

– Лолита, и вызови целителя моей жене, пожалуйста, – вежливо добавил Оберан, перенося Ванессу на руках через порог столовой.

Я сидела на диване и злилась на Ванессу. Самым поганым было понимание, что я не имею никакого морального права потребовать от Оберана уделять ей меньше внимания, особенно сейчас, когда выяснилось, что она тоже была под воздействием артефакта внушения. Разумеется, девица заявит, что все её взаимоотношения с Апполонио – исключительно следствие внушения, а так она безумно любит Оберана.

«Так, надо сосредоточиться на чём-нибудь другом», – решила я и устроилась на диване удобнее. Головная боль уже почти прошла, правда, как назло затошнило. Похоже, действительно крепко меня приложил рядовой магвмеш. Небось факультет боевых чар окончил. Повезло, что на Ванессе оказалось ещё одно зачарованное кольцо, и я это заметила. Не будь моего опыта в реставрации артефактов, то вообще не пришла бы в голову мысль проверить эту захухрю на следы ментального вмешательства.

Однако, это не отменяет того факта, что кольцо Оберана куда-то исчезло. Не могло же оно испариться? Видимо, кто-то взял его. Я весь день была в этой комнате с момента, как сняла украшение с супруга и до момента обнаружения его исчезновения... «Кроме двух обмороков, которые длились неизвестно сколько времени», – заботливо подсказал внутренний голос. Но на момент второго обморока кольца уже не было на столе, значит, надо вспомнить, как обстояли дела, когда я потеряла сознание первый раз.

Я напрягла память. Вот я стою около шкафа и трогаю ятаган, восхищаясь искусной работой мастера, неожиданно открывается дверь со стороны коридора, и в столовую заходят Феликс и Кора. Кухарка тоже потеряла сознание, испугавшись якобы восставшего из мёртвых Оберана, но оклемалась раньше моего. И если вдуматься, она занимает положение прислуги в доме, а значит, никого бы не удивило, что она подошла к обеденному столу, чтобы что-то подвинуть или убрать. И именно Кора подтолкнула меня к снятию зачарованного кольца с её хозяина в тот момент, когда я уже была готова позвать жандармов. Подозрительное совпадение.

Я нахмурилась. Могла ли Кора быть тем самым человеком, кто незаметно выкрал улику? Нет, пожалуй, её испуг и вопли ужаса не сыграть даже самой талантливой актрисе. Да и внешность Кору... Простоватое круглое лицо, ничем неприкрытое любопытство в глазах, когда мы общались с супругом вдвоём за завтраком... Интуиция подсказывает, что это была не кухарка, хотя полностью снимать её со счётов нельзя.

Подумаем дальше, кто ещё был в столовой? Сам Оберан. Он вполне мог, оклемавшись от воздействия ментальных чар, незаметно сунуть кольцо себе в карман. Я даже помню, как он подходил к окну во время моего допроса Феликсом. Но какие мотивы могли двигать им, чтобы скрыть воздействие на него ментальными чарами? Да, в общем-то, очевидно какие. Во-первых, он с самого начала собирался во всём разобраться сам, и если бы не дотошность Феликса Туроски и внезапное появление Ванессы, то всё сложилось бы по его плану. Во-вторых, какому мужчине будет приятно признавать, что несколько месяцев его водили за нос и заставляли что-то делать по чужой указке? Я уже не говорю, что этим «кем-то» на тот момент предположительно являлась его собственная невеста.

Пока я предавалась размышлениям, где-то в прихожей раздалась мелодичная трель входных чар, а через пару минут в столовую вошёл представительный высокий мужчина с благородной проседью на висках и аккуратной серой бородкой. По его нашивке на камзоле в виде серебряного подснежника я сразу поняла, что передо мной не простой лекарь из ближайшего квартала, а целитель высшей категории с не менее чем десятилетним опытом работы за своими плечами. О как! Приятно всё-таки, когда о тебе так заботятся. Интересно, Оберан попросил вызвать уважаемого целителя, заволновавшись за меня или это простая случайность?

– Добрый вечер, госпожа Габриэлла Ашенхай. Меня зовут Ортего Орелло. Мне передали, что вы сегодня дважды подверглись атакующим чарам. Разрешите, я вас осмотрю? – вежливо представился целитель.

Я даже села ровнее на диване, засмущавшись своего вида. Ого! Сам Ортего Орелло на ночь глядя пожаловал в особняк Ашенхая. Я всегда отличалась отменным здоровьем, и поэтому целители в доме отчима были редкостью, но об Ортего слышала немало хороших отзывов. Говорят, даже сама королева пользуется его услугами!

– Лежите-лежите, я всё сам проверю, а вам с учётом обстоятельств лучший раз не двигаться. Всё-таки атакующие чары – не шутка. Тем более что на вас наслал их представитель закона, которого пять лет только этому и учили. – Мужчина протянул руки над моей головой и начал водить ими надо мной в воздухе, не дотрагиваясь до тела.

Я смиренно полусидела-полулежала и ждала вердикт целителя. От действий мужчины мне было совершенно не больно, лишь слегка щекотно.

– Так, – заключил Ортего, закончив меня проверять, – я действительно вижу на вас остатки атакующих чар, но, по всей видимости, уже кто-то постарался и нейтрализовал большую часть. Работал хороший маг, но, увы, не целитель. Кое-что осталось, убрать надо. Ну, и я вижу у вас два синяка на груди и шее. Их тоже сводим?

Я покраснела, вспомнив об утренних засосах, которые я старательно скрывала мужской рубашкой поверх своего платья.

– Да, пожалуйста, уберите всё. Ещё меня немного тошнит. Это тоже следствие атакующих чар?

Целитель кивнул:

– Да, болевой синдром головы вам облегчили насколько можно, а вот про то, что при повторном ударе чары иногда имеют свойство расползаться по организму, знают единицы. Это могут убрать лишь целители. Но кто бы вам ни оказал первую помощь, он сделал всё что мог и даже больше, не держите на него зла.

Я фыркнула. Ага, если учесть, что Феликс же меня дважды и ударил атакующими чарами, то злиться я на него могла. Конечно, именно он попросил вызвать мне целителя, подозревая, что убрал не все последствия своих действий, но я не обманывалась на его счёт. Да, я была подозреваемой в этом странном деле, но это не повод вот так бить по мне мощнейшими боевыми чарами. Наверняка, если я вздумаю пойти с жалобой в Службу Контроля за Неправомерными

Магическими Вмешательствами на самоуправство рядового магвмеша, да ещё и добавлю, что я дочь известнейшего торговца пряностями в Штолле, а также жена Оберана Ашенхая, то Феликса Туросски моментально сошлют из столицы на границу Таршера в какой-нибудь Лёдград.

«Но поступать я так не буду, потому что тем самым на корню загублю карьеру этого многообещающего юноши», – со вздохом отметила я про себя. «Да, он молод и горяч, явно перестарался с чарами в мой адрес, но всё-таки он очень дотошен и проницателен, из него со временем выйдет отличный эксперт по магическим вмешательствам».

– Я и вижу, что не так давно вы... Несколько злоупотребили кое-какими травами, – произнёс целитель, понизив голос. – Это, конечно же, не моё дело, но вам как девушке действительно не рекомендую увлекаться таким развлечением... Эффект относительно кратковременный, с каждым разом будет требоваться всё большая концентрация трав, но это может вызвать зависимость.

Я густо покраснела от слов целителя. Он не требовал ответа, просто предупредил меня, но мне почему-то всё равно стало немного неуютно под взглядом Ортего Орелло.

Целитель свёл мои засосы на груди и шее, подержал руки на висках, прогоняя остатки боли, а затем переложил их на живот, и я почувствовала, как тошнота медленно отступает. Хорошо-то как! Я настолько отдалась приятному теплу, растекающемуся по телу от рук целителя, что не придала значения вновь раздавшейся трели входных чар. Лишь осипший голос моего отца заставил меня очнуться:

– Габи, детка, но почему же ты мне не сказала, что беременна?

О-о-о-о... Я прикрыла глаза, только сейчас осознав, что руки целителя накрывают мой живот. А если присовокупить к этому то, что отчим наверняка уже узнал о моём поспешном замужестве... Небесная Дева! Да в чём же я провинилась-то перед тобой?

В ярко-синих глазах Ортего мелькнул всполох веселья, но он тут же придал своему выражению серьёзный вид. Нет, какой всё-таки мужик, профессионал своего дела! Не бросился опровергать или подтверждать догадку о состоянии пациентки третьему лицу. Я выдохнула, собираясь с силами и понимая, что мне предстоит тяжёлый разговор, а Леон Трейтс шумно плюхнулся в кресло и продолжил свою речь:

– Когда Гордан ворвался ко мне домой и стал обвинять меня в том, что я заранее всё спланировал, я не поверил в его обвинения. Я был уверен, что ты любишь Эдварда, тем более у тебя свадьба назначена всего через неделю. А теперь всё вижу своими глазами. Ты действительно забеременела и, видимо, поэтому решила поскорее выйти замуж. Но, Габи, почему за Оберана? Мужчин, что ли, в Штолле других нет? Тем более у вас с Эдвардом такая любовь!

– Эдвардом... – эхом повторила я.

Со всеми приключениями, свалившимися на меня за последние сутки, я уже и забыла про своего так называемого жениха. Дзуликий Бес! Икорки веселья в глазах Ортего сменились откровенным интересом, но он не позволил себе произнести и слова. М-да... Он смог почувствовать, что совсем недавно я испытала на себе действие дурманящих трав, а теперь пришёл мой отчим с заявлением, почему я вышла замуж не за того, кого якобы люблю. В целом, не всё ль равно, что подумает этот уважаемый целитель?

– Он заходил ко мне незадолго до приезда Гордана ан Бакшаха... – продолжал Леон Трейтс, а я про себя хмыкнула. «Ну да, чтобы в очередной раз попросить денег на бордельных шлюх».

– А зачем? – перебила я отчима. Было любопытно, как далеко он зайдет в своём вранье, чтобы обелить Эдика, думая, что я всё ещё его сильно люблю.

– Ну, так это... – Леон явно растерялся, придумывая, с чего бы моему ненаглядному появляться в его доме. – Свадебный подарок обсудить, он для тебя сюрприз хотел сделать! – нашёлся с ответом отчим спустя несколько секунд. – Эдвард Троншип такой внимательный и заботливый! Габи, детка, тебе очень повезло с Эдиком!

Я вздохнула и закатила глаза, поняв, что в своём дурацком стремлении выдать почти тридцатилетнюю меня замуж, отчим готов петь дифирамбы даже такому типу как Эдвард Троншип. А когда встретила взглядом с целителем, то поняла, что от него не укрылась моя реакция.

– Лео, – так я всегда обращалась к отчиму, когда хотела донести до него что-то важное, – понимаешь... Я кое-что узнала про Эдварда. У меня есть все основания полагать, что он был мне неверен.

– Да кто ж тебе такое наговорил про него, деточка? Ваши отношения были такими долгими, он так красиво за тобой ухаживал... Я больше чем уверен, что всё, что ты о нём слышала, – наглая

клевета! – всплеснул руками Леон Трейтс.

Ортего Орелло перехватил мой отчаянный взгляд, весело подмигнул мне, а затем напустил на себя суровый вид и со всей серьёзностью заговорил:

– Господин, я вижу, что вы искренне переживаете за девушку и, судя по всему, она является вашей родственницей. – Кивок Леона, и целитель продолжил: – Исключительно поэтому я сообщу вам информацию, которой не принято делиться с посторонними... Но так как эта девушка была невестой Эдварда Троншипа, я чувствую потребность рассказать вам.

Вступительная речь до сего момента молчавшего целителя так сильно заинтересовала моего отчима, что он напрягся и даже привстал с кресла.

– Видите ли, совсем недавно к моим коллегам обращался Эдвард Троншип с весьма редким заболеванием. Я узнал это лишь потому, что коллеги не смогли помочь ему и консультировались по поводу того, что ещё можно сделать в его случае.

Леон перевёл на меня растерянный взгляд:

– Ты поэтому бросила Эдика? Потому что он чем-то болен?

– Не совсем, – теперь уже с интересом слушала целителя.

– Я бы не обратил на это внимание, но через некоторое время ко мне на приём явился ещё один милостивый юноша, который эм-м-м-м.... Оказался болен этим же крайне редким заболеванием.

– Рик Черндер, – проговорила я машинально.

Леон встрепнулся, потому что знал имя лучшего друга моего бывшего жениха, а Ортего с таким демонстративным холодом произнёс: «Я не в праве разглашать имена своих пациентов», – что и мне, и отчиму сразу стало ясно. Это совершенно точно был Рик Чендер.

– Я не смог установить, что именно за болезнь постигла этих двоих, и как именно они заразились, но мои коллеги склонны полагать, что это заболевание передаётся от мужчины к мужчине при удовлетворении не совсем естественных... м-м-м... мужских потребностей.

Где-то полминуты мой отчим переваривал слова целителя, а потом до него дошло, что попытался донести Ортего Орелло. Он резко побледнел и вскочил с кресла, нервно поправляя одежду на себе.

Я же не без восхищения смотрела на мужчину с благородной осанкой и серебряным подснежником на камзоле. Ах, вот ведь хитрый лис! Как ловко он намекнул на интимные отношения между Риком и Эдиком! И ведь не соврал ни капельки! Даже не нарушил Устав Лекарей и Целителей! Формально Эдвард мой жених, а потому Ортего разгласил информацию о пациенте лишь его родственникам. Имя Рика я сама назвала, Ортего ничего не подтверждал и не опровергал. Ну, и что касается заболевания, целитель ловко выкрутился, сказав «мои коллеги склонны полагать, что»... Целитель же не сказал, что считает так же. Вот это интрига-а-ан!

Я поймала на себе смеющийся взгляд ярко-синих глаза и благодарно улыбнулась в ответ. Всё-таки хороший мужик этот Ортего Орелло. Без слов меня понял и пришёл на помощь! А ведь наверняка догадался, откуда ноги растут во всей этой истории с Риком и Эдиком.

Побледневший Леон Трейтс был ошарашен свалившимися на него новостями.

– Габи, хорошо, я понял, что Эдвард Троншип – недостойная для тебя партия. Но почему же ты так стремительно вышла замуж за Оберана Ашенхая? Небесная Дева, почему именно за него? Так же много вокруг достойных мужчин, а ты из благородного рода... Да я бы дал тебе в приданое столько золота, что тебя в жёны кто угодно взял!

Хорошее настроение после последней фразы тут же бесследно улетучилось. Даже собственный отчим считает, что я настолько невыгодная невеста, что без золота никто не захочет на мне жениться. Обидно, однако...

– А что вы, господин Леон Трейтс, собственно, имеете против меня? – Гостиную разрезал сухой и холодный голос моего супруга, и я осознала, что он уже давно слушает наш разговор.

Наступило молчание. Ортело Орелло резко засобирался:

– Ну, вот и всё. Вам бы поспать часочек, чтобы тошнота больше не возвращалась, – посоветовал он, молниеносно собрал разложенные инструменты в свой саквояж, и вышел из столовой.

Я лихорадочно соображала, как долго Оберан находился в комнате, и как много он услышал. Ещё эта последняя фраза про тошноту... Ну, точь-в-точь как будто у меня токсикоз. Вкупе с руками

целителя на моём животе и разговором с отчимом о поспешной свадьбе... И мои слова о том, что я не девственница... О-о-о-о... Неужели Оберан сейчас думает, что я специально привлекла его внимание в «Райском острове» и обманом на себе женила? Да ещё и при духовнике без брачного договора! Надо как можно скорее объясниться с супругом и отчимом.

– Итак, Леон Трейтс, будьте так добры, объяснитесь, что вы имеете против меня? – вновь заговорил Оберан, а его голосом можно было резать металл.

Я испуганно вжала голову в плечи, так и не рискнув влезть в разговор отца и супруга.

– А то вы не знаете, господин Оберан Ашенхай! – буквально выплюнул мой отчим в лицо супругу.

Я удивлённо переводила взгляд с одного мужчины на другого. Что, Дзуликий Бес, здесь происходит? О чём я не знаю? Я люблю своего отчима и доверяю ему, как себе. Всю жизнь он меня растил как собственную дочь, дал свою фамилию и возможность развивать магический дар, когда выяснилось, что он у меня есть. Оберана Ашенхая я знаю всего один день, но и он произвёл на меня впечатление воспитанного молодого человека, где-то даже немного стеснительного, но определённо благородного и с высокими моральными ценностями. Взять вон даже то, что он до сих пор девственник при том, что почти год был помолвлен с Ванессой... Как-никак, но это характеризует человека.

– Леон, – растерянно и очень тихо произнесла я, – что всё это значит?

– А ты, Габриэлла, хотя бы в курсе, кто твой новоявленный супруг? – вопросом на вопрос ответил мой отчим.

– Оберан? – теперь я обернулась к мужу.

Он стоял в дверях столовой бледный, то и дело сжимающий и разжимающий кулаки, а на его скулах играл чахоточный румянец. Да что же всё это значит?!

– Если вы намекаете на то, что я был пиратом, это была вынужденная мера! Да, я бежал из Мустафании и так как не имел денег и средств на существование, служба у пиратов была единственным выходом в моей ситуации. Но как только выдался шанс сойти на берег Таршера, я принял подданство Его Величества. Король знает о моём прошлом, и я заслужил право носить фамилию Ашенхай! – Оберан выпалил всё на одном дыхании, гневно сверкая глазами.

Я ойкнула. Мне вдруг стало понятным, почему у Оберана так много макетов кораблей и откуда взялся столь редкий изогнутый меч. Если принять во внимание то, что мой супруг был некогда пиратом, то всё встаёт на свои места. Интересно, почему он употребил слово «бежал» из Мустафании? Хотя... Если бы у меня был такой властолюбивый дядя, как Гордан, быть может, я и сама сбежала бы. И смена фамилии... Получается, истинное имя моего супруга – Оберан ан Бакшах! Теперь понятно, откуда у моего супруга такие аристократические манеры. Приставку «ан» к фамилии в Мустафании имеют право носить лишь приближенные к самому кефару.

Но всё это не объясняет, почему мой отчим буквально-таки ненавидит Оберана. Вчера утром, до подписания сделки с Горданом ан Бакшахом, Леон Трейтс был настроен весьма положительно к мустафанцу. Да и идея брака с родственником делового партнёра никогда не была чужда моему отчиму. Что же изменилось на этот раз? Разногласия начались только тогда, когда в ресторане Леон прочёл договор... Точно! Я-то наивная, думала, что отчима не устраивают какие-то пункты в договоре касательно самой торговли, а мой отчим впервые увидел имя племянника Гордана, мужчину, за которого я предположительно должна была выйти замуж, и тут же разразился гневом, что это невозможно. Тогда я решила, что Леон так отстаивает моё право на супружескую жизнь с Эдвардом, сейчас же понимаю, что дело было совершенно в другом! Для моего отчима стало сюрпризом, что Оберан Ашенхай является близким родственником Гордану ан Бакшаху.

– Ты пиратом был, значит, на всю жизнь пиратом и останешься, – зло проговорил Леон Трейтс. – Пираты только и умеют, что обманом выкрадывать самое дорогое, что есть у честных людей!

И столько горя, глухой ненависти и отвращения прозвучало в этой фразе, что я невольно содрогнулась. А вот и ответ. Мой отчим был против пиратского прошлого Оберана. Чем же насолили пираты Леону Трейтсу? Украли груз с кораблей? Нет, такая искренняя неприязнь не рождается из-за обычной кражи. Да и не слышала я в последние годы о том, чтобы на корабли Леона нападали пираты. В этом плане мой отчим слыл самым удачливым торговцем Штолле, а его чутьё на морские маршруты – легендарным. Здесь что-то более серьёзное. Я изумлённо покачала головой. Вот так бывает: живёшь с человеком, живёшь, думаешь, что знаешь его, а он открывается тебе с какой-то другой, совершенно неизвестной доселе стороны.

– Честных людей? – Оберан закинул голову и расхохотался. Он хохотал неожиданно долго, а затем резко перестал смеяться и вновь посмотрел потемневшими глазами на моего отчима. – Я до сих пор молчал об этом исключительно из уважения к Габриэлле. Я знаю её не более суток, но уже успел

понять, что она понятия не имеет о ваших грязных махинациях.

Что? Каких ещё грязных махинациях? Я хотела было вставить гневную отповедь своему новому супругу, как заметила неестественную бледность, залившую лицо Леона Трейтса. Чего ещё я не знаю о своём отчиму?

– Вы думали, что при своей должности я не сложу два и два? – тем временем продолжал Оберан Ашенхай, а затем повернулся ко мне и продолжил, уже рассказывая лично мне: – Я стал подданным Таршера и получил новую фамилию в обмен на мои знания и умения. Долгие годы я работал на пиратов и очень хорошо знаю моря, омывающие Таршер. Я умею мыслить, как мыслят пираты, знаю все их точки швартования и работаю проводником для кораблей Его Высочества, предугадывая перемещения пиратских шхун и продумывая безопасные маршруты. С тех пор, как я стал служить во имя короля, ещё ни один корабль, отправленный по моему маршруту, не подвергся нападению морских разбойников. Габриэлла, скажи, тебя никогда не удивляло, что в Штолле так много торговцев пряностями и специями, но твой отчим стал фактически монополистом города, снабжая все крупные рестораны и даже королевскую кухню?

Оберан выжидающе на меня посмотрел, а я молчала, не зная, что ответить. Ну да, я была в курсе, что мой отчим хороший торговец, он самостоятельно сколотил целое состояние на этом бизнесе, фактически подняв его с нуля. Отец Леона тоже был купцом, но далеко не таким успешным. Всё состояние рода Трейтсов я приписывала большому опыту отчима, умению разбираться в людях, везению и смекалке.

Я сама уже много лет занималась реставрацией магических безделушек и помогала отчиму лишь постольку-постольку, выбирая специи из привезённых образцов. Леон всегда доверял моему чуткому носу и говорил, что он у меня золотой. Я смеялась, отшучивалась, но, конечно же, помогала с выбором трав и пряностей, когда отчим приходил ко мне за помощью. На этом всё. После окончания Штольського Магического Университета я старалась зарабатывать на свои нужды сама и очень неплохо это делала. Мне никогда не нравились морские путешествия, и в какой-то момент Леон смирился, что из меня не получится наследницы его дела. Последние годы он привозил уже готовые образцы в Таршер вместо того, чтобы брать меня с собой в разные страны.

– Мой отчим удачно вкладывался, у него большой опыт ведения торговли специями и хорошее чутьё, – аккуратно произнесла я то, что до сих пор думала о Леоне Трейтсе.

Нехорошая улыбка искривила губы Оберана Ашенхая.

– Не смейте! – голос Леона задрожал, словно струна. – Габи, пожалуйста, выйди из этой комнаты и из этого особняка, садись в карету, запряжённую шестью белыми лошадьми, что стоит во дворе. Мы сейчас же уезжаем, и ты больше не будешь общаться с этим мерзким пиратом! Не хочешь замуж за Эдварда – и не надо, я не буду заставлять. А с этим... – он окинул презрительным взглядом худощавую фигуру Оберана... – обещаю, что попрошу короля, и тебя разведут с ним на следующий же день. Что касается твоего ребёнка, то мы найдём способ узаконить его рождение, кто бы ни был его отцом. Обещаю.

Я было дёрнулась, привыкнув, что Леон никогда в жизни не пожелает мне ничего плохого, но тут же остановилась. И дело было не в том, что целитель рекомендовал мне полежать и поспать хотя бы часик, и даже не в том, что Феликс просил никого не выходить из-под крыши особняка Ашенхая. Дело было в том, что глаза Леона Трейтса лихорадочно блеснули, а лоб покрылся испариной. Я вдруг поняла, что не знаю человека, стоящего передо мной. Я понятия не имею, отчего вдруг мой отчим ненавидит пиратов, и что за игру он затеял. Да и то, как он легко соврал мне при целителе, будто Эдвард приходил к нему для обсуждения свадебного подарка для меня... А ведь Леон мне врал всё то время, что я встречалась с Эдвардом. Да, врал из лучших побуждений, и сейчас явно утаивает что-то, считая, что так будет лучше для меня, но... Вот это «но» не давало мне покоя. Я уже давно не маленькая девочка и имею право знать правду.

Оберан проследил за мной взглядом и едва слышно хмыкнул, увидев, что я осталась на месте.

– Не так давно меня заинтересовало поразительное везение господина Леона Трейтса. Его корабли всегда доходят до порта, никогда не терпят кораблекрушений, не попадают в непогоду на море и на них не нападают пираты. Со стороны может показаться, будто сама Небесная Дева благословила торговлю пряностями твоего отчима. И знаешь, что удивительнее всего? Почему-то корабли с грузом купца Трейтса отправляются теми же путями, которые в отчётах я предоставляю Его Величеству. У меня закрались сомнения... Я решил проверить свою догадку, и каково же было моё удивление, когда я выловил в королевском дворце крысу, тщательно переписывающую мои маршруты в свой блокнот!

Я перевела удивлённый взгляд на Леона Трейтса. Неужели мой отчим всё это время выкрадывал схемы передвижений королевских кораблей, и потому на его груз никто не нападал?! Если бы я не сидела на диване, то упала бы на него. Как-то неприятно узнать, что отчим, который всё время мне

рассказывал о том, как надо уметь правильно составить партнерский договор и хорошо разбираться в людях, на деле оказался простым вором.

– Габриэлла, мы уходим! – зазвенел яростный голос моего отчима, после чего он развернулся и направился к двери на выход.

Я встала с дивана и посмотрела на Оберана, затем на отчима. Я понятия не имела, что мне делать. Возможно, мой супруг не всё рассказал о себе, да и к его прошлому у меня осталось много вопросов, а ещё эта Ванесса... Да и развестись со мной он сам хотел. А отчим – единственный близкий человек, который растил меня всю жизнь! Допустим, он поступил не очень хорошо, но по большому счёту никто же не пострадал... Ну, подумаешь, своровал несколько маршрутов и пустил свои корабли по ним. Никому же плохо от этого не стало.

Я сделала несколько шагов в сторону двери.

– Габриэлла, постой, – окрикнул меня Оберан. Я остановилась, оглянувшись на супруга. – Я понимаю, мы женаты всего сутки, и у тебя нет оснований мне доверять. Но я догадываюсь, почему мой дядя Гордан был в бешенстве от того, что мы поженились.

– Что? – Я ничего не поняла из объяснений Оберана. Причём здесь его дядя Гордан?

– Вчера вечером я опоздал в мустафанский ресторан на встречу с деловым партнером своего дяди почти на три часа. Мой дядя Гордан ан Бакшах, известный торговец пряностями и специями в Мустафании, попросил меня подъехать на заключение партнёрского договора с неким Леоном Трейтсом, а заодно и познакомиться с возможной невестой, падчерицей торговца, для заключения брака во имя расширения границ бизнеса. Я же уже несколько месяцев был решительно настроен на брак с Ванессой, а потому задержался во дворце, чтобы собрать доказательства, что Леон Трейтс ведёт свою торговлю нечестно, подворовывая информацию во дворце. И очень сильно удивился, случайно наткнувшись на подлог в своих маршрутах. Как оказалась, крыса, подосланная Леоном, не просто скопировала маршруты кораблей, но и заменила один из маршрутов. Эти данные король Таршера должен был передать дипломату Мустафании для налаживания более тёплых отношений со стратегически важной страной. Оказалось, Леон подменой карт задумал привести корабли мустафанцев прямо в логово пиратов, а сам пустить свои корабли в обход. Таким образом, он на долгое время стал бы монополистом всего ввезённого товара из Мустафании. Я составил бумагу для своего отчима, надеясь зачитать её вслух на моменте заключения сделки, но когда пришёл в ресторан, то перепутал кабинет и оказался... Впрочем неважно. – Я кивнула, вспомнив, что Оберан случайно перепутал кабинеты и увидел свою невесту Ванессу на свидании с Апполонио. – В общем, бумагу для дяди я оставил через доверенное лицо в ресторане, а сам так и не явился на встречу, отправившись... По своим делам.

Я широко раскрытыми от удивления глазами посмотрела на своего отчима, ожидая, что он всё будет отрицать. Но он не отрицал. Несколько секунд он стоял в дверях с идеально ровной спиной, не поворачиваясь ко мне лицом, но, так и не решаясь выйти из комнаты.

– Габриэлла, я сожалею, что ты узнала об это так... Как я понял, ты свой выбор уже сделала и останешься с супругом. Что ж, я тебя понимаю. – И вышел.

Если бы меня кто-нибудь огрел обухом по голове, то я почувствовала бы себя менее дезориентированной. Леон Трейтс, мой благородный отчим, который признал меня своей дочерью, дал мне свою фамилию и даже образование, оказывается, замешан в столь гнусной истории. Я всё никак не могла поверить! Неужели он настолько жаден? Почему он пошёл на это? Нет, я решительно отказываюсь в это верить!

Я вновь растерянно посмотрела на Оберана Ашенхая. Он ответил мне взглядом, в котором было намешано много всего.

– Я... Я хочу побыть одна, – произнесла я тихо, так как в горле першило. После всего услышанного у меня не было душевных сил объясняться сейчас ещё и с Обераном.

– Да, конечно, – сухо ответил супруг, покачнувшись на острых носках начищенных сапог.

Я вдруг осознала, что с самой первой минуты, когда он услышал от своего дяди моё имя и фамилию, понял, что я дочь Леона Трейтса, но всё равно повёл себя благородно по отношению ко мне, ни в чём не обвиняя и не относясь ко мне предвзято. Сейчас же после этого разговора голос его стал намного жёстче. Меня вдруг осенило! Наверняка он слышал про мою беременность и жениха, решил, что я его специально обманула... А в виду истории с моим отчимом, не удивлюсь, если он решил, что яблоко от яблони недалеко падает.

– Я велел подготовить тебе спальню. Лолита, – он вызвал колокольчиком служанку, – покажи Габриэлле, пожалуйста, её спальню.

Мне отчаянно захотелось оправдаться перед Обераном, объяснить, что никакого ребёнка нет, ну, а жених... Его теперь тоже нет, да и какая разница, раз я замужем за другим мужчиной? «Какая разница, что думает о тебе Оберан Ашенхай, если вы всё равно решили развестись ещё до этого разговора?» – резонно заметил мой голос, а я вздохнула и мысленно согласилась. И правда, какая разница? Пускай думает, что хочет... Всё равно у него есть Ванесса.

Пока я поднималась по лестнице, то подумала, что наша игра в «счастливую супружескую пару» летит к Двуликому Бесу. Эксперт по магическим вмешательствам наверняка заметит разницу между тем, что ему расскажет Феликс, и нашим поведением и докопается, что мы женились на одурманенную наргиле голову в кабаре «Райский остров». Но сейчас мне было абсолютно всё равно. На душе после всего услышанного было пусто и гулко, как в поздний час на улицах Штолле. Служанка то и дело кидала на меня любопытные взгляды и порывалась спросить, почему молодая госпожа, супруга её хозяина, будет ночевать отдельно. Но, видимо, мой вид был настолько удручённым, что она не стала задавать мне ненужных вопросов.

Когда Лолита довела меня до ручки двери, я неожиданно почувствовала навалившуюся усталость. Всё-таки слишком длинный и насыщенный событиями был день, и слишком много всего произошло.

– Вам принести ужин в спальню? – вежливо спросила Лолита.

– Спасибо, я не голодна, – ответила я, хотя за сегодня только завтракала. Откровения Оберана насчёт отчима полностью отбили у меня аппетит.

– Но в вашем положении кушать обязательно... – тихо возразила служанка, а я поняла, что в этом доме даже у стен есть уши.

Похоже, Лолита подслушала как минимум часть разговора с отчимом и теперь, как и все, уверена в том, что я беременна. Я прикрыла глаза, понимая, что у меня просто нет сил спорить или что-то доказывать... Я слишком устала от всего, что свалилось на меня за последние сутки. Свадьба с первым встречным мужчиной в кабаре, который наутро посчитал меня шлюхой, обвинение в убийстве новоиспечённого супруга, допрос магвмеша, две серьёзные атаки боевыми чарами, крупная размолвка с отчимом, а теперь все в этом доме считают, что выскочила замуж за Ашенхая, потому что беременна. Всё, с меня хватит.

– Спасибо, что проводила, – холодно перебила я служанку. – Я ложусь спать.

– А, там Кора просила передать, – Лолита замялась и покраснела, – ну, она очень переживает, что обвинила вас в убийстве хозяина, и как-никак из-за неё вам досталось атакующими чарами от господина рядового по магическим вмешательствам... В общем, там на вашей кровати её ночная сорочка. Только вы не подумайте, она её ещё ни разу не надевала! Просто подумала, что вы не послали за своими вещами, а спать вам не в чем и вот... А фигуры у вас похожие, пышные... – служанка протараторила всё на одном дыхании, сняла чепчик и стала неловко теребить его в руках.

– Передай Коре от меня «спасибо», она очень внимательна, и я на неё не в обиде, – я кивнула девушке, отпуская.

Служанка облегчённо перевела дыхание. Похоже, она очень боялась, что я начну возмущаться поведением слуг в этом доме.

– Вы такая замечательная! Я очень рада, что вы стали женой нашему хозяину! А то, что беременны, – не переживайте. Хозяин благородный человек и не бросит в беде женщину с малышом под сердцем, – выпалила Лолита, потом приложила руку к губам, словно испугавшись, что её могут подслушать, покрутила головой и стремительно ретировалась из коридора.

Я проводила девушку недоумённым взглядом и пожала плечами. Мне, в целом, было всё равно, что думает обо мне прислуга. А вот то, что Оберан может передумать разводиться со мной из-за моей мнимой беременности – это проблема. Не то, чтобы он мне был противен, и я всеми силами старалась как можно быстрее избавиться от глупого брака, совсем нет. Мой супруг мне действительно нравился. Вот только я сама уж точно не потерплю, чтобы мужчина оставался со мной из жалости, а тут так вообще на лицо явный обман с моей стороны. Надо сказать ему, что я не беременна и как можно быстрее, и съехать из этого особняка. Говоря откровенно, мне неприятно находиться под одной крышей с Обераном, когда он столько внимания уделяет Ванессе. Очевидно, что я здесь третья лишняя. А если он ещё и порвёт отношения с девушкой, которая ему нравится, из-за моей якобы беременности, а потом вменит же мне это упрёком... О-о-о-о... При первой же встрече скажу Оберану, что не беременна. Решено.

И с этими мыслями я раздвинула тяжёлые занавески, дав лунному свету наполнить мою временную спальню, и открыла створки окна. Свежий воздух ворвался в помещение и наполнил лёгкие. После пережитых новостей это было то, что лекарь прописал.

Я стянула с себя мужскую рубашку, которую использовала весь день как новомодный жакет, затем

свое платье и посмотрела на ночную сорочку, ожидавшую меня на кровати. Ох, и слукавила же Лолита! Или Кора? Я была готова поклясться, что это точно была не ночная сорочка кухарки. Сплошные прозрачные и ничего не скрывающие кружева, тонкие шелковые лямки, глубокий вырез на груди и два разреза по бедрам... Судя по этому недоразумению, прислуга прекрасно понимала о характере взаимоотношений между мной и супругом, и решила нас таки поженить по-настоящему. Если бы я спала эту ночь в одной спальне с Обераном, то у нас вполне вероятно имела бы место настоящая первая брачная ночь. Что ж, хорошо, что Оберан позаботился о раздельных спальнях. Я зевнула, махнула рукой, и всё-таки надела прозрачное безобразие. Не собираюсь же я в ней, в конце концов, принимать гостей! А какая разница, в чём спать? Ох, как же я была не права...

Разбудили меня внезапно и очень грубо. Кто-то тяжёлый прижался ко мне всем телом, положил потную вонючую ладонь мне на рот и препротивно зашептал в ухо:

- Не кричи, это в твоих интересах. Представляешь, я сегодня случайно задержался около окон дома твоего отчима и услышал занятную ссору Леона Трейтса и некого Гордана ан Бакшаха. Мне известно, что под этой маской простушки таится хитрая и расчётливая стерва, которая поняла, что партия с Обераном Ашенхаем выгоднее, чем со мной. Удивительно, как ты ловко обвела его вокруг пальца, женив на себе! - Эдвард остановился, чтобы перевести дыхание и облизать свои губы, а затем продолжил. - Я даже представить себе не мог, что ты настолько бессовестна! И даже не сказала мне о расторжении нашей помолвки... Удивлё-ё-ён, очень удивлён! Я последовал за каретой Леона, чтобы найти тебя и услышать всё из первых уст. Но услышал даже больше, чем рассчитывал. Оказывается, ты, моя дорогая, не просто выскочила замуж, а с подарочком. А теперь только «да» или «нет», отвечай кивком: чей это ребёнок?

Я закатила глаза. Ну, какой же Эдвард всё-таки идиот! А почему я была так слепа всё это время? Как можно ответить на вопрос «чей» кивком? Спустя несколько секунд молчания Эдвард, кажется, понял, что сморозил чушь, и медленно убрал руку от моего рта.

- Так чей это ребёнок? - повторил он ещё раз, а сам начал елозить попой по покрывалу.

- Что, паразиты спать не дают? - довольно произнесла я, а сама порадовалась, что так здорово придумала добавить семена игольника в свинину.

Луна освещала комнату через незакрытые шторы, а потому я увидела, как побледнел мой бывший жених. Он громко сглотнул, а затем зло зашипел:

- Откуда ты знаешь, что у меня паразиты? Это ты меня ими заразила?

Я заколыхалась от беззвучного смеха. Да он не на шутку струхнул, что болен чем-то действительно гадким и позорным. Какое же это счастье видеть, как на лице бывшего жениха разрастается паника.

- Значит, слушай сюда, - он гаркнул, пребольно дёрнув меня за руку, - ты, мерзкая ведьма! Я практически уверен, что это - он ткнул пальцем в мой живот, - не мой ребёнок, ибо я всегда тщательно предохранялся! А значит, ты изменяла мне и крутила роман ещё с кем-то, и что-то мне подсказывает, что не с Обераном Ашанхаем. Если ты к первому числу снежья не переведёшь на мой банковский счёт десять тысяч золотых, то я всему свету растрезвоню, какая ты шалава! Да я смешаю род Трейтсов с грязью! Твой любимый отчим навсегда останется без клиентуры, ему не то что во дворце стыдно появляться будет, а даже на базаре! Да я...

Я вырвала свою руку из медвежьего захвата Эдика и толкнула его в грудь со всей силы. От неожиданности он упал с кровати, ударившись затылком об пол, но тут же зашевелился. Я же сама вскочила с другой стороны кровати и яростно заговорила:

- Это ты меня слушай сюда. Ты отвратителен мне! Я всё знаю о твоих любовных похождениях по бордельным девицам, и о том, что ты планировал и дальше выкачивать деньги из моей семьи. Если ты подхватил какую-то заразную болезнь от очередной своей шлюхи, то это полностью твоя вина. А теперь выметайся из моей спальни и из моей жизни, и так уж и быть, я сделаю вид, что тебя здесь не было!

- Ты!!! - закричал Эдвард, потеряв всякое самообладание, и кинулся на меня с кулаками.

Я успела увернуться от бывшего жениха, ловко метнувшись в сторону, и выставила подножку. Однако он, падая, успел поймать меня за волосы и потянуть на себя.

- Ай!

«Небесная Дева, он же меня лысой оставит», - подумала я прежде, чем упала на него сверху. Эдвард быстро сориентировался в незнакомом помещении, перевернулся, подмял меня под себя своей тушей, и теперь уже я лежала на полу, придавливаемая его весом.

– Надо бы тебя проучить, чтобы поговорчивее была, – проговорил Эдик, противно ухмыляясь.

Он был так близко ко мне, что я впервые почувствовала от него характерное амбре. «Да он же пьян!» – с ужасом осознала я. Обычно мой жених никогда не позволял себе грубостей в мой адрес, но, видимо, алкоголь в его крови, злость на меня и доконавшие семена пустынного игольника сделали своё дело. Я точно в замедленной съёмке видела, как Эдвард приподнялся, размахнулся и занёс кулак прямо над моим лицом. От страха я зажмурилась, прекрасно осознавая, что далеко не все телесные повреждения в наше время можно вылечить даже с помощью магии.

Именно в этот момент я почувствовала, как тело на мне резким толчком отшвырнуло в сторону, раздался грохот, затем сопливый вой Эдварда Троншипа. Я мгновенно распахнула глаза и увидела перед собой полураздетого Оберана. На нём были лишь домашние штаны, а его обнажённый голый торс блестел в лунном свете.

– Быстро выметайся из моего дома, или я вызову представителей власти, и тебя посадят за решётку за незаконное проникновение в чужое жилище и нападение на мою жену! – не то прорычал, не то проорал Оберан.

Я с неприкрытым восхищением посмотрела на Оберана. Подумать только, он голыми руками одолел Эдварда! Вау! За меня ещё никто и никогда не дрался! Это так романтично, так благородно, так по-рыцарски. Сейчас в лунном свете рельеф мужского живота моего супруга показался мне особенно притягательным.

Эдвард, поскуливая, встал с четверенек, прикрывая рукой нос, из которого струилась кровь.

– Ты ещё пожалеешь! Вы все пожалеете! Габриэль, с тебя десять тысяч золотых, иначе... – и, не закончив фразы, он бросился на выход из спальни, провожаемый презрительным взглядом Оберана.

Я же смотрела на своего супруга и думала: «Вот так должен вести себя настоящий мужчина!»

– Габриэлла, с тобой всё в порядке? – вернул меня голос супруга с небес на землю.

– Ась? – неужели он переживает за меня? Интересно, а как я сейчас выгляжу? Наверное, волосы растрепались, надо пригладить.

– Габриэлла, ты в порядке? Не пострадала? Может, нужен целитель тебе или твоему ребёнку? – спрашивал меня Оберан, помогая подняться с пола и в то же время старательно отводя глаза от того безобразия, в которое я была одета.

Наверно, он услышал наши с Эдвардом крики и бесстрашно поспешил на помощь. Оберан бессознательно всё ещё сжимал руки в кулаки и от этого на его предплечьях выступали крупные вены. Зрелище меня заворожило настолько, что я сглотнула набежавшую слюну. Ох, от такого мужчины я бы завела детей. Кстати, он что-то там спросил о ребёнке... Каком ребёнке, я ж не беременна?

– Каком ребёнке? Ты о чём? – спросила я, заворожённо глядя на супруга.

Из-за вида обнажённого мужского торса с густой дорожкой тёмных волос, которая пряталась за резинкой низко сидящих домашних штанов, мысли в голове путались и убегали в горизонтальную плоскость. Щекам стало жарко, и я порадовалась, что открыла окно на ночь.

Оберан, до сих пор смущавшийся смотреть на меня, уставился мне прямо в лицо.

– Так Леон сказал же, что ты беременна! – По его выражению лица было явно понятно, что он раздумывал, а не ударила ли я головой и не потеряла ли память. – Ты не сказала мне этого при замужестве, но я не виню тебя, если тебе нужна моя помощь, или ты не хочешь разводиться, потому что боишься позора...

А-а-а-а, речь идёт об этом ребёнке. Ну, так бы и сразу сказал.

– А-а-а-а... Так это он всё не так понял. Меня целитель от тошноты лечил после атакующих чар Феликса и потому положил руки на живот. Отчим увидел это, сопоставил нашу внезапную свадьбу и сделал совершенно неправильные выводы. Ну, а потом ты пришёл, завязалась ссора, и мне как-то не с руки было влезать с криками «а, кстати, я не беременна». – Я развела руками.

– То есть ты не беременна? – переспросил Оберан, нахмутив брови.

– Нет, я же сказала, – повторила я, не понимая, что не так.

– И тебе не нужна моя фамилия, чтобы не рожать вне брака? – уточнил супруг.

– Нет, не нужна. Мы можем развестись хоть завтра же, – я сказала чистую правду, всё ещё

недоумевающая, почему голос Оберана стал разочарованным. Сам же хотел развод получить и как можно быстрее.

– Ясно, – кивнул супруг и отступил на шаг назад. – Тогда я обращусь к королю и попробую в кратчайшие сроки получить развод. – С этими словами Оберан развернулся и направился к двери, но я спохватилась и окрикнула его.

– Оберан, а что насчёт моего отчима?

– Что насчёт твоего отчима? – эхом откликнулся мужчина.

Я понимала, что он нарушил закон, но всё-таки мне не хотелось, чтобы его посадили за решётку. Как-никак, а Леон фактически заменил мне родного отца, которого я никогда не знала. Как бы сильно меня ни задел грязный поступок отчима и его ложь, я всё равно продолжала его любить.

– Я понимаю, он нарушил закон... Но можно ли что-то сделать, чтобы... – я не договорила и устала в пол. И так всё было понятно без слов.

Оберан тяжело вздохнул, прошёл к моей кровати и опустился на её край.

– Габриэлла, я понимаю, что твой отчим тебе очень дорог, но он поступил очень и очень плохо, из-за него могли погибнуть люди, ты это понимаешь?

Я села на кровать рядом с супругом и с разочарованием отметила, что подо мной матрас прогнулся ниже.

– Да, понимаю. Но я его люблю, он – вся моя семья, – прошептала я в ответ.

Оберан помолчал некоторое время, затем произнёс:

– Я думаю, что можно кое-что сделать. По большому счёту, даже случись всё так, как планировал Леон Трейтс, пострадала бы лишь моя репутация. Гордан всё равно запросил бы от меня индивидуальный маршрут и очень бы удивился, что он совершенно не совпадает с тем, что прислал бы дипломат Мустафании. На текущий момент обо всей этой истории знают лишь я, мои люди, которые будут молчать, если я прикажу, ты, твой отчим и мой дядя Гордан ан Бакшах.

– Ты, твои люди, я, отчим и Гордан, – задумчиво повторила я, прекрасно осознавая, что заставить молчать надо лишь последнего человека в этой цепочке.

Гордан, Гордан, Гордан... Что-то было не так с этим мужчиной. Он как-то странно себя вёл, когда увидел меня и Оберана вместе. Интуиция подсказывала, что что-то здесь не так. А ещё я вспомнила признание супруга, что ему пришлось бежать из Мустафании, какое-то время жить на пиратском судне, а затем начинать жизнь здесь, на незнакомом материке, без поддержки родных и близких...

– Оберан, а расскажи, почему ты сбежал из Мустафании? – попросила я, прекрасно понимая, что прошу рассказать о личном.

То ли эта ночь нас объединила, то ли совместная тайна об истинной причине нашего брака, то ли произошло ещё что-то, но я почувствовала, что могу задать этот вопрос своему супругу, а он мне ответит. Мужчина долго сидел на краю кровати и собирался с мыслями, прежде чем начать свой рассказ.

– Ты знаешь, Габи, – обратился он ко мне, слегка пожав плечами, – считается, что в Мустафании на первом месте всегда семья: жена, дети, а уже потом всё остальное. Но ты никогда не думала, как это соотносится с тем, что у мустафанцев разрешено иметь до трёх жён?

Я встрепенулась. И правда, весьма взаимоисключающие параметры: многожёнство и семейные ценности.

– Дело в том, что это у жены семья должна быть на первом месте, её дети и, конечно же, супруг, – горько ответил Оберан, не ожидая, что я отвечу на его вопрос. – А вот мужчина должен заботиться о своих женщинах, а если он увлечётся другой – взять её в жёны. На худой конец – в свой гарем. Собственно, так выглядят высокие семейные ценности с позиции мустафанцев.

Я содрогнулась. Б-р-р-р! Официально делить своего мужчину с другими женщинами. Это же варварство какое-то. Это что получается: по понедельникам – с одной, по вторникам – с другой, по средам – с третьей, остальные дни – в гареме... А если женщин суммарно больше семи? Как тогда очередность устраивать? Я представила себе еженедельник с расписанием, с какой женой предстоит ночь, и повела плечами. Да ну, бред какой-то!

Оберан с лёгкой усмешкой посмотрел на то, как я поёжилась от его слов, и продолжил:

- Ну, вот и моя мать была такого же мнения. Она была третьей женой Роллина ан Бакшаха, старшего брата Гордана. Первая жена моего отца оказалась бесплодной, вторая принесла двух девочек, и лишь моя мать родила меня. Роллин был для моей матери всем. Он словно солнце озарял её жизнь, она улыбалась лишь только тогда, когда он был рядом. До восьми лет я рос в Мустафании и видел, как каждый день моя мать мучается ревностью и старается заглушить свои чувства, потому что она по-настоящему любила своего супруга, а он уделял ей времени не более, чем другим жёнам. Иногда она думала, что он навещает её спальню лишь потому, что она смогла подарить ему наследника. Брак с моим отцом делал её по-настоящему несчастной. А когда мне исполнилось восемь, кочевые варвары стали нападать на Мустафанию с запада, и мой отец Роллин ан Бакшах отправился на защиту границы государства, где вскоре и погиб. Мать очень долго горевала. По нашим законам она и две другие жены перешли в гарем младшего брата моего отца - Гордана. Ещё два года я жил фактически в гареме своего дяди и в какой-то момент понял, что смерть Роллина принесла облегчение моей матери. Пока он был жив и предпочитал других жён ей, она страдала. Когда он умер, ей больше некого было любить, но и некого ревновать, переживать, что сегодня её мужчина проводит ночь с другой женщиной. Гордан хорошо к ней относился и не трогал её, за что я ему искренне благодарен. Наверно, именно поэтому между ним и мною остались хорошие взаимоотношения.

Я хмыкнула про себя. Да уж, в моих глазах это не особо-то тянет на «хорошие взаимоотношения», но да ладно, не время и не место рассказывать Оберану о том, как должны вести себя действительно хорошие опекуны. Что касается матери моего супруга, то мне её стало действительно жалко. Неразделённая любовь раба своего разбитого сердца. И ладно бы, она влюбилась в кого-то, кто предпочёл ей другую, честно женился бы на сопернице и сказал, что у неё нет шансов. Время многое лечит. Нет, Роллин всю жизнь давал ей надежду своей заботой и вниманием, что между ними возможна любовь, а потом раз за разом убивал её. Это похоже на изысканную пытку, гораздо страшнее, чем просто неразделённая любовь.

Тем временем Оберан продолжал:

- Когда мне исполнилось десять лет, я поклялся, что никогда не стану таким, каким был мой отец - никогда не изменю любимой женщине и не заставлю её терзаться сомнениями и ревностью. Именно в это время к берегам Мустафании причалило пиратское судно. Удивительное дело, но матушка догадалась о моей задумке сбежать в другую страну, где царят иные порядки. Она всецело поддержала меня, собрав мне на первое время мешок с едой и вещами первой необходимости. Так в десять лет я попал к пиратам. Ты знаешь, у них всегда не хватает рук для того, чтобы драить палубу, выливать нечистоты, проверять трубы, закреплять верёвками бочки с вином и ящики с награбленными вещами. Меня охотно взяли и всему этому быстро обучили, а я в свою очередь работал за еду и кров, смотрел, слушал и наблюдал. Смотрел, как пираты прокладывают маршруты, как строят карты моря, рассчитывают подводные извержения вулканов, скорость и направление волн. Слушал и учил языки, на которых говорили эти люди, ведь пираты оказались той ещё разношёрстной компанией. До шестнадцати лет я проработал на пиратском судне, а однажды улучил момент, когда корабль достаточно быстро подошёл к берегам Таршера, и сбежал. Дальше ты мою историю знаешь.

Я вдруг вспомнила то, как спросил меня Оберан: «Неужели ты считаешь, что измены в браке допустимы?», когда мы перечитывали брачный договор, составленный Апполонио. Неожиданно этот вопрос показался мне совершенно иным в свете услышанной информации. Вспомнилось и то, что Оберан до сих пор является девственником, но я вдруг поняла, что это его собственный осознанный выбор. Теперь меня больше не забавлял этот факт. Я понимала, что он никогда сам не изменит той счастливнице, которая станет его возлюбленной, но и никогда не простит её измену, если она случится. Про таких людей чаще всего говорят - однолюбы.

- Понятно, - протянула я... - А Гордан давно осел здесь, в Таршере? Он же вроде как мустафонец.

- Нет, он вообще третий раз приплыл в Таршер по делам. Здесь стряпчий заправляет делами от его имени. Первый раз Гордан приезжал ко двору Его Величества приблизительно пять лет назад как приближенный к кефару и неожиданно среди дворян увидел и узнал меня. Он попытался надавить на родственные связи, и исключительно из-за хорошего отношения Гордана к моей матери я время от времени высылал ему кое-какую информацию, которая никак не могла навредить Таршеру. Ничего серьезного, так... С кем Таршер собирается заключить мирные договоры, у кого покупать зерно, кому экспортировать оружие. Это так и так было бы известно простому люду через какое-то время, но Гордан хотел обо всём узнавать в первую очередь, раньше, чем об этом писали в газетах. Приблизительно год назад я получил письмо от матери. Она сообщила, что нашла свой смысл жизни в молитвах и удаляется жить в храм жриц Небесной Девы от мирской суеты. Тогда Гордан приплывал во второй раз, и вот сейчас он посетил Таршер в третий.

Ржавые шестерёнки в моей голове заскрежетали и начали складываться в определённую картину. Выходит, долгое время Оберан был полезен Гордану, а где-то год назад мать Оберана удалась в монастырь, и ан Бакшах потерял рычаг давления на племянника. Супруг слишком предвзято относится к родственнику и не понимает, что его мать была именно рычагом влияния, заложницей,

ведь взамен за заботу о ней Гордан получал ценную информацию из-за моря. Я уже не говорю о том, что сам Оберан является единственным наследником Роллина ан Бакшаха... И даже если здесь, в Таршере, Оберан никак не претендует на это наследство, это вовсе не означает, что там, в Мустафании, про сына Роллина забыли. Откуда восьмилетнему мальчику понимать, насколько богат был его отец, и что именно он, сын Роллина, а не его младший брат, должен получить всё состояние покойного. Наверняка Гордан очень обрадовался, когда несовершеннолетний племянник исчез с отъездом пиратов и объявил его пропавшим без вести. А тут такой неприятный сюрприз – наследник старшего брата оказался целым и невредимым в Таршере! Да ещё и занимает значимое место при Его Величестве. Конечно, Гордан обернул всё в свою пользу, но призадумался, как законно отобрать средства Оберана, доставшиеся ему от Роллина по законам Мустафании. Готова поспорить, что первоначально пять лет назад Гордан планировал под каким-нибудь благовидным предлогом вернуть племянника на родину и подстроить смерть или что-нибудь в этом роде. Большим сюрпризом для него стало то, что Оберан оказался с мозгами и сам смог получить новую фамилию, заручиться поддержкой Его Величества, занять место при дворе и заработать хорошее состояние. Надо было действовать...

– Скажи, а твой отчим имеет какое-либо отношение к мустафанскому ресторану, в котором мы должны были подписать договор? И как давно он занялся специями и пряностями? – уточнила я, смутно предчувствуя, что разгадка находится где-то совсем близко.

– Да как-то одновременно у него это получилось. – Оберан пожал плечами. Похоже, ему вообще не приходили такие мысли в голову. – Видимо, профиль решил сменить, раньше самоцветами торговал.

Самоцветы?! Семья ан Бакшах вообще в родстве с кефаром Мустафании должна быть, чтобы ей разрешено было заниматься их добычей! О-о-о-о...

А ещё слишком уж опасно такой груз вести по морю. Пираты, если пронюхают, то начнут настоящую охоту за кораблями, гружёными драгоценными камнями. Редкими камнями и металлами торгуют, как правило, лишь по сухопутным маршрутам с ближайшими соседями. Причём львиная часть расходов тратится на охрану товара. Чем дальше путь – тем больше расходы. Перевозить самоцветы на кораблях на другой материк просто не выгодно. Кому, как не мне, дочери успешного купца, знать все особенности торговли тем или иным товаром. А вот специи – почему бы и нет?..

Наверняка год назад Гордан купил ресторан в Штолле и привёз специи в надежде заключить выгодный контракт и параллельно женить своего племянника на дочери владельца самого крупного торгового дела. Таким образом, можно было бы пустить всё наследство Оберана в «семейное дело», а потом постепенно незаметно его вынуть... Этаким легальный способ переложить золото из кармана Оберана в свой собственный.

– Наверно, он уже тогда заговаривал о женитьбе? – задала я наводящий вопрос, стараясь не выдать своего волнения.

– Да, он хотел меня женить ещё год назад, но я проявил недюжинное сопротивление, категорически отказавшись жениться по его указке, – Оберан усмехнулся, словно вспомнил что-то смешное. – Пожалуй, впервые мой дядя столкнулся с таким жестким отпором в моём лице. Прошло много лет, и от боязливого мальчика ничего не осталось. Я сказал ему, что женюсь по любви и только.

– А через какое-то время ты встретил Ванессу и влюбился? – побелевшими от волнения губами спросила я.

Всё сходится! Разгневанный Гордан ан Бакшах понял, что нужно найти способ хитрее, чтобы заполучить деньги Оберана. Он нанял Ванессу, простую, но невероятно красивую девушку из крестьянской семьи, чтобы она очаровала строптивого племянника и женила его на себе. Не удивлюсь, если Апполонио – поверенный Гордана, который доставил зачарованные ментальной магией кольца возлюбленным и должен был за всем проследить, в том числе и за тем, чтобы Ванесса получила свою оплату за сделку, а основную часть золота отдала заказчику. Для недалёкой глупенькой крестьянской девушки и пара тысяч золотых – гигантские деньги, на которые она сможет безбедно существовать до конца своей жизни. С помощью артефактов внушения Гордан подстраховался, что всё сложится именно так, как ему надо.

Ванесса влюбляет в себя Оберана, он, одурманенный магией внушения, подписывает брачный контракт, ну, а у девушки благодаря кольцу даже мыслей не должно возникнуть о том, чтобы присвоить всё себе. Всё-таки Гордан ан Бакшах проживает за морем, так что человек, который за всем присмотрит в лице Апполонио, будет не лишним.

Вот только зачем в таком случае Гордану вновь приплывать в Мустафанию и пытаться заключить партнёрский договор с Леоном Трейтсом? Что-то не сходится во всей этой истории... Я закусила щёку с внутренней стороны и нахмурила лоб, отчаянно пытаюсь сообразить, что не так. Что-то витало в воздухе и дразнило, но что же?

По всей видимости, произошло что-то, что напрягло Гордана, и он решил вернуться к первоначальному плану. Не зря же Гордан настаивал на том, чтобы племянник не подписывал до поры до времени брачный контракт. Контракт! Точно! Его составлял Апполонио! А ведь там было целых два пункта, которые меня насторожили... Во-первых, пункт про измену, во-вторых – про смерть. В целом, было бы достаточно одного пункта, например, про измену. Даже половина денег Оберана, если его настоящая фамилия ан Бакшах, – это целое состояние. Но, по всей видимости, Ванесса и Апполонио спелись, проявив слишком много жадности, и включили в брачный договор пункт о смерти Оберана. Гордан стал догадываться о том, что его пытаются обмануть или же о том, что эта сладкая парочка собирается убить его племянника, который стал за последние годы ко всему ещё и полезным источником информации. Разумеется, он сорвался из Мустафании и приплыл в Таршер, чтобы попробовать ещё раз реализовать свой первоначальный план. А вдруг получится? И именно Гордан ан Бакшах забрал кольцо Оберана с обеденного стола, поэтому Феликс не смог найти улику. Он в тот момент тщательно заметал следы! Я ведь думала, что он тогда выпил вино залпом от переполнивших его чувств после новости, что племянник женился на дочери конкурента, а на самом деле он забрал улику против себя!

Я нервно кусала губы, понимая, что в моей теории всё складывается. Интуиция вопила о том, что Горан ан Бакшах, а не Апполонио – главный зачинщик всего этого спектакля. О-о-о-о...

– Оберан, – я тронула своего супруга за запястье. Мне было нелегко это произнести, но я понимала, что надо сообщить ему правду о его дяде, – мне кажется, что Ванесса – подосланная девушка, которой твой дядя пообещал щедрую плату за твоё соблазнение и женитьбу на себе, а Апполонио – его помощник. Он наверняка имел доступ или даже хранил у себя парные кольца, пока вы их не надели? Для тебя – чтобы ты подписал брачный контракт, не глядя, а для Ванессы – чтобы она потом отдала все деньги, что получит после развода с тобой или твоей смерти.

– Что-о-о? – ожидаемо взвился Оберан, подскочил с кровати и уставился не меня. – Габ, что ты такое несёшь?!

Я вздохнула, понимая, что кто-то должен сказать это ему.

– Оберан... Ты – единственный сын Роллина ан Бакшах. Я знаю, что приставку «ан» в Мустафании дают только приближенным к семье кефара. А ещё ты обмолвился, что Гордан занимался ранее добычей самоцветов. Неужели ты думаешь, что торговля самоцветами приносит прибыли меньше, чем торговля пряностями и специями?! Неужели ты не видишь, насколько это глупый поступок с его стороны? Это было всего лишь прикрытие. Чтобы найти тебе жену для договорного брака, пустить твоё наследство на якобы семейный бизнес по торговле специями, а затем незаметно вытащить эти деньги... Товар имеет свойство портиться, протухать, иногда на море бывают штормы... А когда год назад ты объявил, что женишься лишь по любви, Гордан нашёл хорошенькую девушку из крестьянской семьи. Он и кольцо с магией внушения на неё надел лишь только с той целью, чтобы она отдала после свадьбы деньги ему без вопросов.

– Но...но... – Я видела растерянность, написанную на лице Оберана. Было видно, что картина произошедшего складывается у него в голове, но он отчаянно не хотел в это верить. – Я уже давным-давно не подданный Мустафании и не претендую на то, что досталось мне в наследство от отца!

– Я знаю. – Я попыталась сделать голос как можно мягче, чтобы попытаться донести до Оберана то, как на самом деле выглядит вся ситуация со стороны. – Ты – единственный сын Роллина ан Бакшаха, старшего сына в роду ан Бакшахов. Все месторождения самоцветов принадлежали твоему отцу, а не Гордану. С его смертью осталось два наследника – ты и твоя мать как единственная из жён, родившая сына. Я не уверена, но подозреваю, что в вашей стране женщина ценится только тогда, когда рождает мальчика. Я права?

Мой супруг дёрнул кадыком и едва заметно кивнул. Я продолжила, собираясь с духом:

– Пока твоя мать жила в гареме Гордана, он разрабатывал шахты, надеясь, что ты сгинул в море. Через много лет он встретил тебя во дворце короля Таршера. Это стало неприятным сюрпризом для него, но он и здесь всё провернул таким образом, чтобы твоё существование было ему выгодно. Он использовал тебя четыре года, уповав на родственные связи и заботу о твоей матери. Когда же твоя мать ушла в жрицы Богини-матери, отказавшись от всего мирского, единственным законным владельцем шахт стал ты. Как назло отношения между Мустафанией и Таршером улучшились, дипломаты из Мустафании стали приезжать во дворец Его Величества. Кто угодно в любой момент в Оберане Ашенхае может узнать Оберана ан Бакшаха. Гордан запаниковал и решил действовать грубо. Он заплатил девушке с хорошенькой внешностью, чтобы она тебя охмурила, а затем надела на тебя зачарованное кольцо...

– Прекрати! – перебил меня Оберан. – Я не хочу это слушать! Это всё догадки, у тебя нет никаких доказательств, я уже не говорю о том, что Ванесса меня любит!

Я видела по глазам Оберана, что он испытывал сомнения, и какая-то часть его поверила мне, но сердце отказывалось принимать правду. Было слишком больно узнать, что человек, который заботился о твоей матери и заменил отца, даже пускай он и был тем ещё тираном и деспотом, предал тебя.

Супруг резко крутанулся на носках и стремительно вышел из моей спальни, громко хлопнув дверью. С громким стоном я плюхнулась на кровать и закрыла лицо руками. «Двуликий Бес! Да кто меня просил лезть в это осиное гнездо? Да почему я вообще подумала, что Оберан поверит мне, женщине, которую он знает неполные сутки, в то, что Ванесса, девушка, за которой он ухаживал почти год, на самом деле лишь мастерски изображает чувства? Я уже молчу об его отношениях с дядей. Я сама не далее как несколько часов назад отказывалась верить в то, что успех моего отчима обоснован банальным воровством ценной информации. А Леон ведь меня воспитывал и дал свою фамилию! Двуликий Бес... Наверное, Оберан меня возненавидел после всего того, что я сказала о его дяде и невесте, и поспешил в спальню к Ванессе.»

От последней мысли на душе стало как-то неприятно и горько. А ведь Оберан мне действительно понравился. Были моменты, когда я думала, что, быть может, не стоит спешить с разводом.

Как-то так я лежала с закрытыми глазами и размышляла о том, что произошло со мной за последние сутки, как неожиданно осознала, что матрас рядом со мной давно прогнулся, и кто-то лёг рядом. Неужели Оберан вернулся? Наверно, надо попросить прощения... Именно в этот момент я почувствовала чьё-то шумное дыхание на своей щеке и шее. Кто-то страстно прошептал мне в ухо:

– Привет, красотка. Ты такая горячая! – слюни незнакомца мелкими капельками осели у меня на коже, комнату наполнил слишком тяжёлый мужской аромат.

– Ты кто такой? – От удивления я отняла руки от лица и приподнялась на локтях, подслеповато пытаюсь разобраться, кто же мой очередной визитёр.

Не спальня, а проходной двор какой-то! В серебристо-белом свете луны я смогла рассмотреть широкие бугристые плечи, светло-пепельные волосы и гордый мужской профиль. Да за всю мою жизнь у меня не было столько мужчин, сколько за эту ночь пришло в мою спальню! Мне сегодня вообще дадут поспать?!

– Зови меня Ап-поло-ни-о, детка, – мурлыкнул этот незнакомец, и в следующий момент, когда я была готова завизжать, поняв, кто забрался ко мне в комнату, на моей руке щёлкнул золотой браслет. Краем глаза я успела уловить тёмно-фиолетовый отблеск, мелькнула догадка о природе этого блеска, но через долю секунды услышала металлический звон застёжки.

Сразу же, как украшение оказалось на моей руке, я почувствовала, как на меня навалилось оцепенение, в ушах неприятно зашумело, взгляд стал ослеплым. Куда-то подевались все переживания касательно брака и развода с Обераном, вдруг всё стало казаться таким мелким и неважным, не стоящим моих эмоций, а мужчина передо мной – самым важным, самым красивым, самым сильным и потрясающим мужчиной в моей жизни.

Апполонио щёлкнул пальцами у меня перед носом и приказал:

– Слушай сюда и не двигайся!

Край моего сознания вопил о том, что на мне сейчас ментальные чары подчинения, но я с тупым обожанием уставилась на мужчину. Какие у него восхитительные плечи и нос! Понятно, почему Ванесса на него запала. Удивительное дело, что Оберан поверил, будто мужчина с таким породистым лицом может быть всего-навсего дворецким. Жаль, мой супруг совершенно не разбирается в людях. Собственно, а какая теперь разница?

– Слушаю, – непроизвольно пошевелились мои губы. Я готова была поклясться, что это произнесла не я, но почему-то слово разрезало тишину спальни.

– Отлично, значит, браслет действует, как и говорил Гордан. – Апполонио довольно потёр руки, встал, прошёлся к входной двери и запер её изнутри на щеколду.

«И почему я это не сделала сама, когда ложилась спать?» – отстранённо подумала я, но кусать локти было уже поздно. Вдруг стало очевидно, что я сильно сглупила. Я догадалась до того, что Гордан планировал использовать Ванессу, но её место неожиданно заняла я. С учётом того, что партнёрский договор на торговлю специями не подписан, и отмыв денег через совместное дело отменяется, очевидно, что Гордан попытается действовать со мной так же, как изначально планировал поступить с Ванессой, то есть наденет на меня артефакт подчинения. О-о-о-о... Небесная Дева, где были мои мозги? Ещё каких-то полчаса назад в этой спальне находился Оберан, и можно было попытаться сделать хоть что-то...

– Как-то всё некстати сложилось, – дёрнул щекой Апполонио. – Я уже планировал оставить с носом

Гордана и забрать денежки, которые добудет Ванесса, но он стал что-то подозревать, срочно приплыл и стал искать новую невесту своему племяннику... Как тебе удалось захомутать этого типа? Ванесса его несколько месяцев окучивала, чтобы он созрел на предложение! А она, между прочим, красotka, не то, что ты... – Он окинул взглядом мои пышные тела, которые практически не скрывала кружевная ночнушка.

У меня зачесался язык высказать Апполонио всё, что о нём думаю. Да, я знала, у меня есть лишний вес, и мне уже давно не двадцать, но всё равно мне было неприятно слышать такие слова в свой адрес. Злость на мужчину, стоявшего напротив меня, отрезвляла, туман в голове начал медленно рассеиваться. «Неужели я могу сопротивляться действию артефакта?» – изумлённо проскочило у меня в голове.

– Отвечай! Почему Оберан запал на тебя? Ты использовала приворотные чары? – Апполонио внезапно повысил на меня голос.

Мне совершенно не хотелось признаваться в том, что мы с супругом напились до потери памяти, но после того, как мужчина задал вопрос, я буквально-таки нутром почувствовала острое желание исповедаться.

– Нет, никакой магии я не использовала. Нас обоих предали любимые люди, – произнесла я сквозь зубы, сопротивляясь собственному языку.

Голова кружилась, отчаянно тошнило, но я пыталась скинуть навалившееся оцепенение. Я чувствовала, что могу сопротивляться, надо всего лишь понять, как это делать. Моё собственное тело казалось безумно тяжелым и неповоротливым. Безумно сильно хотелось снять этот дурацкий обжигающий кожу brasлет.

– Хм-м-м... – Апполонио задумчиво почесал свой подбородок. – То есть вы сошлись на почве взаимного сочувствия друг к другу?

– Можно и так сказать, – с усилием выдавила я, а мысленно добавила «и семян пустынного игольника, добавленных в мустафанский курительный прибор».

– Ваш брак настоящий? Это правда, что вы не заключали брачный контракт? – Апполонио стрельнул глазами на моё предплечье, увидел золотую татуировку и одернул сам себя. – Вижу, что настоящий. И, по-видимому, без контракта... Что ж, жаль. Меньше всего я хотел бы брать на душу грех.

Я напряглась изо всех сил. О каком грехе идёт речь? О чём он?

– Ванесса – та ещё дурочка. Наивно верит в то, что ваш брак окажется недействительным, и Оберан выйдет замуж за неё. Но раз вас связала золотая татуировка... Что ж... Приказываю тебе убить своего супруга, а как только ты получишь все деньги, причитающиеся тебе как вдове, ты отдашь их мне. Поняла?

Я с ужасом смотрела на Апполонио. Что?! Убить Оберана?

– Как убить? – просипела я охрипшим от спазма голосом и с трудом сглотнула ставшую вдруг вязкой слюну.

– Как-как! – раздражённо ответил Апполонио. – Да как хочешь, так и убей его! Хочешь – зарежь, хочешь – чарами стукни, хочешь – яд подмешай, мне всё равно. Ты должна остаться законной вдовой, и все деньги Оберана Ашенхая ан Бакшаха должны оказаться у тебя!

Я сидела и понимала, что если буду молчать, то он прикажет мне убить моего супруга прямо сейчас. А если буду задавать дополнительные вопросы, то рискую получить весьма чёткий ментальный приказ, который не смогу обмануть. Если, например, Апполонио сказал бы мне убить Оберана чарами, то у последнего оставалось бы мало шансов на то, чтобы выжить. Всё-таки Оберан не маг. А вот если выполнить приказ и попытаться прирезать Оберана, то появляется шанс, что он отобьётся. Не зря же у него в столовой ятаган лежит, да и вообще он голыми руками смог Эдика уложить...

И всё-таки я почувствовала, что меня начинает одолевать паника и мелко потряхивать от сложившейся ситуации. Какая разница, как попытаться убить Оберана? Основное – я должна это сделать. И в лучшем случае супруг решит, что я таким образом захотела озолотиться за его счёт. А в худшем... Думать даже не хотелось, что будет в худшем случае. Я вспомнила его мягкую улыбку, ямочку на подбородке, волнистые волосы, и сердце ёкнуло. Мой любимый отчим, Леон Трейтс, с детства говорил, что безвыходных ситуаций не бывает. Значит, и сейчас я смогу найти выход, надо лишь тщательно его поискать.

Что же делать? Я напряглась, вспоминая те немногие лекции, которые я посещала в Магической Академии Ментальной Магии. Разумеется, когда я узнала, какие семинары предстоят всем

ментальным магам, я тихо-мирно перестала посещать академию. Эти лекции читал куратор академии – Кристофер Дарси. Как наяву помню его восхитительные ярко-зелёные глаза, которые манили словно магнит, плавные движения, бесшумные кошачьи шаги, мягкий вкрадчивый голос, которым он зачаровывал всю аудиторию, и никто не смел даже чихнуть, не то, чтобы громко пошептаться. Я закрывала глаза в такие моменты и представляла, что мы находимся наедине, а всю лекцию он читает только лишь мне. Ох! Ну, и не только *это* я, конечно, себе представляла. А судя по покрасневшим щекам и опущенным взглядам немногочисленных студенток женского пола, посещавших занятия Кристофера Дарси, не одна я воображала себе... многое.

От Кристофера исходила такая мощная аура силы, властности и таинственности, что большинство девушек влюблялись в него с первого взгляда. Что уж говорить обо мне, пухлой глупенькой студентке с миловидным лицом?

Во времена учёбы в университете большинство учащихся, в том числе и ребята, предпочитали держаться от меня обособленно, видя, что я не сдаю со всеми экзамены и сессии, а как следствие, считалт меня чьей-то протее. После получения диплома я с головой ушла в работу и на личную жизнь времени как-то не оставалось. Так и получилось, что к своим двадцати девяти годам у меня был действительно небольшой опыт общения с противоположенным полом.

Помню, однажды я искала аудиторию предстоящей лекции по перевариванию и заплутала в коридорах Штольського Магического Университета. Надо было спуститься вниз, в подвалы, но вместо этого я свернула куда-то не туда и попала в потрясающий по своей красоте проход, сделанный из прозрачного стекла. А за стеклом вокруг раскинулся зимний сад с экзотическими растениями и яркими цветами. Как оказалось позднее, это был переход, связывающий Штольський Магический Университет и Магическую Академию Ментальной Магии, но на тот момент я этого не знала. Я прильнула к стеклу, рассматривая диковинные деревья и совершенно не заметила, как Одрэн Тодсон, старшекурсник и первый красавчик с кафедры боевой магии, со своими друзьями подошёл ко мне со спины. Они зажали меня в полукольцо и стали отпускать грубые шутки в мой адрес. Красавчика и его приятелей интересовало, как так вышло, что я хожу на занятия в их группу, но при этом не сдаю экзамены. Они строили пошлые догадки на тему моих взаимоотношений с учителями и ректором университета, перемежая их сальными комментариями о том, что под моей невзрачной внешностью кроется страстная жрица любви, раз даже кто-то из опытных мужчин решил устроить судьбу своей протее. А я, сгорая от стыда, прижималась к стеклянной стене перехода и впервые проклинала просьбу отчима к бургомистру Арону Вольсмангу устроить меня в университет без всяких экзаменов в счёт покрытия старого долга.

То ли Одрэн Тодсон со своими друзьями слегка выпил, то ли решил припугнуть меня, чтобы так получить ответ на свой вопрос, но как-то незаметно они стали формировать и подбрасывать в воздух огненные шары. Нет, никто из них не сделал мне физически больно и даже не ударил. Они пытались задавить меня своим авторитетом старшекурсников и напугать, чтобы я им созналась.

Именно в тот момент, когда Одрэн уже приставил ко мне магический шар, слегка подпаливая студенческую мантию, и изощрялся в фантазии, строя очередное дико постыдное предположение о моих постельных талантах, позади него я увидела Кристофера Дарси. Высокого, статного и убийственно красивого, с горящими неестественной зеленью глазами. Я готова была провалиться на месте и выслушать ещё с десятков оскорблений в свой адрес, лишь бы Дарси не появлялся в этом чёртовом переходе и не слышал всего того, что озвучили студенты. Кристофер как всегда подобрался к компании студентов настолько бесшумно, что его никто кроме меня не заметил. А затем... затем он предложил всем им напасть на него, раз они такие смельчаки, что вшестером угрожают огненными шарами студентке с младшего курса. И тон его был настолько приказной, не допускающий неповиновения, что Одрэн и его друзья не посмели ослушаться. Вот только ни один огненный шар не долетел до ректора академии. Юные дарования все как один застыли перед Дарси, побледнев и пялясь перед собой огромными от ужаса глазами. Ректор не повёл и бровью, а несколько юношей обмочили от страха штаны и бросились наутёк. Двое точно разнеженные девицы упали в обморок, а сам Одрэн сел на корточки, накрылся руками и слёзно умолял его не трогать. Кристофер же любезно подал мне руку, помог встать и отряхнуться, после чего сказал, что будет рад, если я посещу академию тоже, раз интересуюсь материалом для старшекурсников в университете. С того дня я смотрела на Кристофера влюблёнными глазами.

Все эти воспоминания пронесли в голове за долю секунды, как и вводная лекция по теоретической постановке ментальных щитов. Дарси рассказывал, что магу необходимо сосредоточиться и представить перед собой глухую каменную стену, которая в итоге и станет ментальным щитом. Чем чаще маг тренируется и представляет себе стену, тем быстрее у него будет получаться отражать ментальные атаки или сканировать память. В идеале к концу обучения все студенты с этой кафедры должны научиться постоянно мысленно удерживать щит, не давая возможности другим менталистам читать свои мысли. Я попробовала было выполнить домашнее задание Кристофера Дарси, но поняла, что, по всей видимости, во мне нет ни капли ментальной магии, а посещать свои занятия он предложил мне по каким-то своим сугубо личным причинам. Мне было очень сложно вообразить каменную стену, как будто я сама ворочала эти тяжеленные

каменные бруски. В голове всплыла та сцена в прозрачном переходе, где меня спас Дарси, и как-то само собой я вообразила вокруг себя стеклянный купол. На следующее занятие Кристофер оглядел аудиторию и попросил представить себе стену, сказав, что отныне всегда, когда студенты заходят в класс, они на протяжении всей лекции должны удерживать эту стену. Дарси похвалил отдельных учеников, кому-то сделал замечание, что стена должна быть не деревянная, а каменная. Нерадивый ученик схватился за голову и простонал, осев на парту. По мне Кристофер лишь мазнул ничего не значащим взглядом, видимо, заранее предполагая, что у меня ничего не получится. Я пожала плечами, так как в целом похвалы не ожидала: стену-то вообразить у меня не получилось. Но вот поддерживать воздушный купол оказалось достаточно несложно, а потому я всё занятие старательно удерживала вокруг себя купол. Один раз Кристофер посмотрел на меня в упор и даже слегка приподнял бровь, а я тут же вспомнила, что он услышал обо мне в том переходе, густо покраснела и упёрлась взглядом в тетрадь. Проверять свой купол на прочность я не стала, когда узнала о том, как проходит дальнейшее обучение в академии. А во избежание искушения вообще перестала появляться в академии, вернувшись к стандартному расписанию лекций в университете. Тем более у меня как раз в это время наметился прорыв в структурной магии вещей, и я всецело посвятила себя артефактам. Но идея со стеклянным куполом мне понравилась, и я время от времени возводила в своих мыслях воздушную конструкцию. Я не тренировалась намеренно, но со временем лёгкая дымка навсегда отпечаталась на границе моего сознания.

Вот сейчас я сидела с золотым браслетом на руке перед Апполонио и чувствовала давящее воздействие ментальной магии на разум. Кто-кто извне приказывал мне: «Убей Оберана! Убей!» Вспомнив Кристофера Дарси, я почти сразу же воссоздала знакомый прозрачный купол в полной мере, и стало дышать как будто легче. Я даже плечи смогла опустить. Приказ об убийстве супруга всё ещё маячил где-то в мыслях, но уже не был таким навязчивым.

– Так вы с Ванессой любовники? – спросила я, понимая, что мне нужно время, чтобы сосредоточиться.

А что если всё-таки попробовать дополнительно выстроить каменную стену? Вдруг получится? С тех пор прошло уже много лет, и если в первый раз над стеклянным куполом я пыхтела почти полночи, то сейчас он у меня получился за одну секунду. Я прикрыла глаза и вообразила гладкие белые камни. Небольшие, чуть меньше обычных кирпичей, иначе их слишком тяжело укладывать. И положила первый ряд перед собой.

– Ну, можно и так сказать. Она очень любит поболтать, так что я решил пристроить её хорошенький маленький ротик в нужном направлении. В конце концов, должен же я получать моральную компенсацию за то, что приходится работать с такой визгливой девчонкой. Мой наниматель меня сразу предупредил, что Ванесса должна остаться девкой на момент бракосочетания, или же Оберан может раздумать на ней жениться.

Я глубоко вдохнула и выдохнула, после чего положила ещё один ряд белых камней, а на него ещё один.

– Выходит, ты пользовался чарами подчинения, чтобы заставить девушку тебя ублажать? – как можно ровнее спросила я, стараясь вывести Апполонио из себя и ещё немного потянуть время.

Моя фраза попала точно в цель. Апполонио был привлекательным мужчиной, но то, с каким пренебрежением он говорил о Ванессе, наверняка не раз отталкивало от него представительниц женского пола. Я неосознанно надавила на его болезную мозоль.

– Да как ты смеешь! – Голос мужчины перешёл на тонкий визг. – Да ты на себя посмотри! Да я бы в жизни не поверил, что кто-нибудь согласился в твёрдом уме и памяти с престарелой куронозой лечь в одну постель! Да она сама мне, можно сказать, предложила этот вариант оплаты!

Я пропустила мимо ушей «престарелая куронога» в свой адрес. И не такое слышала, мне не в первой. Главное – не терять концентрацию. Я положила еще несколько рядов белых камней и почувствовала, как ослабевает действие браслета на моё сознание. Теперь приказ «убить Оберана» звучал словно через туман, очень приглушённо.

– Оплаты? – машинально повторила я, всеми силами вкладываясь в ментальный щит.

– Ну да, оплаты. Она попросила не действовать на неё через кольцо, хотя надела его, прекрасно понимая, что это такое. Всё-таки она была не душой и осознавала, что Гордан ан Бакшах подстрахуется, чтобы она точно отдала ему все деньги. Ну, я и предложил... взаимовыгодное, так сказать, сотрудничество.

Ещё несколько рядов.... Всё! Стена готова. Она была кривоватой, не очень высокой, но стояла сама по себе в моём сознании и не норовила упасть. Я медленно переложила руки на колени, пробуя, каково это? Ведь в самом начале Апполонио приказал мне «не двигаться». Сейчас я ощущала лишь неприятный зуд в районе запястья, где плотно сидел золотой браслет, но не более. Никакой острой

боли или жара от браслета, чей указ я не выполнила. Ура! Неужели у меня получилось? Апполонио был слишком увлечён и не заметил моих движений.

– То есть ты на неё совсем не воздействовал? – Мне было важно понять, как Ванесса замешана во всём этом деле, невинная жертва или соучастница. Как-никак она – невеста моего супруга. Быть может, она не такой уж и плохой человек, действительно влюбилась в Оберана, а всё остальное было ментальными приказами, которым она не могла сопротивляться.

– Ну как... Вначале немного воздействовал на неё, конечно, – смутился Апполонио, – но она сама мне предложила эту сделку!

Всё сходилось. Когда я сняла кольцо с Оберана Ашенхая, он надолго потерял сознание, что свидетельствовало о том, что на него незаметно, но постоянно давили ментальной магией. После того как я сняла кольцо Ванессы, Феликс вскользь отметил, что она даже не потеряла сознания. То есть Апполонио не врал: он действительно использовал артефакт лишь в самом начале.

– Ясно, – пробормотала я, выяснив для себя всё необходимое, потянулась рукой к браслету и просто его сняла.

– Ка-а-а-к?! – Ужас на лице мужчины был написан столь явственно, что он даже сделал шаг назад. – Как ты его сняла?! Ты что, менталист?! Но я проверял, ты не состоишь на государственной службе! Как такое может быть?!

Я медленно поднялась с кровати и встала напротив Апполонио. Несмотря на мой фривольный наряд, я чувствовала себя королевой положения. Да и Апполонио было не до моего внешнего вида. Кажется, до неудачливого дворецкого только дошло, что единственное оружие против меня было легко мною сломано. А ещё напротив него, обычного человека, сейчас стояла сильная магичка. А то, что Апполонио не обладал магией, было понятно нам обоим. Иначе бы он уже давно воспользовался связывающими чарами, да и браслет-артефакт от Гордана ан Бакшаха ему не понадобился бы, чтобы приструнить новую невесту Оберана Ашенхая.

Апполонио дёрнул кадыком и рванул в сторону двери, но его же приготовления, а именно закрытие щеколды, ему помешали. Раньше, чем я успела сориентироваться, яркая вспышка чужих чар пересекла комнату и окутала фигуру преступника. Апполонио замер в смешной позе, вытаращив глаза и приоткрыв рот. Сейчас я не находила в нём ничего привлекательного. Обильная испарина покрывала лоб, из приоткрытого рта начала капать слюна, как у умственного отсталого.

– Вот мне тоже интересно, как такое может быть? – услышала я бархатный голос с хрипотцой, от которого у меня побежали сладкие мурашки по всему телу.

Ещё одна вспышка, теперь уже оглушающих чар, и Апполонио с глухим грохотом упал на пол, точно мешок с вещами.

Я очень медленно обернулась на звук мурлыкающего голоса, мысленно умоляя Небесную Деву, чтобы это был не тот, о ком я только что думала. Но Дева меня не услышала. Там, у открытого окна, опёршись на подоконник, стоял он – Кристофер Дарси собственной персоной. Понятия не имею, как ему удалось оказаться на третьем этаже особняка Ашенхая. Это не человек – загадка.

Кристофер был одет безупречно, стильно и дорого, а его ярко-зелёные глаза как будто бы светились, разгоняя ночной сумрак. «А человек ли он вообще?» – мелькнула мысль, но я её отогнала как самую глупую, которая приходила ко мне в голову за эту ночь.

Кристофер Дарси сделал ленивый длинный шаг от окна внутрь спальни и, не отводя от меня взгляда, повторил:

– Как так вышло, что девушка, обладающая ярко выраженным ментальным даром, обошла стандартную проверку при поступлении в высшее магическое заведение?

Я неотрывно смотрела в невероятные изумрудные глаза и чувствовала себя загипнотизированным кроликом перед опасным хищником. Разумеется, вся моя выдержка растерялась, когда я увидела Дарси, а тщательно возведённая в мыслях стена рухнула в один миг. Но я смогла удержать прозрачный купол и была этому рада.

Лёгкая едва уловимая щекалка в голове – и я ещё сильнее сосредоточилась на куполе. Так я и рассказала о том, что мой отчим имеет дела с бургомистром Штолле, а потому мне разрешили ходить на лекции без фактического поступления в университет! Нет, это секрет моего отчима, и я не хочу им делиться ни с кем. Мне не пришлось сдавать ни выпускных, ни вступительных экзаменов, ни даже стандартной проверки на предрасположенность дара. Благодаря Леону Трейтсу я появлялась там, где мне было интересно, и с чистой совестью пробивала те занятия, которые считала скучными и неинформативными.

Я буквально ощутила, как стеклянный купол трещит по швам, когда Кристофер смотрел в мои глаза, а потому слегка расслабилась и позволила куполу стать мягким, по консистенции напоминающим жидкость. Не знаю, почему вдруг мне пришла в голову такая идея. Я много работала с артефактами из самых разных материалов, и меня всегда поражало, что столь хрупкое стекло при нагревании становится текучим. Вот и сейчас я мысленно придала своему куполу некоторые свойства воды.

– Вы смогли обмануть приёмную комиссию, но не меня. При нашей первой встрече я почувствовал, что у вас есть дар, – задумчиво проговорил Дарси, уже не пытаясь продавить мой щит. – У вас очень интересный щит, кстати. Достаточно мощный, я не могу подслушать ваши мысли, но в то же время и не такой заметный, как у большинства моих студентов. За то время, что мы не виделись, вы приобрели необычный опыт и заметно изменились.

И с этими словами он окинул меня задумчиво-изучающим взглядом. Удивительное дело, но я чувствовала себя комфортно одетой при всех предыдущих посетителях моей спальни: Эдвард был пьян и сам признался в разговоре с Риком, что мысли о близости со мной ему противны, Апполонио отметил, что я его не привлекаю, а Оберан поступил как джентльмен и не смотрел на меня. Скользящий взгляд Кристофера с чисто мужским интересом заставил меня опомниться.

Я вдруг осознала, что на мне надето, и с приглушённым визгом кинулась к кровати, стремительно стягивая с неё покрывало. Кристофер смотрел на эту сцену с задумчивым любопытством, даже не пытаясь галантно отвернуться. Куда там! Он бы наверняка обрадовался, если бы я полностью разделась! Этот слишком внимательный взгляд заметно меня разозлил и привёл в чувства. «Ну, что он, полуголой женщины, что ли, никогда не видел? Да и что во мне поменялось? Какой была, такой и осталась, разве что уже давно не двадцать...». Пыхтя и отплевывая прядь волос, неудачно попавшую мне в рот, я стремительно заматывалась в одеяло, превращаясь в подобие мумии.

Раздался мягкий, чуть приглушённый смех Кристофера:

– Всё же, Габриэлла, когда вы злитесь, щит ослабевает. Вам надо больше тренироваться. Что касается вашей внешности, то вы слишком строги к себе. Многие мужчины мечтают о здоровой женщине с пышными формами, которую есть за что пощупать, а не о худосочной истеричной даме, измотанной всевозможными новомодными диетами.

«Да-да, только почему-то на балах все дамы утягивают свою талию до осиних размеров», – подумала я, но вслух сказала:

– Сомневаюсь, что вы здесь оказались затем, чтобы обсудить мою фигуру! Что касается экзамена на наличие ментального дара, то я его не проходила. Почему – не знаю. Мне приглашение не присылали.

– И вот это интереснее всего, – уцепился за мои слова Кристофер. – Я спрашивал у ректора университета, кто вы, и почему вас не определили в мою академию, но, представляете моё удивление, когда оказалось, что такой студентки, как Габриэлла Трейтс, вообще не числится в Штольском Магическом Университете! К сожалению, за неимением официальных документов о том, что дар у вас всё же есть, я никак не мог повлиять на то, чтобы вас перевели ко мне. Я радовался, что после того случая в переходе вы стали посещать мои лекции. Забросить такой дар, как у вас – настоящее преступление! Тот день, когда вы не явились на практическое занятие по установке ментального щита, стал для меня ударом ниже пояса. Я не мог вас заставить прийти, я даже не мог пригрозить вам отчислением, так как вы официально и так нигде не учились... Впрочем, сейчас это неважно. Преступник, – он кивнул на Апполонио, – пойман.

– Но он не настоящий преступник, это лишь поверенный Гордана ан Бакшаха, он – заказчик всего этого безобразия, – перебила я Кристофера Дарси.

– Да-да, я в курсе, – невозмутимо подтвердил Дарси. – У меня есть улика, которую мне передал Феликс Туроски. – С этими словами в кармане сюртука, сшитого явно на заказ на идеальную фигуру менталиста, мелькнуло кольцо Ванессы.

– Так чего же вы ждёте! – возмутилась я тому, что так много времени потеряно зря. Стоим тут и лясы точим, а опасный преступник на свободе! Я воинственно двинулась к двери из спальни, но мужчина меня остановил.

– Габриэлла, постойте, – мягко обратился он и дотронулся до моей руки, чтобы я не убежала из комнаты.

От этого невинного прикосновения у меня сладко затрепыхались бабочки внутри живота, а тело покрылось мурашками, но я постаралась взять себя в руки. Купол, купол, стеклянный купол, или я выдам все эмоции. Нехорошо получится. Я – замужняя женщина, а роняю слюни на ректора академии, в которой и полугода не отучилась.

– Я уже отдал все распоряжения. Гордана ан Бакхаша арестуют сразу же, как только он появится в порту Штолле. Апполонио сейчас находится в этой комнате под действием связывающих и оглушающих чар. Ванесса спит в соседней спальне в полной уверенности, что ей ничего не грозит. Впрочем, ей действительно ничего особенного не грозит, кроме крупного штрафа. Оберан сам сделал ей предложение, без какого-либо принуждения, брачный договор составляла не она, а про пункт о смерти супруга девушка даже и не догадывалась. Это всё проделки Апполонио. Думаю, максимум, что ей грозит – административный штраф из-за того, что она не заявила о существовании артефактов с ментальной магией. На территории Таршера они запрещены. Но так как даже не она их использовала, то штрафом и отделается. Кстати, интересная вещь... Такого в моей коллекции ещё не было...

Кристофер поднял двумя пальцами с кровати золотой браслет и осмотрел его со всех сторон, а потом просто и незатейливо сунул его себе в карман.

– Но артефакты с ментальной магией запрещены на территории Таршера, – повторила я его же слова. Политика двойных стандартов, однако, у Дарси: другим нельзя, ему – можно.

– Да, именно поэтому этот браслет пополнит *мою* коллекцию.

– Но... – начала я возмущенно, подумав, что это вообще-то улика.

– Незачем кому бы то ни было знать, что на вас пытались воздействовать ментальной магией, – блеснул взглядом Кристофер, и я заткнулась. И правда, с кем я спорю? С ректором Магической Академии Ментальной Магии?! Это, наверно, у меня в голове помутилось от недосыпа...

Я опустила руки и вернулась на пресловутую кровать. Странно было общаться наедине с Кристофером Дарси ночью в спальне, озаряемой лишь серебристым лунным светом. Я кожей ощущала всю интимность и неправильность данной обстановки, ведь, положила руку на сердце, Кристофер мне нравился ещё со времён студенческой скамьи, но другого выхода у меня было. Выйти с ним вдвоём из спальни было бы ещё более подозрительным.

– Я хотел с вами поговорить, но у вас так много гостей было этой ночью, – протянул Кристофер, а я вдруг стала пунцовой. Вроде бы ничего пошлого он не сказал, а его слова всё равно прозвучали более чем двусмысленно. – Пришлось ждать, когда вы пообщаетесь со своим бывшим женихом, потом с супругом. Я уже было собрался навестить вас, как в спальню ввалился этот... – он пренебрежительно кивнул в сторону статуи Апполонио.

«Ага, выходит, он всё это время был где-то рядом и всё слышал!» – осенило меня. Вот только где мог прятаться менталист, я не могла приложить ума. Всё-таки третий этаж особняка... По стене не залезешь.

– Я вас внимательно слушаю, – произнесла я, стараясь не выдать волнения.

Часть 3. Друзья познаются в беде

Что могут делать в спальне большую часть ночи тридцатилетняя женщина и невероятно красивый мужчина, который долгое время оставался мечтой её девичьих грёз? Мужчина, который в своё время проявил смелость и спас её от шайки зарвавшихся балбесов? Мужчина, который проявил благородство и ни разу не вспомнил о том, какие недостойные сплетни он о ней услышал? И этот же самый мужчина тонко намекнул в начале ночной встречи, что находит её привлекательной.

Светало.

– Габриэлла, повторяю, это будет правильным, да ты и сама это понимаешь. По закону все маги, обладающие ментальным даром, должны или служить на государственной службе, или быть запечатанными. – Кристофер смотрел на меня немного сочувствующе, а я кусала щёку изнутри, пытаясь придумать хоть какой-либо выход из той ситуации, устраивающий нас обоих. Мы спорили всю ночь до хрипоты, и я даже не заметила, в какой момент наше общение перешло на «ты».

– Но официально у меня нет дара, – возразила я упрямо. – У меня даже диплома об окончании высшего магического заведения нет!

Кажется, наш спор зашёл в тупик. Кристофер Дарси хотел, чтобы я бросила свою работу в лавке ресторатора и занялась развитием своего дара под его руководством, а затем и работой в качестве ментального мага, но вот меня моя жизнь вполне устраивала.

– М-м-м... Не хотел прибегать к этому аргументу, – недовольно произнёс Дарси, потирая подбородок, – но ты не оставляешь мне выбора. Твой отчим, Леон Трейтс, преступник. Он многократно выкрадывал информацию государственной важности, а ещё осмелился на подлог, который должен был привести к очень серьёзным последствиям. Это политическое преступление, которое в Таршере наказывается пожизненным заключением.

Я побледнела. Откуда он всё это знает? Ведь Гордана ещё не поймали... Неужели он умеет читать мысли?! Или подслушал разговор с Обераном и всё понял? В этот момент я почувствовала слабое давление на мой купол, как будто кто-то исследовал мою защиту. Я лишний раз порадовалась тому, как ловко решила заменить стекло в своём ментальном щите на подобие мягкой, тянущейся, но очень прочной ткани. Я чувствовала, как Кристофер поймал мой взгляд в омут своих неестественно салатных глаз и попытался дотянуться до моих мыслей.

Нет! Не дам! Я с усилием трянула головой, а Дарси отвёл взгляд, как будто ничего и не было. И ведь же даже ничего не вменишь этому опасному типу и не потребуешь так больше не делать! Со стороны всё выглядит, как обычная невинная беседа. Я почему-то более чем уверена, что, если попрошу его вести себя прилично, то он растянёт губы в ироничной улыбке и сообщит какую-нибудь колкость про мою бурную фантазию.

– То есть, если я откажусь работать на вас, то вы посадите моего отчима в тюрьму на всю жизнь? – уточнила я, отчаянно пытаясь придумать хоть какой-нибудь выход из этой ловушки.

Неосознанно я вновь перешла на «вы», потому что начинала злиться. В первую очередь на себя. Когда Кристофер смотрел на меня, я чувствовала, что щеки непроизвольно алеют, а дыхание становится рваным. Да что же за реакция у меня на этого невыносимого мужчину?! Стоило ему вновь появиться в моей жизни, как мысли сами собой начали путаться и плыть совершенно не в ту сторону... В горизонтальную сторону.

– Из ваших уст это звучит так, будто я вас шантажирую, – недовольно произнёс Кристофер.

Он медленно покачал головой, а его тёмные волнистые волосы колыхнулись. До безумия захотелось запустить в них руку и пропустить сквозь свои пальцы. Что это со мной? Я готова дать себе пощечину, лишь бы прийти в себя. Правда, это будет смотреться со стороны более чем странно. Слишком много Кристофера за эту ночь, слишком. Уже несколько часов мы в этой треклятой спальне. Только он и я.

– Я, наоборот, настолько хорошо к вам расположен, что готов закрыть глаза на махинации вашего отчима, если вы, Габриэлла, пойдёте мне навстречу. Только подумайте, чему вы ещё научитесь, если самостоятельно, лишь послушав мои лекции, смогли выстроить такой необычный ментальный щит! Зачем вам какая-то частная магическая практика по реставрации древних артефактов, если вы сможете читать чужие мысли, отдавать приказы, наводить ужас одним только взглядом...

Вот беда была именно в этом. Не хотела я наводить ужас одним только взглядом, не хотела я повелевать людьми... Ну, не было во мне ни единого грамма желания власти. Видимо, что-то отразилось на моём лице, потому что Кристофер попытался зайти с другой стороны:

– Габриэлла, вы же умная женщина. Я видел, как виртуозно вы распутали этот сложный клубок,

связанный с наследством Оберана Ашенхая ан Бакшаха, даже не имея возможности исследовать кольцо Ванессы. У вас невероятный острый аналитический ум в сочетании с сильным врождённым даром, разносторонние знания из самых разных областей магии, интересный опыт...

Я слушала Кристофера и не верила своим ушам. Меня не покидало ощущение, что ему что-то надо от меня.

– Я также видел, как горели ваши глаза, когда вы пытались сопоставить обрывки информации и понять, кто главный преступник, – продолжил мужчина. – Что вы получите от прозябания день за днём в реставрационной лавке? Скучные пыльные артефакты, никому не нужные, но памятные сердцу безделушки, восстановление магического контура некогда ценных вещей, однообразная рутинная работа. А если вы станете менталистом, то обещаю, что будете расследовать самые интересные дела, всегда быть в гуще событий. К тому же вы женщина, и это делает вас практически бесценной. Среди вашей сестрии так мало менталистов... Поверьте, если вы согласитесь, то ваша жизнь будет кипеть яркими эмоциями!

Я покусала щёку изнутри. Всё-таки Кристофер знал, чем меня зацепить. Вот только слишком уж высока была плата за насыщенную и яркую жизнь, о которой он так распинался. Даже представить себе не могу, как буду возвращаться с работы и смотреть в глаза супругу, читая его как открытую книгу. Неважно, будет это Оберан или кто-то другой. Как буду знать, что он мне врёт, чтобы утешить меня, что я ничуть не располнела от беременности, или что он будет уплетать блины за обе щеки, чтобы не обидеть меня, а на деле думать, что в этот раз они у меня всё-таки пригорели... Да и вообще, есть вещи, которые супругам лучше не знать друг о друге. Именно такие мелочи и раскалывают даже самые крепкие браки. Я нутром понимала, что если сделаю выбор в пользу того, чтобы развить свой ментальный дар, то уже никогда не буду счастливой в браке. Менталисты по сути своей одиночки. Слишком опасные, слишком проницательные, слишком сильные. Слишком велико искушение надавить на близких людей, чтобы получить то, что тебе надо. Всё слишком.

– Я связана некоторыми обязательствами, – я решила зайти с другой стороны. В конце концов, я теперь супруга Оберана Ашенхая и могу попробовать прикрыться тем, что мой любимый против того, чтобы жена работала.

Кристофер не то фыркнул, не то издал короткий смешок.

– Если вы согласитесь на моё предложение, то обещаю, что оформлю ваш развод так, что ни единая душа не узнает, что Габриэлла Трейтс была замужем. А те, кто видел вас, отплясывающую на сцене кабаре «Райского острова», забудут вашу внешность и вообще то, что там были в ту ночь. Ну, и золотую татуировку я, естественно, помогу свести и вам, и господину Ашенхаю.

Я стояла и немо хватала ртом воздух. Что он только что сказал?! «Те, кто видел вас на сцене кабаре»?

– А-а-а-а... – Мне стало тяжело дышать, и я села на кровать позади себя, забыв, что покрывало необходимо придерживать руками. – А с чего вы взяли, что я хочу развод с Обераном? – выговорила я, как только смогла взять себя в руки.

– Габриэлла, это даже несерьёзно. – Кристофер подошёл ко мне вплотную. Ещё каких-то несколько сантиметров, и он вклинится между моих бёдер, и это будет более чем неприлично. От понимания этого мне стало жарко. Я поймала себя на том, что даже не понимаю, хочу этого или нет. С одной стороны, конечно же, я хотела, а с другой... Ненормально, когда вот так сносит голову от малознакомого мужчины. Я уже не говорю о том, что мне казалось, будто Кристофер специально меня дразнит, прекрасно понимая, что он мне нравится. Быть не может, чтобы такого мужчину, как он, могла заинтересовать такая невзрачная серая мышка, как я. Да он всё что угодно сейчас сделает и пообещает, лишь бы я согласилась перейти под «его крылышко». Оказывается, у меня мощный ментальный дар, а ещё я девушка, и всё вместе – большая редкость, так как менталистами чаще всего рождаются именно мужчины... Редкость, но не уникальность. Я точно помню, что в аудитории Магической Академии Ментальной Магии кроме меня были и другие студентки. Интересно, как много строптивых девушек за свою жизнь пришлось уговаривать Кристоферу? Неприятное чувство царапнуло что-то внутри. Я задрала голову вверх, чтобы посмотреть в лицо Кристофера. Он был одновременно и близко, и далеко. Я почувствовала его аромат, но не могла разобрать, что это.

– Вы заключили брак в.... – он усмехнулся одной половиной рта, но всё же не стал говорить слово «бордель»... – не в том заведении, где принято искать спутницу жизни. Ваш супруг пришёл в «Райский остров» с целью снять себе даму на ночь и насолить невесте. Неужели, Габриэлла, вы настолько наивны, что думаете, будто он испытывает к вам хоть какие-либо чувства? Насколько я могу судить о вас, на меркантильную особу вы тоже не похожи. А значит, зачем весь этот фарс? Признайтесь, вам нужен развод. В конце концов, ничего не мешает вам развестись с супругом, а если он к вам всё-таки испытывает чувства, то пригласит вас на свидание. Вы уникальная женщина, Габриэлла, и заслуживаете хорошего отношения и красивых ухаживаний, а не поспешного

обручения на одурманенную наргиле голову в доме для утех.

Признаюсь, я сама думала о том, что необходимо развестись как можно быстрее, пока правда не выплыла наружу. Но... Когда мне об этом сказал кто-то другой, защемило сердце. «Неужели вы настолько наивны, что думаете, будто он испытывает к вам хоть какие-либо чувства?» Прозвучало до боли обидно. Да, Кристофер прав. Развод необходим. Тем более у Оберана есть Ванесса... Конечно, она не самый невинный агнец в этой мутной истории с наследством Роллана, но далеко и не главная злодейка. Так, глупая пешка, которой легко управлять. Но если Оберану она нравится, то кто я такая... Я просто не имею права лезть в их отношения.

Я тонула в зелени глаз Кристофера, а его голос действовал на меня как магнит. Вкусный мужской аромат действовал похлеще, чем любой запрещённый наркотик.

– Габ, ты мне нужна, – не то проговорил, не то прошептал Дарси, и я сейчас уже не совсем понимала, о чём он говорит. Похоже, моя фантазия сегодня действительно расшалилась, если я думаю, что могу быть нужна Кристоферу Дарси как-то по-иному, нежели чем маг-менталист. – Я даю тебе время до следующего вечера на принятие решения.

– Три дня! – запротестовала я автоматически.

И дело было даже не в том, что я действительно планировала согласиться на предложение Кристофера. Дело было в том, что мне отчаянно нужно было время. Я запуталась. Понятно, что Оберану в качестве жены я вряд ли нужна. Но и быть послушной марионеткой в руках Кристофера мне тоже не хочется. Я слышала, что те, кто закончил академию, боготворят Кристофера Дарси. По сути, он обучает сильнейших магов страны, которые впоследствии занимают высокопоставленные положения при дворе, а также формируют основной костяк армии. Кем я буду, если соглашусь на предложение Кристофера? Очередной единицей армии?

Послышалось хмыканье.

– Если тебе нужно три дня... – в воздухе так и повисло окончание фразы «чтобы смириться с тем, что отныне ты станешь менталистом, то я дам тебе их», – приходи через три дня в мой замок на приём в честь дня рождения бургомистра Штолле.

Я прикрыла глаза и сглотнула слюну. Этот густой тягучий аромат я уже где-то чувствовала... Мне надо было сосредоточиться, чтобы понять, что пытается сообщить мне мой нос. Я столько лет занималась закупкой пряностей и специй, что мой нос был способен запомнить и разобрать на составляющие массу оттенков аромата, я помнила сотни различных запахов. Вот и сейчас, когда Кристофер подошёл так близко, я вдруг поняла, что уже слышала этот дразнящий мужской запах кедра с нотками мускуса и сандалового дерева. «Да это же Феликс Туроски!» – осенило меня, и я резко распахнула ресницы. Но передо мной уже никого не было. Дверь в спальню оставалась закрытой на щеколду изнутри. Я подбежала и перегнулась за подоконник, но и там никого не увидела. Никаких канатов или лестниц, ничего. Кристофер просто взял и бесшумно испарился из моей комнаты, расположенной на третьем этаже особняка Ашенхай.

– Что за...? – я проговорила, потирая лоб. Куда он мог пропасть?

Я кинула взгляд в напольное зеркало, увидела, что одеяло уже давно на кровати, а бретелька сорочки неприлично сползла вниз по плечу. М-да... с учётом полупрозрачных кружев вид у меня был вызывающий... если не сказать возбуждающий. А Кристофер специально подошёл и насмотрел на меня сверху. О-о-о-о... Представляю, какая прелестная картина ему открылась! Конечно, я сильно комплексовала по поводу лишнего веса, но грудь явно относилась к достоинствам моей невыразительной фигуры. Я разозлилась на саму себя. Какого чёрта я не выгнала его взащей из своей спальни? Почему позволила проторчать в ней полночи?!

Я шумно выдохнула, прогоняя эмоции, и решила осмыслить всё услышанное. Кристофер дал мне понять, что знает обо мне всё. И при каких обстоятельствах я вышла замуж, и чем я занималась все эти годы, и даже о махинациях моего отчима он тоже знает. Пожалуй, единственное, что он не знает, так это то, как так вышло, что я училась в высшем магическом заведении, не проходя общего экзамена на предрасположенность дара. Я фыркнула. Ну, хотя бы что-то в моём прошлом смогло удивить вездесущего Кристофера Дарси. Арон Вольстманг, бургомистр Штолле, был долгое время должником моего отчима. Леон Трейтс закупал и тайно поставлял Арону небольшие дозы запрещённых к ввозу дурманящих трав из соседней Цариссии, где гораздо проще относятся к наркотическим средствам. Я помню, что много лет назад супруга Арона подхватила неизлечимую и плохо изученную болезнь – аурелию, которую называли в честь особо прекрасной, но смертельно ядовитой медузы. Дело в том, что человек, заболевший аурелией, умирает крайне медленно и мучительно, все его кости и органы день за днём размягчаются и оплавляются, становясь похожими на желе или медузу. Нетронутым остаётся лишь мозг умирающего, и он до последнего вдоха ощущает адскую боль, которая пронизывает всё его тело. Ни один целитель Штолле не мог помочь умирающей супруге Арона и снять болевые симптомы, только особые травы, привезённые моим

отчимом, помогли ей. Вольстманг был благодарен Леону за то, что тот фактически подарил ещё несколько месяцев их семье, не омрачённых ночными криками и лихорадкой. Он считал себя обязанным Леону, а потому с радостью помог ему, когда тот заикнулся о том, что хочет, чтобы я поступила в Штолльский Магический Университет без экзаменов.

Я снова вернулась мыслями к Кристоферу Дарси. Он сказал, что якобы его позвал Феликс... Но мой нос меня никогда не обманывает, значит, он и был рядовым магвмешем вчера днём. Воспользовался иллюзорными чарами, вот и всё! А я ещё думала, почему Кора так долго бежала за жандармом. По всей видимости, Кристофер заранее поджидал Кору где-то в соседнем квартале, а потом старательно стёр из её памяти, где они встретились, и убедил в том, будто бы он и есть самый настоящий жандарм! Ну, а мундир рядового магвмеша Кристофер легко мог взять у кого-нибудь из своих подопечных. Как-никак все менталисты занимают государственные должности, и наверняка кто-то из них пожелал выбрать стезю следователя.

Я села и начала усердно думать, что в этом случае может значить вся история. К чему такой сложный маскарад? Сразу вспомнились целых два удара атакующими чарами вчера днём. Первый раз Феликс ударил меня якобы от неожиданности, потому что завопила Кора. Второй раз – боялся, что я сверну шею этой Ванессе. Но... Это было бы вполне простительно рядовому магвмешу и совершенно непростительно ректору Магической Академии Ментальной Магии! В жизни не поверю, что эти атакующие чары сорвались с пальцев Кристофера случайно! Но зачем ему было меня бить? Тут два варианта: либо потому, что он хотел проверить, как быстро я регенерирую и восстанавливаюсь после воздействия чужой боевой магии... либо потому, что хотел ослабить ментальный щит и пробраться в мою голову. И собственная печёнка мне подсказывает, что дело как в первом, так и во втором. Более того, я даже догадываюсь, почему он хотел залезть в мои мозги! Я же ушла с его лекций и не возвращалась на практические занятия. Это наверняка сильно ранило его самолюбие. Ну, и, конечно, то, что он хотел получить ответ на свой вопрос: с чего это я имела право посещать лекции, но не сдавать экзамены, как так вышло, что я не проходила общего отбора на наличие дара. Вот ведь хитрый лис! Если бы не мой стеклянный купол, который я использовала в качестве ментального щита, то быть бы мне уже на государственной службе под началом этого невыносимо интригана. Похоже, у Кристофера ничего не получилось с первого удара атакующими чарами, и он решил во второй раз ударить меня посильнее. Но даже в бессознательном состоянии я каким-то образом смогла не пустить его в голову.

Что касается Ортего Орелло, то я не сомневаюсь, что это не Лолита его вызвала, а он приехал по просьбе Кристофера. Целитель королевы, однако, просто так на дом не приходит. Неужели Дарси настолько сильно меня приложил чарами, что забеспокоился о моём здоровье? Вот ведь скотина! На войне, как говорится, все методы хороши, да? Попутно с проверкой моих магических способностей заодно решил проверить и логические, обвинив меня в незаконном навешивании на супруга артефакта с чарами внушения. У-у-у-ух, гнусные у вас методы, господин Дарси! А самое главное, когда я, по всей видимости, прошла все проверки, заявился ко мне ночью в спальню, объявив, что я ему, видите ли, нужна. Не погнушался и даже проявил всё своё мужское очарование. Да чёрта с два он меня получит!

Затем мне вспомнилось это чуть хриплое «Габи, ты мне нужна!» и почувствовала, как подкашиваются колени. Всё-таки, когда такой мужчина, как Кристофер, говорит тебе такие слова, это... ух! Сладкие мурашки вновь пробежались по моему телу. С другой стороны, зачем я обманываюсь? Он встретил неучтённого мага с сильным ментальным даром в лице меня, да ещё и девушку, и очевидно решил использовать в своих целях, а тут ещё я и специалист по артефактам весьма неплохой. Я почти уверена, что Дарси прекрасно понимает, как магнетически действует на весь женский пол, в том числе и на меня, и его поведение с тонкими намёками – хитроумная игра, имеющая цель получить моё согласие на его предложение. Я потрясла головой, стараясь привести мысли в порядок. Неважно, какие причины побудили Дарси так себя вести, основное – это понять, как теперь ему противодействовать.

В этот момент в дверь постучали. Я встала, переступила через обездвиженного Апполонио, про которого уже успела забыть к этому моменту, и открыла дверь, впуская растрёпанного и слегка потерянного Оберана.

– Мне нужна твоя помощь! – сказали мы друг другу хором.

– То есть ты признался Ванессе, что мы познакомились и поженились в борделе, а она тебя теперь шантажирует этой информацией? – переспросила я, всё ещё не веря в то, какую глупость допустил мой супруг, и потёрла местечко на лбу между бровями. – Оберан, зачем ты вообще это ей рассказал?

Супруг покраснел и отвёл взгляд, уставившись на длинный ворсистый ковёр под ногами.

– Я это рассказал ей после того, как услышал от твоего отчима, что у тебя, оказывается, есть жених, которого ты очень любишь, – я хмыкнула, действительно вспомнив, что Леон несколько раз говорил про нашу любовь с Эдиком. Вот уж не думала, что Оберана эта информация хоть как-то

заинтересует. Какая ему разница? – Я встретился с Ванессой в коридоре, она очень ревновала тебя ко мне и спрашивала, как так вышло, что мы поженились. А с учетом того, что на тот момент стало известно, что она долгое время находилась под действием ментальных чар... Она спрашивала, есть ли у неё шансы, клялась, что влюбилась в меня с первого взгляда, без всякой магии. Она так плакала... Ну, вот... слово за слово я всю правду о нашем браке ей и рассказал.

«Женские слёзы – великое оружие» – подумала я, с сочувствием глядя на Оберана. Всё-таки он не привык, что женщины могут притворяться, а мерзкий шантаж Ванессы стал для Оберана настоящим потрясением. Супруг выглядел потерянно не столько от того, что, возможно, от его репутации ничего не останется, и над ним будет смеяться весь Штолле, сколько от того, что понял, наконец, истинный характер своей бывшей невесты.

– А потом Ванесса подумала какое-то время над всей этой историей и решила получить выгоду, – мрачно подвела я итог.

– Да, – горестно вздохнул Оберан. – Теперь она угрожает, что растрезвонит об этой истории всему Таршеру, и моя, и твоя репутация упадут в бездну к Дзуликим Бесам. Она требует, чтобы я развёлся с тобой и женился на ней. Ванесса хочет стать госпожой Ашенхай со всеми отсюда вытекающими преимуществами богатой знатной дамы. – Супруг смотрел на меня с какой-то неясной надеждой в глазах, я вздохнула.

Ругаться с ним у меня не было никакого желания. На кой дьявол он ей всё рассказал? Неужели так сильно на меня обиделся вчера вечером?

– Гм-м-м... ну, допустим, с Ванессой я разберусь, – произнесла я задумчиво, потирая виски. – Но вот что делать с Дарси?

Оберан задумчиво пожевал губу. Мы сидели в моей спальне, а я уже успела переодеться и обновить связывающие чары на Апполонио.

– Я могу уничтожить улики, указывающие на твоего отца, – медленно произнёс Оберан, – но всё равно остаётся Гордан ан Бакшах, который понял, что твой отчим вёл дела не самым честным образом. Его показания в суде будут решающими в этом деле, несмотря на то, что за все его преступления ему полагается пожизненное заключение в Таршере или смертная казнь на территории Мустафании.

Удивительное дело, к утру Оберан успел остыть и примириться с моими словами в адрес его дяди. То ли предательство Ванессы на него так повлияло, то ли что-то изменилось в наших отношениях, когда я честно призналась, что не беременна и не буду просить оставить его фамилию для ребёнка, то ли ещё что-то. А когда он увидел связанного заклинанием Апполонио и смог его допросить лично, то полностью убедился в моих словах.

В голове стал вырисовываться смутный план.

– Слушай, – я встрепелась, – а если твой дядя не является магом, то кто им является? Кто зачаровал ваши с Ванессой парные кольца и золотой браслет, что пытался на меня надеть этот мутный тип? – кивок в сторону вновь обездвиженного Апполонио.

– Ну... В Мустафании редко рождаются маги, но они рождаются, – ответил Оберан, слегка пожав плечами. – У нас нет высших учебных заведений, а потому маги умеют очень мало. В том числе и менталисты. Как правило, вот такой вот артефакт подчинения – максимум их способностей.

– Однако это очень и даже очень много... – пробормотала я. – Итак, у меня есть план. Но он имеет некоторые нюансы. Ты, кажется, говорил, что не претендуешь на шахты самоцветов в Мустафании?

По мере изложения моих мыслей брови супруга поднимались всё выше и выше, а его серо-голубые глаза существенно округлялись. К концу рассказа мне показалось, что супруг даже перестал дышать, так внимательно он меня слушал.

– И ты это придумала за утро? – выдохнул он, восхищённо качая головой, когда я закончила.

– Это всё, что тебя волнует? – не удержалась я от короткого смешка.

– Ну... не всё, конечно. Но ты уверена? Ты не пожалеешь? – Оберан внимательно всматривался в моё лицо, точно ожидая, что я сейчас рассмеюсь и скажу, что всё мною сказанное – шутка.

– Я – нет. В конце концов, я ничего не теряю. – Я пожала плечами, так как терять мне было действительно нечего. Кристофер загнал меня в угол: или я иду работать под его начало магом-менталистом до конца своей жизни, или же мой отчим пожизненно садится в тюрьму как политический преступник. – С Леоном я поговорю и объясню ему всю ситуацию. Думаю, он поймёт, что это действительно единственный вариант. Вопрос остаётся лишь в тебе. – Вымученно

улыбнулась, потому что бессонная ночь сказывалась. – Я могу тебя убить?

– Да, конечно, – прозвучало это так, будто бы Оберан разрешил ему налить чашку кофе.

Я посмотрела на своего супруга не без толики благодарности и внутреннего восхищения. Он полностью мне доверял, не говоря уже о том, что мог бы просто заплатить Ванессе денег побольше, развестись со мной и сказать, что все проблемы, касаемые Кристофера Дарси, – моя личная головная боль. Но Оберан не только так не поступил, но ещё и предложил свою помощь, понимая, что я связалась со слишком сильным противником.

– Тогда остаётся достать браслет, идентичный тому, что Апполонио надел на меня этой ночью. Вытряси из своего дворецкого информацию о маге и заказывай браслет с птицей через море, так будет быстрее. Сообщник пока не в курсе, что и Гордана, и его подельника повязали, так что можете сослаться в письме ну... скажем, на то, что браслет был испорчен, – пробормотала я, ещё раз проворачивая безумный план в голове. – И надо это сделать как можно быстрее, пока жандармы не явились за Апполонио.

Я всё еще не могла поверить, что решилась на это. Обмануть самого Кристофера Дарси! С другой стороны, он сам пошёл на грязный шантаж и вынудил меня встать на тропу войны.

Дни, отпущенные Кристофером Дарси, летели стремительно. Я дёргалась, что мы не успеем подготовиться ко всему, боялась, что не получится убедить Ванессу... Но, кажется, впервые за долгое время Небесная Дева мне благоволила.

Первым делом я направилась в дом Леона Трейтса и объяснила ему, что Дарси, ректор академии менталистов, уже в курсе его махинаций с картами. Леон вначале и слышать ничего не хотел о моём плане, упорствовал, что за свои ошибки надо отвечать. Он был морально готов на заключение в тюрьме до конца своих дней и даже порывался пойти и признаться во всём чистосердечно.

Я грубо его перебила, попросив посидеть и помолчать. Что-то не давало мне покоя. Поведение моего отчима в торговле пряностями слишком не вязалось с портретом того человека, которого я знала всю свою жизнь. К тому же после того, как я поняла, что Феликс Туросски и Кристофер Дарси – одно и то же лицо, ко мне в голову закрались настоящие сомнения. Из слов Дарси выходило, что он долго искал рычаги влияния на меня и не мог их найти. Как-то сама собой меня посетила мысль, что мой отчим мог также находиться под ментальными чарами. Я обыскала весь дом, но, к сожалению, не нашла никаких артефактов. Когда я уже была готова смириться с мыслью, что всё-таки Леон по своей инициативе стал политическим преступником, чуть не утопившим несколько кораблей с ценным грузом, я неожиданно вспомнила слова своего супруга. Оберан сказал, что в Мустафании неважные менталисты, которые только и умеют, что создавать артефакты... но Кристофер-то не такой. Он один из сильнейших магов и точно не стал бы за собой оставлять столь вещественных улики! Точно, как же я сразу не догадалась?!

Я села на стул напротив своего отчима и стала всматриваться в его уставшие и полные тревоги глаза. Пришлось попотеть, прежде чем понять, что и как искать. С тех пор как я бросила посещать лекции Дарси, я не практиковалась в ментальной магии. Да что там! Я вообще считала, что это не моё. Но сегодня желание справиться с задачей было зашкаливающим. И я нашла! Следы вмешательства в ауру Леона Трейтса действительно были. Едва заметные, несколько полупрозрачных отпечатков с едва уловимым ароматом лесного кедра... Их ни за что не нашёл бы ни один опытный менталист, если бы не знал, что искать. Но я-то знала!

Конечно же, мне никто не поверит, если я обвиню уважаемого ректора престижнейшей академии ментальной магии в том, что он принудил моего отчима к преступлению закона. Все лишь посмеются над моим обвинением. Похоже, Кристофер Дарси тщательно готовился к тому, чтобы прижать меня к стенке. Именно он вложил в голову отчима мысль о том, что можно чуточку смухлевать и получить монополию над рынком специй и пряностей в Штолле, а затем пойти на шантаж меня. «Что ж, я удивлю его не менее интересной многоходовой игрой. Раз он готовился к тому, чтобы прижать меня, я подготовлюсь к тому, чтобы прижать его», – проговорила я, хотя внутренне совершенно не чувствовала уверенности в успехе предприятия. Слишком много было тонких мест в моём плане и упования на удачу, но делать было нечего.

Леон внимательно выслушал меня, но всё равно настаивал на том, чтобы пойти с повинной головой в королевский дворец. «Извини меня, Леон», – сказала я и посмотрела в глаза своего отчима, явственно представляя, как он делает всё то, что я задумала. «Что ж, отчего-то так будет даже проще. Если вдруг что-то пойдёт не так, я всегда смогу взять вину на себя и сказать, что я околдовала отчима». Глаза Леона на миг заволокло дымкой, руки и ноги расслабились, тело грузно осело на стул. Прошла минута или даже две, я даже успела заволноваться, но отчим моргнул и пришёл в себя.

– Кажется, я задремал... Габи, у тебя всё в порядке?

– Да, – напряжённо ответила я, пытаюсь понять, получилось ли у меня внушение или нет. Всё-таки впервые в жизни опробовала запрещённую магию и сразу на родном человеке. Как бы плохо не стало Леону. – Ты же уплывёшь в Мустафанию, ведь так?

– Да-да, конечно, – не моргнув и глазом, подтвердил отчим, а потом вдруг добавил: – Ты так похожа на свою мать. У тебя такой же взгляд, ты тоже меня покидаешь, и тоже с пиратом.

– Что? – растерялась я, впервые услышав о своей матери что-то новое. Я уже готова была уйти из отчего дома, когда Леон произнёс эти слова. – Я не понимаю... Я думала, моя мать умерла от лихорадки.

– Понимаешь, Габи, я не хотел тебе говорить... – он тяжело вздохнул. По всей видимости, моё небольшое вмешательство в его голову всколыхнуло давние воспоминания. Наверно, я всё-таки что-то сделала не так. – Ты была ещё такой крошкой, когда она сбежала с тем пиратом. Как сказать маленькой девочке, что её собственная мать бросила ребёнка на произвол судьбы и уплыла с пиратом, в которого по уши влюбилась? Вот и я не знал, а потому выдумал историю про её смерть от лихорадки. Мне казалось, что так ты сможешь сохранить светлую память о Калисте.

Я растерянно смотрела на своего отчима, заменившего мне отца, и не знала, как реагировать. Вот, выходит, откуда у него такая ненависть к пиратам. Ещё бы! Любимая женщина, которую он взял в жёны, да и к тому же беременную от конюха, и которой дал титул аристократки, бросила его ради какого-то смазливового разбойника. Да уж... Мне стала понятна причина его резкой неприязни к моему супругу, Оберану Ашенхаю, фактически выросшему на пиратском корабле.

О-о-о-о...

– Это от неё у меня ментальный дар? – вдруг меня осенило.

– Да, от неё, – вздохнул Леон. – Калиста была удивительной женщиной и могла заморозить лишь одним взглядом. Иногда я смотрел в голубые глаза твоей матери и понимал, что ради неё готов пойти на всё что угодно, даже на убийство. Первые годы мы с ней жили душа в душу, а потом перед тем как бросить меня и тебя, буквально за месяц, она стала какой-то непривычно тихой, постоянно вздрагивала при моём приближении, оборачивалась на улице... Один раз даже ушла ночью из дома подышать свежим воздухом, сославшись на бессонницу. Потом-то я понял, что это она готовилась к побегу с пиратами и, видимо, боялась, что я её застукаю за приготовлениями, но на тот момент в упор не замечал её измен, – грустно признался мой отчим.

Я погрузилась тоже, но совершенно по другой причине. Леон, по всей видимости, сам не понимал, что на него воздействовали ментально. Вот они, последствия дара внушения. Очевидно, что на момент побега Калиста понимала, каким даром обладает, и боялась маготомии. Хотя об этом не принято говорить вслух, но запечатывание магии не всегда проходит успешно. Случается, что дар настолько силен, что выжигает мага изнутри, не имея возможности выплеснуться наружу.

Когда Калиста поняла, что беременна от конюха, она стала спешно искать достойного отца для своей дочери и нашла Леона Трейтса, потомственного аристократа и успешного торговца пряностями. Возможно, даже подогрела его чувства к себе с помощью дара, после чего счастливо вышла замуж и прожила несколько беззаботных лет в браке. В какой-то день ей не повезло, и она наткнулась на вот такого вот Кристофера Дарси, который стал угрожать ей маготомией. Насколько я помню, на тот момент ещё действовал закон о том, что если маг скрывал от государства наличие ментального дара, то его насильно запечатывали. Калиста, очевидно, испугалась и бросилась в бега с ближайшим же кораблём пиратов, а мужу внушила то, что ушла от него к другому, чтобы он её не искал.

– Почему так вышло, что я не проходила общий экзамен в Штольский Магический Университет на предрасположенность дара? – встрепенулась я.

Ввиду открывшейся информации о матери, интуиция подсказывала, что не всё так просто с этой историей. Именно этот вопрос крайне сильно интересовал Кристофера Дарси. Сейчас мне стало очевидным, что объяснение «чтобы не тратить время на ненужную корочку» являлось блефом чистой воды.

– Ну, понима-а-а-аешь, – Леон как-то покраснел, заёрзал на стуле и стал старательно отводить от меня взгляд. – Я не сомневался, что ты сдашь вступительные экзамены в университет, но попросил Арона разрешить тебе учиться без официальной подачи документов. Он был моим должником, а потому пошёл на небольшой обход закона. Дело в том, что мне пришлось подделать твои документы о рождении, и подайся ты в университет официально, многое из прошлого твоей матери вскрылось бы.

– Что-о-о? – я несколько удивилась. Вот так новость. Неужели сейчас окажется, что мой отец и не конюх вовсе?

– Калиста призналась, что понятия не имеет, кто твой отец... А чтобы оформить опеку над тобой и дать тебе мою фамилию, нужно было письменное разрешение отца. Я подпоил нашего конюха, а тот поставил свою подпись на документе. Якобы он твой родной отец и отказывается от тебя в пользу Калисты, а она уже заключила брак со мной.

Леон чувствовал себя донельзя смущённым, на лбу выступила испарина. Я видела, с каким трудом ему далось это признание. Кажется, я всё же перестаралась с внушением. Видимо, Леон и в страшном сне себе не представлял, что придётся рассказывать мне такие подробности о моей матери. А я посмотрю, горячая она была штучка, раз столько мужиков на неё западало. Да почему, собственно, была? Наверняка и сейчас где-то есть. М-да... Час от часу не легче.

– И ты попросил своего приятеля Арона Вольтсманга, ректора университета, чтобы он в уплату своего долга разрешил мне посетить парочку лекций? – уточнила я, чтобы окончательно удовлетворить своё любопытство. То, что долг касался ввоза запретных трав для его умирающей жены, я знала и так, а потому переспрашивать не стала.

– Да, – отчим кивнул. – Мы тогда пили с ним и обсуждали жизнь. Он жаловался, как сильно ему не хватает его жены и говорил, что я везунчик, раз у меня есть хотя бы дочь. А я пожаловался, что ты не хочешь идти в семейное дело и заниматься торговлей пряностями и специями. Арон предложил тебе сходить на несколько лекций в университет, чтобы отбить желание, так сказать, учиться. Сказал, что там скучно для девушки из высшего общества. Наверняка ты походишь несколько раз и успокоишься на этом, после чего по-новому взглянешь на семейное дело, да и замуж выйти захочешь. Не знаю, сколько мы выпили в тот вечер, но мне тогда это показалось разумной идеей.

Я хмыкнула. Представляю, какого было изумление старика Арона, когда я не только не бросила посещение лекций за отсутствием строгого контроля в виде экзаменов и практических занятий, но и воспользовалась его щедрым предложением, чтобы посещать одновременно занятия с разных факультетов!

Мне стало смешно. Леон поймал мою улыбку и улыбнулся в ответ:

– Да, ты всегда меня удивляла. В общем-то, как и Калиста. Вы очень похожи не только внешне, но и характерами.

Я кинула взгляд на настенные часы и поняла, что время поджигает. Ещё нужно успеть подготовиться к встрече с бывшим женихом и сделать артефакт для Оберана...

– Леон, боюсь, мне пора уже.

Отчим не выдержал и расплакался, обнимая меня на прощание.

– Береги себя, Габи. Не знаю, увидимся мы теперь или нет...

Я почувствовала его слёзы на щеке и тоже шмыгнула носом. Но какие у меня были альтернативы? В противном случае его посадят в тюрьму как политического преступника до конца жизни. Уверена, что, если уж Кристофер не погнушался тем, чтобы воздействовать на отчима ментально, то и в назидание мне он реализует свою угрозу касательно заключения.

– Леон, – я достала из-за пазухи бумаги. – Вот, держи, это оригиналы, здесь всё подписано Обераном. Учти, что в порту Штолле тебе надо будет появиться именно тогда, когда меня объявят безумной. Не до и не после, а в это время. И называться не Леоном Трейтсом, а Леоном Ашенхаем. Я более чем уверена, что на Леона Трейтса выписан ордер на задержание, если такой объявится. А эти бумаги, – я вложила их в руки отчима, – фактически сделают тебя наследником Оберана. Я как его вдова наследую шахты самоцветов, но ввиду того, что меня признают недееспособной, ты, как мой опекун, получишь доступ к наследству Оберана. Причём здесь, в Таршере, называйся Леоном Ашенхаем, а как доберёшься до Мустафании – Леоном ан Бакшахом. А вот карта, составленная Обераном, чтобы ты добрался до Мустафании в кратчайшие сроки и без приключений. Всё понятно?

Мой отчим кивнул, ещё раз посмотрел на меня, улыбаясь сквозь слёзы:

– Габи, как же быстро ты выросла! Передай, пожалуйста, мою благодарность Оберану. Вот уж не думал, что на старости лет поменяю семейное дело по торговле пряностями на добычу самоцветов. Как и не верил в то, что пираты могут быть благородны, но твой супруг особенный. Тебе с ним очень повезло, – произнёс Леон Трейтс.

– Я знаю, – постаралась я улыбнуться в ответ как можно более искренне.

Беда была в том, что мы с Обераном обсудили лишь план избавления от шантажа Ванессы и Кристофера, но я понятия не имела, захочет ли он после всего, что мы с ним провернём, остаться моим супругом.

На встречу с Эдвадром Троншипом я одевалась с особой тщательностью. Всё-таки в особняке Ашенхая он умудрился подслушать то, что я замужем за Обераном. А ещё он думает, что я беременна. Впрочем, это весьма мне на руку.

Внезапно мне пришла в голову идея: прийти на встречу с бывшим заплаканной и слегка покалеченной, для натуральности, так сказать, своего рассказа. Я достала из закров мешочек с особо жгучим перцем, благо по привычке дочери торговца пряностями я всегда носила с собой образцы, взяла щепотку и бросила в глаза:

– А-а-а-а.... – непроизвольно вылетело у меня из уст, а из глаз градом покатались слёзы. Ух, ядерная всё-таки вещь! Понятно, почему Леон отказался поставлять это в королевский дворец. За такую приправу и на эшафот отправить могут. Ещё несколько секунд – и я начала оглушительно чихать.

«Употреблять в пищу эту приправу точно нельзя», – решила я, когда, наконец, отчихалась. Из зеркала на меня смотрело донельзя заплаканное лицо с бледно-голубыми глазами и припухшим красным носом. «Отлично, теперь ещё подкрасить скулу тёмно-фиолетовым цветом, сделав вид, что это свежий синяк, и всё будет идеально!» – думала я, красясь перед зеркалом. Как-то так вышло, что я осталась жить у своего супруга. К тому же согласно плану, чем больше людей будут знать о нашей свадьбе, тем лучше. А проживание благородной девушки в одном доме с мужчиной – весьма красноречивое заявление для высшего света. Нам будет лишь только на руку. Ну, а то, что мы с Обераном спим в разных постелях, знает только прислуга.

Ну, вот и всё. Я довольно оглядела себя в зеркало. На скуле теперь наливался красивый фиолетовый синяк, я аж загордилась проделанной работой, довольно прищипнула языком и вышла из комнаты на лестницу. Все мысли были о том, как надо вести себя с Эдиком, чтобы он поверил в мою слезливую историю, будто денег у меня нет.

В какой-то момент я задела носком туфли ступеньку и полетела вниз. На мою удачу, Оберан, бегавший по делам всю ночь и большую часть дня, только-только вернулся и как раз поднимался в свою комнату. Падая с громкими чертыханиями, от которых покраснел бы и возникший из портового квартала, застала Оберана врасплох, но он молниеносно среагировал и умудрился поймать меня. Всей своей тяжестью я повисла на его шее, преобольно впечатавшись своим лбом в его живот, и удивилась тому, что не снесла мужа с ног. Оберан покачнулся, но остался стоять на ступени.

Я искренне обрадовалась Оберану и тому, что он так вовремя оказался здесь, и не дал мне свернуть шею на этой треклятой лестнице, а также тому, что он вернулся в особняк. Надеюсь, у него всё получилось. Все дни напролёт супруг занимался тщательной подготовкой моего плана, и мы друг друга практически не видели, а тут взяли и столкнулись лбами.

– А-а-а, – протянула я, потирая лоб. Вот это твёрдый у него живот! Он что, камни на завтрак ел или у него броненосцы в предках затесались? Нет, вот теперь даже настоящая шишка будет!

Я подняла лицо и встретила глазами с Обераном. Радость от встречи со мной сменилась испугом, а затем и вовсе гневом. На лице заиграли желваки. Ой-ой, что это с ним? Неужели я попала в какой-то его жизненно важный орган?

– Я убью его! – услышала я рычание своего супруга.

– Что? – не поняла. От удара головой о живот Оберана мысли смешались в кашу. – Кого?

Я даже оглянулась посмотреть, а не стоит ли кто-то за мной. Может, я не заметила злоумышленника, и меня столкнули нарочно? Да нет, вроде никого. Это я сама такая неуклюжая, не более.

– Того, кто осмелился поднять на тебя руку! Это был Троншип, да? Твой бывший жених? Я его вызову на дуэль! – Оберан горячился всё сильнее и сильнее, а у меня неожиданно потеплело на сердце, когда я услышала, как сильно мой супруг хочет навалиться моему бывшему. Видимо, я всё-таки что-то да значу для Оберана. Приятно знать, когда за тебя готовы вызвать на дуэль.

– Нет-нет, я только собираюсь на встречу с ним, – заявила я, тщательно стараясь принять вертикальное положение.

Всё-таки мне было неудобно, что Оберан уже как несколько секунд держит меня на руках. Я – не пушинка Ванесса. Представляю, каких трудов это ему стоит. Оберан почувствовал, что я пытаюсь выкарабкаться из его объятий, и тут же отпустил меня.

– Только собираешься? А что с твоим лицом? – протянул он, в недоумении рассматривая мой синяк.

– А-а-а-а... Я же говорила, что мне надо убедить его в том, будто ты на меня сердишься, что я обманом тебя затащила под венец и ребёнок не твой, – пробормотала я, уже предчувствуя, что мой

гениальный план с синяком на скуле не так уж и гениален.

Выражение лица Оберана изменилось на ещё более растерянное.

– Это что же, ты ему скажешь, что это **я** тебя бил? – вдруг дошло до моего супруга.

– Эм-м-м... ну да, – я нервно теребила свою сумочку. – Мне надо убедить его в том, что ты не питаешь ко мне никаких добрых чувств...

Чем я думала, когда рисовала этот синяк на скуле? Очевидно, Оберану не понравится, что я решила пошатнуть его репутацию благородного аристократа и джентльмена ради того, чтобы решить свои собственные проблемы. Несколько дней назад, озвучивая план, я набросала его лишь в общих чертах, сказав, что смогу убедить Эдварда вместо десяти тысяч золотых принять бизнес моего отчима. Оберан не задавал вопросов, как я это буду делать, а сейчас случайно выяснил, что я собираюсь выставить его далеко не в лучшем свете.

Я уже было приготовилась услышать гневную отповедь, что нельзя вот так вот позорить его честную фамилию, как Оберан чуть насмешливо произнёс:

– Тогда тебе надо перекрасить синяк чуть ниже, чтобы это смотрелось ударом в челюсть.

Я подняла на него удивлённый взгляд:

– И... ты совсем-совсем на меня не сердишься?

Оберан тепло улыбнулся мне в ответ, отчего на его подбородке появилась очаровательная ямочка:

– Габриэлла, ты мне очень сильно помогла с Ванессой, и меньшее, что я могу сделать для тебя, – оказать ответную услугу и помочь с Эдвардом. – Он галантно предложил мне руку, чтобы я спустилась по лестнице.

Если честно, ответ Оберана меня сильно растрогал. Всё-таки в нашем обществе порицается, если мужчина поднимает руку на свою женщину. Нет, за это не сажают в тюрьму и даже не штрафуют. Милые бранятся – только тешатся, как говорится. Но осуждающие сплетни и косые взгляды мужчине, причинившему физический вред женщине, обеспечены.

Что касается Ванессы, то здесь было всё легко. Как я предполагала, она хотела выйти замуж за Оберана Ашенхая исключительно из меркантильных соображений. Её манило богатство бывшего пирата, светские балы и приёмы, воздушные платья и дорогие украшения. Ванесса хоть и обладала поразительной красотой, была из простой крестьянской семьи и не имела даже фамилии. В своих мечтах она покоряла сердца надушенных аристократов и принимала от них дорогие подарки. Собственно, на авантюру Гордана ан Бакшаха она согласилась исключительно потому, что он навешал ей качественную лапшу на уши о том, как она будет блистать при дворе, а также пообещал хорошие деньги. Вот она и согласилась.

Мне не составило труда убедить молодую и недалёкую девушку в том, что, став госпожой Ашенхай, она наоборот навсегда потеряет возможность блистать в высшем свете и принимать подарки от разных мужчин. Кто в своём уме и трезвой памяти станет оказывать ей знаки внимания, когда она будет появляться на приёмах с супругом? А Оберан занимает не последнее место при дворе, его знают и даже побаиваются многие, так что никто не пойдёт на такой риск. Что же касается роскоши, то, конечно, она сможет купить себе гардероб и украшения, достойные супруги Оберана Ашенхая, но обо всех расходах она всегда должна будет докладывать своему мужу. А в какой-то момент он и вовсе может урезать её содержание, посчитав, что она слишком много денег тратит на тряпки. Разве было бы не логичнее иметь свои собственные деньги и ни от кого не зависеть? Я также намекнула на то, что это сейчас Оберану Ашенхаю благоволит Его Величество, но работа у него очень сложная. Стоит Оберану хоть раз ошибиться в картографии, и Его Величество в гневе может сослать чету Ашенхай в холодный Лёдград на северной границе Таршера, где нет балов и дамских клубов, а женщины весь год вынуждены носить толстые бесформенные свитера с высоким горлом. Кажется, последний аргумент привёл Ванессу, любившую сверкать своим глубоким декольте, в настоящий ужас. Она, практически не споря, согласилась взять деньги и исчезнуть из жизни Оберана.

С Эдвардом Троншипом мы встретились в пресловутом борделе «Райский остров». Я решила, что это единственное место в Штолле, где риск встретить знакомых стремится к нулю. К тому же выбором этого заведения, а не элитного мустафанского ресторана, я ещё раз подчеркнула своё бедственное финансовое положение. Эдвард должен думать, что у меня нет денег на приличное место. Мой бывший жених всегда уделял огромное внимание тому, кто в какие заведения ходит и как одевается. Он считал, что, если будет одеваться у лучшего портного столицы и посещать только престижные рестораны, то деньги сами к нему потянутся. Я долгое время пыталась объяснить ему, что я, например, одеваюсь весьма обычно и даже могу позволить себе прийти на работу в платье, купленном в лавке готовой одежды, но неплохо зарабатываю. Деньги не приходят потому, что ты

хорошо выглядишь и ведёшь себя так, будто бы они у тебя есть. Но Эдик в ответ махал на меня рукой так, что я понимала: спорить с ним бессмысленно.

Когда я опустилась на стул напротив Эдварда и сняла капюшон, мой бывший жених не удержался от довольной улыбки.

– Эк, он тебя! – сказал он, а в его голосе я почувствовала нотки радости. – Это потому, что понял, что взял в жёны уже обрюхаченную кем-то?

Я скривила уголки губ. Фу, как некрасиво он выражается. И как я столько времени могла встречаться с этим мерзким типом и не замечать его гнилой натуры? Как можно вообще радоваться тому, что кто-то поколотил беременную женщину?

Эдик принял моё выражение лица как положительный ответ на свой вопрос и довольно потёр руки.

– Ну, так, зачем ты написала, что надо встретиться? Я тебя, как понимаешь, взять в жёны уже не могу, да и не хочу... мало ли, от кого ты там ребёнка нагуляла. Ты должна перевести мне на банковский счёт десять тысяч золотых, чтобы я умолчал об этом факте, а после я готов забыть о твоём существовании.

Десять тысяч золотых? Ох, Эдвард, а у тебя губа не дура... Да на эти деньги можно купить огромное загородное поместье, личную повозку и ещё останется. Я поморщилась, услышав, что после того, как он выклянчивал деньги у моего отчима, я ещё что-то «должна» этому хмырю.

– Вот не надо тут на жалость давить! – Эдвард вновь принял мою гримасу за ответ на свою фразу. – Сама замуж вышла за этого выроodka, сама и расхлёбывай то, что он тебя бьёт. Признаюсь, отчасти понимаю Оберана и даже сочувствую ему. Мало того, что жена уродина не первой свежести, так ещё и брюхатая неизвестно от кого!

Я еле сдерживалась, чтобы не наорать на своего бывшего жениха, но неожиданно мне в голову пришла мысль. Так он решил, что я затеяла эту встречу, чтобы надавить на жалость? Ну, а что, так даже будет правдоподобнее.

– Эдик, послушай, – я упёрлась взглядом на собственные руки, чтобы не выдать себя взглядом. – Мы действительно с Обераном крупно поссорились. А после того, как он узнал обо мне правду... – Я замолчала, сдержав смех и вспомнив, с каким удивлением Оберан услышал моё полное имя. Он-то на утро думал, что женился на девице из борделя... – Он сказал, что не даст мне ни медяка. А у меня самой нет такой суммы денег... Ты же знаешь, что я работаю реставратором артефактов, у меня отродясь таких средств не было...

– Ой, я тебя умоляю! Да ты просто нрав свой показала. – Эдвард развалился на своём стуле, откинувшись на спинку. – Мы оба знаем, что ты можешь прибежать к своему ненаглядному отчиму, поплакаться в жилеточку и попросить у него на загородный домик. Сомневаюсь, что он откажет любимой дочурке.

Я сцепила руки, понимая, что, если так не сделаю, то рискую не сдержаться и вцепиться мёртвой хваткой в воротник этого наглого тунеядца. Остынь, Габриэлла, остынь. Сейчас нужен твой холодный и рассудительный ум, а также небольшая толика актёрских способностей.

– Эдик, я уже обращалась к отчиму и рассказала обо всём, – сказала я, в общем-то, не сильно покривив душой.

Я действительно сегодня ездила к Леону Трейтсу, объяснила, что ему грозит пожизненное заключение в тюрьме как политическому преступнику. Кроме того я также упомянула, что история с моей якобы беременностью – недоразумение. Он просто не так понял действия целителя.

– Ну и? Когда будут деньги? – нетерпеливо перебил меня Эдвард, на его лбу выступили крупные капли пота, а глаза жадно заблестели.

Было видно, что Эдик сильно разволновался, когда дело дошло до обсуждения сроков выплат.

– Эдик, у моего отчима тоже нет такой суммы, – я начала говорить заготовленную речь, но меня вновь перебили.

– Да что за чушь ты мелешь, глупая дурёха?! – Эдвард буквально взорвался на этой фразе, а я почувствовала, как на моё лицо упали капли его слюны. – Да ты в курсе, что твой отчим – главный торговец специями во всём Штолле? Да он является единственным поставщиком пряностей на королевскую кухню! Ты меня что, за идиота держишь?

Я прикрыла глаза, глубоко вдохнула и выдохнула. Ладно, проглочу это оскорбление, в конце концов, у меня есть конкретная цель: всучить Эдику бизнес Леона Трейтса и сделать так, чтобы он думал,

будто заключил выгодную сделку.

– Все деньги, какие имеются, тут же идут в оборот, – терпеливо стала я объяснять этому неучу, как делается торговля. – Леон получил последнюю прибыль от продажи специй в Штолле и тут же вложил их в покупку новой партии в соседних странах. Сейчас всё, что есть, это груз, который плывёт на кораблях. Неизвестно, когда он точно прибудет в порт, а после его прибытия потребуется ещё какое-то время, чтобы распродать товар и выручить деньги. Всё это не быстро, сам понимаешь.

Эдвард зло стукнул кулаком по столу.

– Так не пойдёт, Габриэлла! Мне нужны деньги и как можно быстрее! И мне всё равно, где ты их достанешь. Хочешь – ползай на коленях перед мужем, хочешь – рыдай на руках у отца, но мне нужны наличные. – Лицо мужчины покраснело, он даже расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке.

Так-так-так, выходит, кто-то прижал моего бывшего супруга, раз он так переживает. Похоже, кредиторы уже изрядно измотали его нервы. Если раньше Эдвард Троншип был женихом единственной дочери Леона Трейтса, и ему верили, что он выплатит долги после свадьбы, то теперь он никто, а новость об уже состоявшейся моей свадьбе с Обераном в любой момент может дойти до ушей кредиторов.

– Эдик... – я постаралась изобразить дрожащий от испуга голос.

Это было не так сложно, потому что на деле мне хотелось прибить этого урода, который орал на меня. Мой голос действительно дрожал, правда, от еле сдерживаемого гнева. Нет, ну разве так себя ведут с беременными?

– Я понимаю, что тебе нужны деньги. Но, может быть, тебе подойдёт такой вариант? – С этими словами я достала из сумочки свёрнутые трубочкой бумаги и положила их на стол.

Эдвард неаккуратно схватил верхний листок, вчитался, и его зрачки расширились от удивления. Затем он стал судорожно перебирать оставшиеся бумаги. А я сидела за столом «Райского острова» и кидала осторожные взгляды по сторонам, лишний раз радуясь, какое хорошее место я выбрала для встречи с бывшим. В зале стоял полумрак, а всё внимание посетителей за соседними столиками было приковано к танцующим девушкам на сцене. Я почувствовала, как усиливается затхлый запах сальных желёз и пота Эдварда, смешанный с ещё более тошнотворным приторно-сладким мужским одеколоном, подходящим скорее женщине, чем мужчине. Эдвард очень сильно волновался, но старался не выдать своего волнения. Стоит отдать ему должное, он был настоящим лицедеем, раз столько времени ему удавалось обманывать меня и моего отчима. Мой бывший жених выдохнул, отложил бумаги в сторону и совершенно спокойно посмотрел на меня.

– Ну, и с чего ты думаешь, что это меня интересует?

Да, он мог бы обмануть меня, но не чуткое обоняние дочери потомственного торговца специями и пряностями. Я знала, что моё предложение его более чем заинтересовало. Эдвард заглотив наживку целиком.

– Здесь всё. Передача прав на владение грузом, контракты на поставки, торговые договора, формы для таможенных служб. Если ты поставишь подпись на верхнем листке, то станешь владельцем всего бизнеса Леона Трейтса, самым крупным торговцем пряностями и специями во всём Штолле. Это намного больше, чем десять тысяч золотых, – вкрадчиво произнесла я.

– Да, но это не деньги, это дело, которое надо поддерживать и развивать, – резонно возразил Эдвард.

Я бы могла поверить в то, что моё предложение его не интересует, но мой нос ещё никогда меня не подводил. Эдик волновался и сильно потел. А потому я сделала как можно более расстроенный вид, нарочито громко шмыгнула носом и сыграла на самой больной точке бывшего – на его самолюбии:

– Ну, если тебе неинтересно, тогда ладно. Если бы ты подписал бумагу, то любой бы поверил в твою кредитоспособность, но раз тебе кажется, что торговлей специями сложно управлять, и ты не справишься, то кто я такая...

Эдвард неожиданно резко перебил меня:

– Ладно, я согласен, так уж и быть. Но исключительно из-за моего хорошего к тебе отношения и снисхождения к твоему положению. – С этими словами Эдвард притянул к себе стопку бумаг и поставил размашистую подпись на верхнем листе. Договор был составлен магконсультантом, а потому я не сомневалась, что отныне Эдвард уже не сможет откреститься, что бизнес не его. Одновременно с его подписью на этой бумаге возникли записи в учётной книге Палаты Стряпчих Штолле.

Я кусала губы, чтобы не улыбаться во весь рот. Откуда было знать моему бывшему жениху, что большинство партнёрских договоров Леона Трейтса истекали уже в конце этого года? Да и до сих пор многие в городе покупали его специи и пряности, так как на слуху было его имя. Именно я выбирала для отчима качественный товар, а благодаря краденным, как недавно мне стало известно, маршрутам, корабли Леона всегда вовремя приходили в конечные пункты. Без меня и тех самых маршрутов семейное дело Трейстов под руководством Эдварда вначале быстро превратится в самую обычную торговлю с переменным успехом, а затем в виду отсутствия соответствующего опыта у моего бывшего жениха и вовсе пойдёт на дно. Я не говорю о том, что потребуются немалые деньги на таможенной службе для ввоза товара в Таршер. Но это было известно мне, а никак не Эдику, чьи глаза сейчас лихорадочно блеснули. Требуя десять тысяч золотых, он даже и не надеялся, что получит такой крупный куш. У меня же была своя выгода. Теперь, если Гордан ан Бакшах решит в отместку сообщить о махинациях Леона Трейтса, все камни полетят в сторону Эдварда Троншипа. И именно с него государство будет требовать выплаты штрафов.

Жалела ли я о том, что так жестоко поступила с Эдвардом? Ни капельки. Он долгое время обманывал меня и моего отчима, вымогая деньги, живя за наш счёт и при этом изменяя мне с бордельными девками. Я уже не говорю о том, что он собирался доить моего отчима ещё более усиленно после нашей с ним свадьбы.

Я нервно поправляла платье. Лиф мне казался слишком заниженным, рукава чересчур короткими, а цвет шампанского смущал. Оберан лишь дал задание Лолите и Коре заказать для меня выходное платье для приёма в честь бургомистра города, но я и представить не могла, что эти две интриганки уговарят портниху на настолько вызывающее декольте. Сама я была дни и ночи напролёт занята тем, что мастерила артефакт для Оберана, а потому поверила служанке и кухарке, что платье будет отличным. Стоило заподозрить, что они что-то задумали ещё в тот момент, когда Оберан озвучил задание, а Лолита с Корой хитро переглянулись. «Вот же Двумикий Бес, да здесь вырез ещё больше, чем в том кружевном недоразумении, что они называли ночной сорочкой!» – подумала я, вновь порывисто подтягивая лиф наверх. Быть может, это платье смотрелось бы весьма прилично на какой-нибудь худотельной девице, но на моей пышной фигуре оно сидело так, что даже я сама с трудом могла отвести взгляд от зоны декольте в отражении зеркала.

Оглядела себя в десятый раз, ещё раз убеждаясь, что всё в порядке. Приглашённые на дом мастерицы уложили мои волосы пышными лоснящимися локонами, а глаза и губы накрашили непривычно ярко и даже чуточку дерзко. Я никогда не любила привлекать к себе мужское внимание, но, впервые увидев себя такую в зеркале, подумала, что, быть может, всё это время поступала неправильно?

Из зеркала вместо привычного отражения на меня смотрела эффектная пышногрудая девушка с выразительными глазами удивительного льдисто-голубого оттенка и пухлыми чувственными губами. Я покрутилась ещё раз и глубоко вздохнула, после чего оставила мысленную заметку, что так делать не стоит, ибо лиф платья не так уж и хорошо тянется. От таких вздохов может и порваться.

Согласно моему же плану, я должна была сегодня блистать на приёме, где соберётся весь высший свет Штолле. Светлая пена платья, отдалённо похожего на свадебное, расшитый мерцающими камнями лиф, ещё сильнее привлекающей внимание к моей далеко не маленькой груди, укороченные рукава, обнажающие золото брачной татуировки – совершенно всё должно было говорить о том, как я счастлива в браке с Обераном Ашенхаем.

– Габриэлла, ты готова? – с этими словами в мою спальню стремительно зашёл Оберан и восхищённо замер.

Я обратила внимание, как он скользнул взглядом от моего лица до пят, задержавшись где-то чуть ниже шеи, потом снова посмотрел туда же, моргнул, сглотнул и с силой перевёл взгляд на лицо. Пожалуй, выражение его лица было лучше, чем самый изысканный комплимент, который я когда-либо получала в своей жизни. И хотя за прошедшие три дня мы с ним так ни разу и не подняли тему наших дальнейших взаимоотношений, так как времени и без того было в обрез, мне почему-то нравилось, что он смотрел на меня именно так.

Сам Оберан был одет в парадный отглаженный сюртук цвета горького шоколада с шёлковым шейным платком в тон моему платью. Мужчина достал карманные часы на длинной золотой цепочке и произнёс:

– Нам уже пора. Ты всё успела?

Я кивнула и взяла со стола крупный амулет в серебряной оправе с ярко-алым рубином в центре.

– Положи его в нагрудный карман. Я сделала так, что когда придёт время, рубин растает и вытечет, имитируя твою кровь, и это же активирует сам артефакт.

Оберан кивнул и бережно взял вещь из моих рук, а затем достал золотой браслет, точь-в-точь такой же, какой Апполонио надел на меня три дня назад. Я облегчённо выдохнула. Всё-таки птица успела перелететь море за три дня, отлично!

– Ты готова? – уточнил Оберан и поднёс браслет к моему запястью.

Я собралась с духом, мысленно воссоздала стеклянный купол, а затем ещё и каменную стену на всякий случай, и кивнула. Щёлкнула застёжка браслета. Меня слегка помutilo, но я тут же взяла себя в руки.

– Ты как? – заботливо спросил меня Оберан. – Всё хорошо?

Я прекрасно понимала, что мне придётся надеть артефакт внушения, но всё равно чувствовала себя немного неуютно.

– Вроде бы ничего, мыслить могу, – ответила я. – Да и к тому же ты на меня его надел, мне нечего бояться.

– Сейчас проверим, – хитро улыбнулся супруг. – Приказываю сделать тебе шаг вперёд.

Невообразимо сильно захотелось податься вперёд и оказаться ближе к супругу, но я заставила себя стоять на месте. Оберан поднял брови и удовлетворительно хмыкнул:

– У тебя здорово получается противостоять браслету.

Я лишь слабо улыбнулась, ведь у меня было всего три дня, чтобы научиться возводить устойчивый ментальный щит и достаточно долго его поддерживать.

– Карету уже подали, господин Оберан, – послышался из-за двери голос Лолиты.

Несколько секунд мы смотрели с Обераном друг другу в глаза, и у меня сложилось ощущение, что он хотел мне что-то сказать... Но голос служанки нарушил ту странную связь, которая между нами установилась. Мой супруг галантно подал руку, и мы направились к карете с гербами фамилии Ашенхай. Я с удовольствием откинулась на мягкую спинку диванчика, обитого бархатом, и прикрыла глаза.

Мерная тряска кареты убаюкивала. Всё-таки бессонные ночи давали о себе знать. Конечно, мастерицы с помощью косметики и щепотки иллюзорных чар смогли снять с моего лица следы усталости, но это никак не влияло на состояние моего организма. А ещё я нервничала, очень сильно нервничала. Всё-таки мы с Обераном задумали обвести вокруг пальца Кристофера Дарси, сильнейшего мага-менталиста, и мне было не по себе. Я смотрела сквозь полуприкрытые ресницы на своего супруга и думала, что ещё ни один мужчина не рисковал своей жизнью и репутацией ради меня.

Тот случай с Кристофером в стеклянном переходе – не в счёт. Тогда он прекрасно знал, что сильнее шестерых мальчишек с боевого факультета, и ничем не рисковал. Сейчас же Оберан рисковал всем, что у него было, выступая одним фронтом вместе со мной против заведомо более сильного противника. Он знал меня всего несколько дней, но поверил в меня и в мой план, захотел помочь, хотя не обязан был этого делать. Эти несколько дней нас по-настоящему сплотили. Быть может, если бы не вся эта история с Горданом, моим отчимом, Ванессой и Кристофером, у нас получился бы крепкий брак. Вот только какой смысл об этом рассуждать, если меньше через два часа мы уже не будем супругами?

В какой-то момент я наткнулась на взгляд Оберана. Он смотрел на меня с какой-то грустью, но, поняв, что я смотрю на него, тут же изменил выражение лица на более веселое:

– Ну что, госпожа Ашенхай, вы готовы стать вдовой? – с наигранной лёгкостью сказал он мне, и карета остановилась.

Я слабо улыбнулась. Готова или нет, какая разница? Дарси пошёл на то, чтобы шантажировать меня действиями отчима, и даже если Леон Трейтс вот-вот покинет Таршер и станет обладателем шахт самоцветов в Мустафании, это всё равно не изменит того, что Кристофер будет искать способы на меня надавить. Не получилось с Леоном, значит, попробует с кем-то ещё.

– А вы готовы проснуться свободным от обязательств человеком? – в тон вопросу супруга шутливо спросила я, но почему-то моя шутка ему не понравилась. Он даже немного помрачнел.

Сегодня, к нашему колоссальному везению, в особняке Кристофера Дарси проходил пышный приём. Впрочем, в Штолле практически каждый день кто-нибудь да устраивает приём в честь чего-нибудь. У кого-то дочка выходит замуж, кто-то отмечает удачную сделку с деловым партнёром или день рождения жены. Столица слишком большая, и её жители привыкли шумно жить и постоянно

веселиться. Для дам каждый приём – это возможность показать себя и свой новый туалет, обсудить самые горячие сплетни или же обзавестись очередным любовником. Эта черта Штолле всегда обходила меня стороной, так как я не видела смысла в бесконечных балах и танцах. Мой отчим Леон Трейтс одно время пытался подобрать мне жениха на светских мероприятиях, но я быстро взбрыкнула. Моего первого бала в шестнадцать лет, когда я весь вечер просидела на стуле, а якобы подружки красовались на моём фоне, мне хватило за глаза. Фактически это был мой первый бал, на который я пришла за последние десять лет.

Сегодняшнее мероприятие устраивалось в честь бургомистра Штолле. Единственный приём, который давался в особняке Кристофера Дарси, самого сильного менталиста Таршера. Кристофер сказал, чтобы я пришла на приём, но не сказал, что я должна прийти одна. Наверняка он представить себе не мог, что мы с Обераном захотим обнародовать наш брак.

Я нервно одёрнула воздушное платье цвета шампанского и поймала себя на том, что совершенно не привыкла носить такие вещи.

– Ты выглядишь прекрасно, – улыбнулся мне Оберан, кладя свою ладонь на мою руку и пытаясь заставить меня не дёргаться.

Второй рукой Оберан вытащил наши визитки с именами и вложил их в руку церемониймейстера, ободряюще улыбнувшись мне.

– Господин Оберан Ашенхай и его супруга Габриэлла Ашенхай! – звучно пробасил голос пожилого церемониймейстера, когда мы ступили на дубовый паркет.

«Ну, вот и всё, обратного пути нет», – насмешливо шепнул мне внутренний голос, а я расправила плечи и шагнула в общий зал вслед за супругом. Я так волновалась первые полчаса, что пила шампанское и совершенно не замечала, что творится вокруг. Тем временем Оберан подводил меня к своим знакомым, представлял как супругу, заботливо предлагал мне закуски, улыбался и всячески демонстрировал, как он счастлив, что у него такая жена. Он даже подавал мне руку таким образом, чтобы знакомые лишний раз не увидели брачную татуировку золотого цвета на моём запястье.

– Поздравляю, Оберан, мы думали, что вы убеждённый холостяк и никогда не женитесь!

– Ах, вас благословила сама Небесная Дева? Скажите, а где вы обручались, мы с моей невестой тоже хотели бы получить благословение...

– Вы замечательная пара, поздравляем!

Через некоторое время я расслабилась и уже широко улыбалась незнакомым людям, демонстрируя хорошее настроение. В какой-то миг я настолько вжилась в роль счастливой молодой жены, что забыла, зачем мы сюда пришли. Но сердце ёкнуло в груди, и мир покачнулся в тот момент, когда я встретила с яркой зеленью ироничных глаз Кристофера Дарси. Он плавно двинулся в нашу сторону, а гости заранее расступались перед ним. Кристофер был одет в длинные узкие штаны, подчёркивающие его бёдра, и строгий сюртук с двумя рядами серебряных пуговиц, который не мог скрыть широкий разворот плеч.

– Оберан. – Я тронула супруга за рукав, привлекая внимание.

Ашенхай с лёгкой полуулыбкой оторвался от разговора со старым знакомым и посмотрел на приближающегося к нам менталиста. Выражение его лица резко изменилось, глаза похолодели, но вот улыбка как была на лице, так и осталась.

– Оберан, ты точно справишься? – спросила я, тщательно проверяя ментальный щит в своей голове, и стараясь подавить зарождающуюся панику. А вдруг Кристофер всё уже знает? А вдруг он догадался?

– Габи, – губы супруга едва коснулись моего уха, а дыхание приятно пощекотало шею, – я пират, у меня есть свои секреты. Ты, главное, отвлеки его, а я найду второй браслет и принесу его тебе.

– Бывший пират, – поправила я своего Оберана.

– Как сказал твой отчим, бывших пиратов не бывает, – загадочно улыбнулся мне супруг, а затем на глазах всех гостей привлёк меня к себе и жарко поцеловал в губы.

Моя голова закружилась, а ноги стали подкашиваться, с такой страстью поцеловал меня Оберан. Мне было безумно приятно уверенное прикосновение горячих губ, на миг я даже забыла, где мы находимся. А когда очнулась, то покраснела оттого, что на нас все смотрели: кто-то с завистью, кто-то с доброй улыбкой, кто-то с негодованием. Как-то не принято в высшем обществе вот так целоваться на виду у всех.

– Удачи, – тихо шепнул супруг мне на прощание и исчез за несколько секунд до того момента, как Кристофер Дарси подошёл ко мне.

Я смотрела ему вслед и никак не могла понять, зачем нужен был этот поцелуй? И так все уже в курсе, что мы женаты и счастливы в браке. Меня не покидало ощущение, что Оберан поцеловал меня специально на глазах у Кристофера.

– Я смотрю, вам больше не требуется моя помощь в оформлении развода, – проговорил Дарси, чуть насмешливо приподняв бровь и проводя взглядом спину уходящего Оберана.

– И вам добрый вечер, Кристофер, – ответила я как ни в чём не бывало.

Дарси перевёл на меня внимательный взгляд ярко-зелёных глаз, а я почувствовала давление на свой мысленный купол.

– Занятный у вас щит, Габи. Кажется, что его нет, но он есть, – произнёс Кристофер со странной интонацией.

Я возмущенно вдохнула воздух, совершенно забыв, что дала себе слово не дышать глубоко в этом платье. Расшитый камнями лиф опасно натянулся на моей груди. В этот момент давление на мой мысленный купол прекратилось, и понимание того, на что так беззастенчиво отвлёкся Кристофер, меня разозлило ещё больше. Но Дарси среагировал быстрее, чем я успела что-либо произнести:

– Габриэлла, а вы умеете удивлять, – и предложил руку. – Потанцуем?

Я задушила в себе откровенное желание отказаться от танца с этим мужчиной, да и вообще оказаться где-то подальше от его раздевающего взгляда, но, понимая, что Оберану нужно время, подала руку. Дарси уверенно повёл меня через весь зал под звуки начинающегося вальса.

Мы встали по центру зала, я посмотрела на Кристофера и вмиг утонула в его зелёных омутах глаз, не способная к сопротивлению. Куда-то резко пропало и раздражение, и возмущение на мужчину, что повёл меня в танце. Аромат кедра, смешанный с нотками мускуса и сандалового дерева, мягко, но настойчиво окутал меня, опьяняя, а где-то на задворках сознания я машинально отметила, что этот мужчина действует на меня как наркотик. Посмотрев на него лишь раз, вдохнув его аромат на мгновение, уже невозможно от него оторваться.

Прямая спина, смеющийся взгляд, идеально уложенные тёмные волосы и расстояние между нами, несколько меньшее, чем предусматривает этикет. Со стороны всё выглядит более чем прилично, но почему же я нервничаю, как пятнадцатилетняя девочка, впервые поцелованная юношей? Кристофер закружил меня в танце, и всё вокруг смазалось в единую бесконечную картину, будто нарисованную широкими мазками нерадивым художником в дикой спешке. Я не видела ничего, кроме его лица с высокими скулами и яркими блестящими глазами.

– Габриэлла, и вы, и я понимаем, что ваше время на обдумывание моего предложения истекло, – первым нарушил молчание Кристофер. – И даже то, что вы так демонстрируете свою брачную татуировку всем присутствующим, не меняет наших договорённостей. Или вы с завтрашнего дня служите под моим началом и развиваете свой ментальный дар, или Леон Трейтс отправится в тюрьму за свои преступления.

Слова Дарси несколько отрезвили, и я быстро вспомнила, где нахожусь и кто передо мной.

– Кажется, вы не сомневаетесь в том, что я соглашусь стать менталистом? – Не знаю, почему я так ответила. Наверно, опьянела от мужского запаха.

Дерзкие слова вырвались у меня быстрее, чем я прикусила себе язык. Отчего-то находясь с этим мужчиной, который двигался, как дикий тигр, у меня возникало безумное желание подёргать его за усы.

Зрачки Кристофера пугающе расширились то ли от гнева в мой адрес, то ли от... желания? Я почувствовала, как невольно краснею. Или же это так душно в зале? Небесная Дева, ну почему я так реагирую на этого мужчину? Кажется, в ответ на высказанную дерзость Кристофер захотел прочесть мои мысли, так как я вновь ощутила давление на ментальный купол.

– Зря стараетесь, – произнесла я как можно небрежнее, стараясь скрыть в голосе мысли, которые уже нарисовало моё воображение, – я тренировалась в удержании щита. Вам не проникнуть.

– О, меня безумно радует, что вы уже поняли, насколько ментальная магия серьёзнее и важнее реставрации старых артефактов. Уверяю, когда вы согласитесь на тренировки *со мной*, это принесёт вам ещё большее удовольствие, – переиначил мои слова Кристофер. Я скрипнула зубами от негодования.

И почему меня не покидает ощущение, что он специально сказал настолько двусмысленную фразу? Я пыталась уверить себя, что злюсь на этого человека, потому что в ином случае уже давно бы растеклась лужицей у его ног. Уверенные руки Кристофера на моей талии обжигали сквозь тонкую ткань платья, бережно прижимая меня к крепкому мужскому торсу. Пряная нотка муската в аромате Кристофера медленно, но верно сводила меня с ума.

– Неужели у вас настолько большая нехватка в кадрах, что вы даже не погнушались воздействовать внушением на моего отчима, чтобы после этого шантажировать меня его действиями? – зло бросила я в лицо Кристоферу.

Я отчаянно пыталась сосредоточиться на разговоре, а к тому же мне хотелось увидеть выражение лица Кристофера, когда он поймёт, что я знаю о его нечестных методах. Мужчина резко переменялся, из глаз ушло веселье, на лице промелькнула обеспокоенность.

– Габриэлла, вы всё не так поняли, я вам вовсе не враг.

Я хмыкнула. Ну-ну, друзья так не поступают. Интересно, Кристофер со всеми действует через запугивание и угрозы?

– Габри. – Кристофер сократил моё имя так, как это я позволяла делать только своим друзьям. Я недовольно поджала губы, но не стала говорить ему, что не позволяла так себя называть. – Я действительно встречался с Леоном Трейтсом и... несколько повлиял на него. Я расследовал дело государственной важности, и мне надо было выяснить, что Леон делает с украденными морскими маршрутами. А потом... мне пришла в голову мысль убедить его в том, чтобы он подменил карты вашего супруга. Так надо было для расследования, это являлось независимой проверкой третьего лица. Но уверяю, что моё воздействие на разум вашего отчима было минимальным. Большую часть времени он занимался воровством маршрутов для своих торговых кораблей по собственной воле.

– То есть подменой карт вы проверяли какое-то третье лицо? – пробормотала я, а затем ужаснулась. – А если бы Оберан не заметил подмены, и корабли действительно потонули бы?!

Кристофер пожал плечами, давая понять, что, значит, так тому и быть. Действительно, к чему сожалеть о том, что не случилось? Я по-новому взглянула на своего собеседника. Выходило, что одним небольшим внушением на Леона Трейтса он умудрился достичь всех целей: и сделал проверку, необходимую для его расследования, и получил рычаги влияния на торговца, чья приёмная дочь его заинтересовала.

– Габриэль, это всего лишь политика, – пожал плечами Дарси. – Тем более, раз вы смогли найти мой ментальный след в ауре своего отчима, это говорит о том, что у вас воистину огромный потенциал. Неужели вам неинтересно было бы его раскрыть? – мурлыкающие звуки голоса Дарси ласкали слух, а его горячее дыхание щекотало мою шею.

Я прикрыла глаза и на миг забыла, что мы танцуем вальс. Все мои чувства вопили о том, что так не танцуют, так занимаются любовью. Мужчина, что обнимал меня, буквально парил над паркетным полом и одним лёгким движением удерживал меня на весу. До сих пор я считала себя слишком крупной и неуклюжей, но рядом с Кристофером я казалась себе ласточкой, которая вот-вот взлетит в облака. Его тёплые и мягкие руки поглаживали мою поясницу через воздушную ткань платья, рождая рой сладких мурашек. А на ударные звуки в музыке он прижал меня настолько тесно, что я почувствовала его частое сердцебиение.

Я открыла глаза и встретила с помутневшим тёмно-зелёным взглядом. Никто прежде не смотрел на меня так. Так не смотрят на временную партнёршу по танцу, так не касаются едва знакомой женщины. И так не должно сбиваться дыхание от простого соприкосновения бёдрами во время вальса. Это было в разы чувственнее и интимнее, чем секс.

– Только вообрази, какое удовольствие может подарить мужчина, без слов предугадывающий все мимолётные желания женщины, – искушающе протянул Кристофер, а я поняла, что и без заглядывания под мой ментальный щит он прекрасно знал, о чём я думаю.

Я сглотнула вязкую слюну. Музыка закончилась, а мы замерли посередине зала. Кристофер не удерживал меня силой, но в то же время не убирал руку с моей талии. Я тяжело и часто дышала. Боясь взглянуть в глаза Дарси после вальса, я смотрела на его мужественный подбородок, чётко очерченную линию губ, вдыхала упоительный запах кедра и сандалового дерева.

– К чему все эти разговоры, вы ведь и так уже всё решили за меня? – спросила я, глядя на его пухлые губы.

– Габриэлла, – он притянул меня чуть ближе и слишком интимно прошептал на ухо, – не буду скрывать, ты мне нравишься. Ты понравилась мне ещё несколько лет назад с нашей самой первой встречи в том переходе. Такая дерзкая и храбрая девчонка, не испугавшаяся ни угроз шестерых парней, ни их огненных шаров. А когда я понял, что у тебя есть ментальный дар... – Он помолчал,

так и не окончив фразу. – Зачем тебе брак с Обераном? Зачем тебе эта дурацкая лавка?

Я не знала, что сказать или ответить, но ситуацию спас мой супруг. Оберан появился внезапно и с недовольным выражением лица притянул меня к себе. Я почувствовала, как его руки обняли меня, а затем незаметно в складках пышного платья расстегнули золотой браслет и заменили его на другой, но точно такой же. От этого простого прикосновения мне вдруг стало легче.

– Дорогая, с тобой всё в порядке? – спросил Оберан, гневно сверкая глазами на Кристофера.

А я обрадовалась, просто обрадовалась! Вот он, вернулся, да ещё таки смог найти в особняке коллекцию ментальных артефактов, про которую упомянул Дарси, и взять один из них. Как ему это удалось? Это было самое тонкое место нашего плана, я очень сомневалась, что получится всё реализовать так, как мы задумали, но Оберан уверил меня, что сможет найти всё что угодно. И вот у него получилось!

Менталист нарочито спокойно поклонился и поцеловал кончики моих пальцев. Следующие действия произошли практически одновременно. Оберан кинул под ноги Кристоферу браслет-двойник, снятый с моей руки, я же достала из складок платья кинжал и как во сне вонзила его в грудь своего супруга, целясь в нагрудный карман. «Небесная Дева, только не дай мне промахнуться!»

Только я могла ощутить, что клинок входит не в мягкое человеческое тело, а разбивает твёрдый камень амулета, для всех же со стороны это выглядело так, будто бы обезумевшая Габриэлла Ашенхай после прикосновения Кристофера Дарси к её руке напала на горячо любимого супруга. Оберан мешком рухнул на пол, на его груди стремительно нарастало ярко-алое пятно. Раздался женский визг и звон бьющейся посуды.

Я же бухнулась на колени перед Кристофером Дарси и совершенно отстранённым голосом как можно громче произнесла:

– Я выполнила ваш приказ, хозяин!

И одновременно с этим сдёрнула с себя ментальный купол, в мельчайших подробностях представив себе тот момент в моей спальне, когда Дарси взял мой браслет в свои руки. По моим расчётам в зале должны были быть ещё менталисты помимо Кристофера Дарси, которые бы считали картинку из моей памяти. И вряд ли кто догадается, что той ночью Дарси забрал у меня браслет внушения, а не надел его, ведь сейчас этот предмет красовался на моей руке.

Для обычного стороннего наблюдателя, не являющегося магом, будет очевидно, что менталист надел на меня некий артефакт, пара которого у него как раз выпала из кармана и валялась у ног, и приказал убить Оберана Ашенхай. Пятно, расцветающее багрянцем на груди моего супруга и неестественная белизна его скул, определённо свидетельствовали о смерти. В тот момент, когда Дарси осознал, что я сбросила ментальный щит и какую именно сцену старательно воспроизвожу в своей голове, в его глазах сверкнуло бешенство. То ли ещё будет, когда на артефакте на моей руке действительно обнаружат отпечатки его ауры, ведь он брал этот браслет в свои руки!

– Он мёртв! – крикнул кто-то, видимо, уже пощупавший пульс моего супруга. – Не двигайтесь!

Теоретически амулет, который я мастерила несколько ночей напролёт, активировался через уничтожение камня и погружал его носителя во временный летаргический сон. Я бросила взгляд на супруга и не на шутку испугалась. Даже зная, что всё это лишь спектакль, вид мертвенно бледного Оберана с кровавой лужей на груди заставил меня перехватить дыхание. Я машинально сдёрнула с супруга, чтобы проверить, что действительно не убила его, но кто-то сзади воспринял моё движение за попытку к бегству, и через долю секунды я почувствовала, как мою спину опалило жаром, а в голову вонзился миллион жалящих раскалённых игл. Кто-то, не жалея сил, приложил меня боевыми чарами. Теряя сознание от боли, я увидела, как с перекошенным от ярости лицом Кристофер крикнул «нет» и скользнул ко мне, мягко принимая в свои объятия.

Часть 4. Побег

Кажется, меня действительно сильно приложили атакующими чарами. Я просыпалась несколько раз на какие-то секунды, сознание возвращалось толчками, яркими вспышками света сквозь закрытые веки, отдельными голосами, а затем будто гигантский огненный шар разрывался в моей голове, и я вновь теряла сознание от невыносимо дикой боли.

– То есть это не вы на неё надели браслет с чарами подчинения?

– Нет, не я! – рык Кристофера. – Отойдите, дайте мне проверить как она!

– С ней всё в порядке. Объясните, как тогда вышло, что на браслете Вваши отпечатки ауры, и она назвала вас своим хозяином?

Снова сон, ощущение, что меня куда-то тащат. Накатывающая тошнота и свинцовая усталость сменяются желанным забытьём. На какой-то миг я проснулась и ощутила твёрдый холодный камень под собой. «Они что, меня в карцер посадили?» – проскочила удивлённая мысль на краю сознания, и я вновь отключилась.

Проснулась в очередной раз от противного металлического звона ключей, который в моих ушах раздавался громче, чем удары в набатный колокол.

– Да-да, конечно, господин Дарси, она здесь, – пропищал заискивающе-лебезящий голос.

– Карцер, вы издеваетесь?! – знакомый мужской рык.

– Это недоразумение, простите. Мы только-только получили от Его Величества птицу. Его Величество сейчас находится в Лёдграде, так что распоряжение поступило с некоторым опозданием...

Приятный тонкий запах лесного кедра. Прохладные пальцы трогают мои виски, и боль медленно отступает. Головная боль, но не тошнота. В голове крутится мысль: «Сколько же дней я уже нахожусь в этом состоянии, что Дарси успел съездить в Лёдград, вытребовать аудиенцию у короля и вернуться в Штолле?» Руки медленно скользят по голове, затем по шее и даже коснулись груди. «Надо бы возмутиться», – подумала я и заснула.

Окончательно я проснулась на чём-то мягком и тёплом. Ничего больше не болело, и я поймала себя на том, что мне крайне уютно просто лежать и не двигаться, открывать глаза не хотелось. Собственно, так я и поступила, а потому услышала крайне тихий разговор, ведущийся в нескольких метрах от меня.

– Крис, я совершенно не одобряю твоих методов. Габриэлла чудом выжила, обычный человек, не маг, точно бы не справился. Тебе не кажется, что ты зашёл далеко в своих опытах? – раздражённый голос какого-то мужчины, явно имеющего право называть Кристофера Дарси просто «Крис».

– Орте, поверь, я сам более чем недоволен произошедшим. Тот, кто позволил себе атакующие чары, уже наказан, – сухо произнёс Дарси с плохо скрываемыми нотами раздражения.

И у меня пробежали мурашки по коже от того, как было сказано это «наказан». Не осталось и сомнения, что Кристофер Дарси умеет наказывать. Интересно, остался ли жив тот жандарм, что ударил меня атакующими чарами? По сути, он оказался наказанным за то, что исполнял свои обязанности. Он был уверен, что перед ним стоит убийца, и чётко предупредил, что мне нельзя двигаться, а я дёрнулась... Ну, а то, что слегка перестарался с чарами... не уверена, что и я в такой стрессовой ситуации не ударила бы со всей силы, на которую способна.

Наступило долгое молчание. Затем Кристофер тихо спросил:

– Сейчас она в порядке?

– В полном, – ровно ответил целитель Ортего Орелло. – Ещё несколько часов, и я не уверен, что смогу без последствий вытащить её. Надо отдать тебе должное, ты удивительно быстро получил разрешение от короля. Даже с учётом твоих способностей.

«Интересно, о каких способностях идёт речь? Вряд ли о ментальных, ведь я слышала, что король находится в Лёдграде... И имеет ли это отношение к тому, как Кристофер незаметно появлялся и исчезал из моей спальни?»

Дальше последовал глухой мощный удар, как если кто-нибудь ударил со всей силы по деревянной стене, и жалобный треск деревяшек.

– Она переиграла меня! Орте, представляешь, меня?! Я ведь перехватил её птицу и знал о втором

браслете, но всё никак не мог понять, зачем он ей. Думал, что она наивно полагает надеть его на меня или на кого-нибудь из присутствующих, на бургомистра того же... Недооценил её смекалку. Надень она браслет на меня, я лишь посмеялся бы. Надень на кого-то другого – и я бы мигом его снял. Убей она супруга на глазах лишь моих людей, то даже её воспоминания, как я держу браслет с магией внушения и якобы готовлюсь надеть на неё, не сработали бы. Ты же знаешь, что мои люди верны мне безоговорочно. Но на приёме в честь бургомистра слишком много свидетелей, слишком. Я просто не мог выгнать всех без объяснений, в том числе и бургомистра, вызвать тебя и сразу оказать помощь якобы убийце и сумасшедшей личности. Признаться, что это я отдал ей мысленный приказ убить Ашенхая, значит огрести проблем уже на свою голову. Разумеется, когда она всё это планировала, то наверняка не предполагала, что мне сойдёт с рук даже настоящее убийство её супруга на глазах сотни людей... Просто избавление от последствий заняло бы время. А именно времени у меня не было совсем. Пришлось действовать... официально.

Сердитый скрип зубов, а после него весёлый смешок целителя:

– Да, она мне тоже понравилась, – при этих словах чувствовалось, что Ортего улыбается. – Одна её выходка с семенами пустынного игольника чего стоит! Да весь Штолле только и обсуждает, что Эдвард Троншип предпочитает мужской пол. Удивительная женщина, такую завоевать будет непросто, ох как непросто, помани моё слово.

Наступила ещё одна пауза в диалоге двух мужчин, а я мысленно себя похвалила, как же правильно поступила, не показав, что очнулась.

– Что-то долго она в себя не приходит, – проговорил Кристофер, а я поняла, что пора завязывать с очередным спектаклем, ибо меня вот-вот раскроют. Проверив мысленный щит, я медленно застонала, якобы приходя в себя, и открыла глаза.

– А вот и наша спящая красавица очнулась, – нарочито бодрым и громким голосом произнёс Ортего Орелло.

Искрящиеся смехом синие, как Бескрайнее Море, глаза целителя были первым, что я увидела. Я моргнула несколько раз и с удивлением обнаружила себя лежащей на большой двуспальной кровати в какой-то просторной комнате. В распахнутых настежь створках окна торчала ветка каштана с крупными зелёными листьями, в помещении помимо кровати так же стоял массивный письменный стол с резными стульями, несколько стеллажей с книгами и даже парочка громоздких сундуков. Мелкая взвесь пыли была видна в лучах игривого солнышка, падающих в комнату через открытое окно. Птичий щебет вместо знакомого стука колёс экипажей и всхрапывания лошадей окончательно уверил меня в том, что нахожусь я не в Штолле, а где-то на природе.

– Вы в моём загородном доме, – сообщил Кристофер, перехватив мой взгляд, с интересом рассматривающий наглую ветку дерева каштана, залезшую в окно. Он показался из-за плеча целителя и добавил: – Ортего, спасибо за проделанную работу. Думаю, твои услуги больше не нужны, Габриэлла пришла в себя настолько, что уже ментальный щит выстроила.

На последней фразе Кристофер издал короткий смешок, показывающий, что он раскусил мою игру в спящую красавицу. Наверно, теперь гадал, как много я успела услышать из их разговора, и какие выводы сделать. Ортего Орелло ещё раз проверил моё состояние, улыбнулся мне и покинул помещение, коротко кивнув на прощание Кристоферу. Всё это время менталист не сводил с меня тяжёлого взгляда.

В процессе осмотра целителем я посмотрела на своё запястье и с каким-то болезненным разочарованием отметила, что брачной татуировки больше нет. Всё верно, мы с Обераном разыграли его смерть, амулет, который я ему дала, временно остановил его дыхание и сердце. С точки зрения магии, Оберан Ашенхай умер, а брачные татуировки связывают людей до смерти одного из них. Не зря же духовники произносят фразу «пока смерть не разлучит их».

Когда Ортего Орелло ушёл, а Кристофер, явно заметивший мой беглый взгляд по своему запястью, прокомментировал:

– Я смотрю, вы нашли свой способ развестись с супругом. Весьма и весьма оригинально. Я даже как-то не представлял, что вам хватит хладнокровия занести кинжал на супруга. Неужели моя помощь в этом деле вам настолько претила?

Я боялась посмотреть на Кристофера. Ещё бы, я обманом выставила его заказчиком убийства перед всем высшим светом Штолле. Он должен быть как минимум зол на меня. По-хорошему, его должны были посадить в тюремную камеру, но почему-то этого не делали...Интересно, почему?

– Ортего Орелло – ваш друг. Это вы его позвали в особняк Ашенхая, – тихо произнесла я вместо ответа на его вопрос и украдкой взглянула на мужчину.

Кристофер удивлённо приподнял левую бровь, словно говоря: «И что, нынче вызов целителя

приравняется к необходимости заточить вызывающего в тюремную камеру?».

– Это вы были Феликсом Туроски, это вы оба раза меня ударили атакующими чарами, причём намеренно, – набралась я смелости и озвучила то, что осознала уже давно.

Ну, а что? Раз уж мой план уже приведён в действие, могу и раскрыть свои карты, показав, что тоже многое о нём знаю. Не только он собрал информацию на меня.

Кристофер ещё медленнее поднял вторую бровь.

– Я даже боюсь предположить, какими умозаключениями вы смогли это определить, – насмешливо произнёс он. – Поделитесь?

Я покраснела. Ну и что мне ему ответить? Что я поняла это по его запаху и тому, как он себя вёл? Что даже с Феликсом Туроски, когда я закрывала глаза и чувствовала его аромат, представляла себе другого мужчину? Гм... Как-то не хочется о таком рассказывать постороннему мужчине, особенно если сама до сих пор не могу разобраться в своём отношении к нему.

– Предлагаю сделку, – усмехнулся Кристофер, видя моё замешательство. – Тебе наверняка интересно, что случилось, пока ты была без сознания. Я расскажу. Ну, а ты поделишься, где я прокололся, что ты узнала во мне Феликса Туроски. Идёт?

То ли незаметно для себя, то ли наоборот намеренно, Дарси перешёл на «ты» как в ту ночь, которую провёл у меня в спальне, и я расслабилась. В любом случае я вдруг осознала, что если Кристофер и злится, то в первую очередь не на меня, а на себя, что дал обвести вокруг пальца.

Я понимала, что особенного выбора у меня нет. Исчезнувшая брачная татуировка заставляла беспокоиться о судьбе Оберана. А вдруг я всё-таки промахнулась и по-настоящему убила его? От этой мысли у меня начинало что-то мелко дрожать внутри. Стараясь не смотреть в глаза Кристоферу, чтобы не попасть под его притяжение, я кивнула.

– Отлично, – чему-то обрадовался менталист. – Начну с того, что случилось на самом приёме. Ты очень качественно меня подставила, и будь на моём месте кто угодно другой, его сразу же упекли бы в тюрьму без суда из следствия. – Кристофер с такой насмешливой улыбкой посмотрел на меня, точно я ему подарок какой-то сделала, а не попыталась засадить за решётку. – Я перехватил птицу, которую отослал твой супруг сообщнику Гордана в Мустафанию, и был весьма удивлён, зачем ему понадобился второй браслет подчинения. У меня даже возникли мысли, что ты попробуешь надеть этот браслет на меня, но ты меня смогла удивить.

«Ну да, – отстранённо подумала я, – он уже догадался, что я подслушала их разговор с Ортего, а потому с лёгкостью рассказывает мне всё это». Что-то ещё царапнуло мой слух в словах Кристофера, но я никак не могла понять, что именно.

– Вы с Обераном разыграли всё как по нотам, – тем временем продолжал Дарси. – Уж не знаю, как он так быстро нашёл и открыл хранилище с моей коллекцией артефактов, но он это сделал. Надо будет перепроверить охранные системы в замке и наказать тех, кто отвечал за безопасность в тот вечер.

Последнее предложение Кристофер пробормотал себе под нос, но я его разобрала. Мне стало искренне жаль тех людей, кого Дарси собрался наказать. Что касается того, каким способом Оберан добыл для меня тот самый золотой браслет, я не знала ответа. И понимала, что, скорее всего, уже никогда не узнаю, ведь Оберан уже благополучно очнулся от действия талисмана и наверняка пересекает границу Таршера. Все необходимые средства он заранее вывел через доверенное лицо, а семейный бизнес по добыче самоцветов в Мустафании с его смертью автоматически отошёл мне.

Было ещё одно тонкое место в моём плане. Признаться, я действительно заранее рассчитывала, что Кристофер найдёт лазейку и оправдается, сделав виновной в смерти Оберана вместо себя меня. Не верила я, что его расположение ко мне простирается до тех пор, что он возьмёт вину на себя. Как-никак у него фактически под началом все сильнейшие маги Таршера, карьера, власть... Куда как легче объявить меня сумасшедшей и закрыть дело. Я изначально предполагала именно такой исход событий, а потому заранее проинструктировала своего отчима и снабдила его необходимыми документами. И судя по тому, что Кристофер живой и невредимый стоит сейчас передо мной, обвинения с себя он уже точно снял.

– Практически все поверили в его смерть. Практически все, но не я. – Кристофер вновь посмотрел на меня, явно стараясь проникнуть под мой ментальный щит, но я усиленно делала вид, что разглядываю свой маникюр. Я ещё не знала, находится ли Леон Трейтс в безопасности, и что с Обераном, а потому старалась не показывать и толики своих эмоций. – Ты обставила всё так, чтобы я выглядел в глазах высшего света убийцей Оберана Ашенхая. Разумеется, из-за огромно количества народу мне пришлось на некоторое время отдать тебя городской страже, связаться с королём, объяснить ситуацию... – Кристофер замолчал и подошёл к окну, явно о чём-то

задумавшись, а я его не торопила.

– В итоге, – он встрепнулся и взъерошил свои тёмные волосы, – официальной версией случившегося на приёме в честь бургомистра Штолле стала история о том, что долгое время ты была моей любовницей, но потом мне наскучила, и я подобрал тебе блестящую партию в лице Оберана Ашенхая. Какой способ избавить от любовницы самый эффективный? Правильно, выдать её замуж. Но ты была в корне не согласна с моим решением и хотела остаться в моей постели. А когда Разоваривающий с Духами поженил тебя и Оберана, ты увидела, что ваш брак благословила сама Небесная Дева. Простолюдины верят, что в таких браках жена просто физически не может изменить супругу. Как бы то ни было, золотая татуировка вызвала у тебя помутнение рассудка. И ты убила Оберана, решив подставить меня и тем самым отомстить бывшему любовнику за то, что он от тебя отказался.

Я громко пренебрежительно фыркнула, услышав официальную версию всего произошедшего на приёме.

– И что? Неужели найдётся хоть один олух, который в это поверит? – спросила я недоуменно, не скрывая в своём голосе ни скепсиса, ни насмешки.

То, что рассказал мне Кристофер, звучало по меньшей мере дико. Я – дочь уважаемого торговца пряностями и чья-то любовница? Да я с утра до темна в своей реставрационной лавке просиживала! Да я даже самого Кристофера долгие годы после академии не видела!

– А что ты находишь здесь неправдоподобным? – стремительно оглянулся на меня Кристофер и кольнул холодом своих зелёных глаз.

Я сглотнула, поняв, что, кажется, попала. Я смотрела в его неестественно зелёные глаза и не могла отвести взгляд. Действительно, а что странного в этой истории? Кристофер... широкие плечи, притягательная внешность, голос, который действует на девушек словно магнит, а ещё высокое положение в обществе, как-никак ректор Магической Академии Ментальной Магии... Да у него любовниц было наверняка несколько десятков, если не сотен. И никого не удивит, что одна из них влюбилась в него до потери рассудка. Вполне логично, что через какое-то время она ему надоела, и он решил устроить её будущее, чтобы незаметно избавиться от наскучившей пассии.

Мысли о том, что в глазах общества я и Кристофер – бывшие любовники, отчего-то обдала меня жаром и завязалась тугим узлом внизу живота. Могла ли я быть любовницей Кристофера? Нет, не так. Согласилась бы я стать любовницей Кристофера? До встречи с Обераном – скорее всего да. Сейчас же... «Сейчас тебе никто и не предлагает», – грубо меня вернул на землю внутренний голос.

– Мы с Обераном поженились внезапно, никого не предупредив и не позвав на торжество, – пробормотала я, понимая, что это как нельзя лучше ложится на лже-историю Кристофера.

– А ещё все видели, как мы с тобой танцевали, – словно издеваясь, протянул Дарси, и я осознала, что тот вальс был действительно чем-то большим, нежели просто танец.

– Допустим, – проговорила я, а мой голос почему-то охрип. – Продолжай.

– Я жалею, что научил тебя ставить ментальный щит, – чуть усмехнулся Кристофер. – Я бы многое отдал за то, чтобы узнать, о чём ты сейчас подумала.

С этим мужчиной я чувствовала себя так, будто хожу по тонкому лезвию ножа. И самое главное: я никак не могла понять, то ли Кристофер издевается надо мной, пуская в ход всё своё мужское обаяние, осознавая, что из меня выйдет сильный менталист, то ли я ему действительно нравлюсь как женщина. Кто его разберёт?

Дарси выждал некоторое время, словно надеясь, что я отвечу ему, о чём только что думала. Ага! Уже бегу! Нет, я, конечно, уже не замужняя дама, однако не считаю правильным рассказывать о столь интимном. И дело здесь даже не в самом Дарси, а в том, что я просто не хочу никому раскрывать то, о чём думаю.

– Пока я связывался с Его Величеством и получал официальное разрешение на твоё освобождение из-под стражи, разумеется, Оберан Ашенхай сбежал. Никому и в голову не пришло охранять труп, ну, а я был настолько занят тобой и твоим состоянием из-за того, что кто-то не сдержался и запустил в тебя боевые чары, что не успел осмотреть твоего супруга на артефакты. Отдам тебе должное, амулет летаргического сна со встроенным камнем, превращающимся в кровь, сработал идеально. Убийство Оберана выглядело настолько натурально, что на какой-то миг я даже поверил, будто ты его действительно убила.

«Ох, Дарси, ты не представляешь, я сама в это поверила», – подумала я, но мудро решила умолчать об этой детали.

– Ну, вот, в общем-то, и всё, – пожал плечами Кристофер, выжидающе посмотрев на меня.

Я покусала губы, понимая, что настал мой черёд выполнять условия сделки, но мне этого делать отчаянно не хотелось.

– То есть ты не знаешь, где сейчас Оберан? – как можно невиннее спросила я, хлопая ресницами.

Кристофер рассмеялся и плавно не то подошёл, не то проскользнул к кровати, где я лежала.

– Габриэлла, прекращай, тебе не идёт выглядеть дурочкой. К тому же ты уже дважды продемонстрировала мне свой незаурядный ум. Я прекрасно понимаю, что ты тянешь время. Но так как ты и так мне сообщишь, как смогла понять, что я и Феликс – одно и то же лицо, то так уж и быть, я милостиво не замечу твою попытку потянуть время. Где Оберан – никто не знает. Предполагаю, что уже отчалил в Мустафанию, ведь у него там шахты с самоцветами. В любом случае, искать его уже бессмысленно.

Тем временем Кристофер нагнулся ко мне, и его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего. Взгляд стал более жёстким, скулы заострились, а ноздри начали широкого раздвигаться.

– А теперь отвечай, как ты догадалась, что я и Феликс Туроски – одно и то же лицо.

Я понимала, что для Кристофера ответ на этот вопрос очень важен. Жизненно важен. Очевидно, что Дарси привык использовать иллюзорные чары, меняя внешность, и если я разгадала его секрет, то не факт, что не разгадает кто-то ещё.

Его яркие, как весенняя зелень, глаза поймали меня в капкан. Кедровый запах с пряным мускусом и нотками сандалового дерева моментально вскружил голову, заставив мысли течь в неправильное русло. Я остро почувствовала, как надо мной навис безумно опасный мужчина, но в то же время понимала, что совершенно не могу противостоять его чарам. Что это? Магия? Хотя нет, не похоже. Ментальный щит стоит крепко и не прогибается. На этот раз Дарси ни разу не пытался его прощупать, а просто ожидал от меня ответа. Кристофер Дарси одновременно и нравился мне, и пугал.

Мужчина нагнулся ещё ближе, и теперь я ощущала его горячее дыхание на своём лице. Я судорожно облизала вмиг пересохшие губы и увидела, как зрачки Кристофера расширились. Мне даже показалось, что мужчина перенёс почти весь вес своего тела на руки, поставленные по обе стороны от меня, потому что матрас по бокам от меня прогнулся ещё сильнее. Пряная нотка мускуса в аромате Дарси дразнила и медленно сводила меня с ума.

– Габи, расскажи, – прошептал Кристофер так, что у меня пробежали сладкие мурашки предвкушения по всему телу. Он, я, кровать в спальне... Кажется, мы уже это проходили. А то, как он назвал меня, сократив моё имя до четырёх букв, тягуче перекатывая слоги языком по нёбу... У-у-х-х! – Ты же понимаешь, что теперь у тебя совершенно нет вариантов. Теперь ты точно станешь моей.

Последние слова отрезвили. «У тебя совершенно нет вариантов» напомнило мне о том, что он шантажом пытался добиться от меня нужного. Жизнью мужчины, который меня удочерил. Я моргнула, и томительное наваждение и чувство предвкушения чего-то запретного пропало.

– А то что? Снова будешь угрожать, что засадишь Леона Трейтса за решётку? – спросила я.

Кристофер чуть отстранился от меня, нахмурился и неохотно ответил:

– Габи, я думал, мы это проходили, – он поморщился.

Кристофер не озвучил вслух, но я поняла, что от своего он не отступится, как и то, что он ещё не в курсе моей маленькой аферы. Я искренне порадовалась, что мой отчим уже отчалил от берегов Таршера.

– Запах, – внезапно для самой себя ответила я. – Я узнала тебя по запаху.

Кристофер криво улыбнулся половиной рта, давая понять, что услышал мой ответ, но в то же время стремительно поднялся с моей кровати и направился к выходу. Уже в дверях я услышала его короткое:

– Габи, ты же понимаешь, что даже то, что Леон уже сбежал из Таршера, не заставит меня отступить. У тебя слишком сильный ментальный дар.

Я скрипнула зубами. Двуликий Бес! Кажется, и тут Кристофер меня перехитрил, просчитав, что я буду пытаться спасти своего отчима. Интересно, почему же он просто так дал мне проверить это всё?

– Отдыхай, это мой личный дом, здесь нет прислуги, тебя никто не побеспокоит. Тренировки начнём завтра, – услышала я перед тем, как хлопнула входная дверь.

Мне совершенно не нравилось то, как вёл себя Кристофер Дарси. Я прекрасно понимала, что этот мужчина привык добиваться целей какими угодно способами. Я чувствовала это. Иллюзорные чары, превратившие его в рядового магвмеша, двойной удар боевых чар, обвинение в использовании артефакта ментальной магии просто в качестве проверки моих личных качеств, шантаж пожизненным заключением моего отчима... И в то же время помимо кнута Кристофер предлагал и пряник. Он обещал мне интересную жизнь, полную приключений и ярких событий, он делал мне недвусмысленные намёки на то, что я его интересую больше, чем просто маг. Всё это и многое другое заставляло задуматься. Сам собой в голове всплыл обрывок из диалога Дарси и Орелло. «Мне сойдёт с рук даже настоящее убийство её супруга на глазах сотни людей». Кристофер произнёс это, думая, что я всё ещё нахожусь без сознания. Интересно, что он имел в виду? Прозвучали эти слова действительно жутко...

Я чувствовала, как меня как магнитом тянет к этому мужчине с глазами цвета весенней зелени, но его методы достижения целей меня откровенно пугали.

Практически сразу после ухода Кристофера Дарси я вскочила с кровати и обошла небольшой одноэтажный бревенчатый дом с незамысловатой обстановкой и двумя спальнями на первом этаже. Некоторое количество взвеси пыли в воздухе красноречиво говорило о том, что прислуги здесь нет, и уже давно не было. Не порадовало меня и отсутствие конюшни. Причём здесь отсутствовали не только лошади, но и сама конюшня как вид пристройки или отдельного здания. Я совершенно не поняла, куда и как ушёл Кристофер, потому как дом находился в лесу, а судя по счастливому щебетанию птиц – глубоко в лесу. Лишь тонкая, едва различимая дорожка с несколькими отпечатками подков вела к дому с восточной стороны. Скорее всего, Ортего Орелло ей и воспользовался, привязав свою лошадь где-то снаружи, но на момент ухода Кристофера я была готова поклясться, что никакого ржания или других признаков наличия у крыльца ещё одного животного, не было.

Кристофер вновь таинственно испарился, а я так и не поняла, как он это сделал. Ещё одна загадка. Обойдя весь дом, я окончательно убедилась, что хотя формально и не заперта, сбежать не смогу. Во-первых, по всем признакам, ближайшее население находится достаточно далеко, и без лошади своим ходом я до него просто не доберусь, во-вторых, что-то мне подсказывало, что Кристофер меня отыщет в любом случае, своим бегством я его лишь очень сильно разозлю. А в-третьих, я понятия не имела, куда мне податься, даже если я по какой-то счастливой случайности набреду на поселение. Ведь Габриэлла Ашенхай объявлена сумасшедшей, а если она где-то объявится, на её поимку тут же бросится вся жандармерия Штолле.

Всю свою жизнь я была любимой падчерицей Леона Трейтса, который ради меня даже пошёл на незаконную сделку с Ароном Вольтсманом и добился разрешения, чтобы я могла посещать Штолльский Магический Университет. Любая моя прихоть исполнялась сразу же, Леон никогда не жалел денег ради меня, и моё детство было действительно очень счастливым. А сейчас меня фактически заперли в чужом доме где-то в лесу и поставили перед фактом, что будут развивать мой ментальный дар, хочу я того или нет.

Сидеть в доме Дарси и сложа руки смиренно ждать его возвращения остаток дня мне было тошно. В Штолле я работала реставратором с раннего утра до позднего вечера не потому, что нуждалась в деньгах, а потому что искренне любила свою работу. Я всегда была очень деятельной натурой, и сидеть на пятой точке ровно просто не умела.

Изучая новое жилище, я наткнулась на внушительных размеров погреб со множеством стеллажей, доверху заставленных всякой снедью. Уже на входе я почувствовала магию мощных амулетов стазиса, кои чаще всего используют для длительного поддержания продуктов в свежем виде. Моя душа реставратора потребовала проверить уровень чар редких вещей, я не удержалась и протянула руку к артефакту. Каково же было моё удивление, когда я поняла, что амулеты сильны настолько, что ими могли бы воспользоваться даже лекари для поддержания жизни больного. М-да, судя по количеству продуктов и качеству амулетов стазиса, в этом доме можно было бы легко прожить целый год, не общаясь с внешним миром. Это открытие заставило меня понервничать, но я постаралась отогнать непрошенные мысли.

Ещё одним неприятным сюрпризом стало то, что в той спальне, где я очнулась, нашла целый гардероб со множеством платьев, штанов и даже блуз моего размера. Очевидно, Кристофер с самого начала не сомневался, что я соглашусь на его предложение обучаться ментальной магии и останусь жить в этом доме.

Я плюнула на гордость и сразу же переоделась в первые попавшиеся штаны и блузу с максимально высоким горлом, ведь на мне всё ещё было надето то самое воздушное платье цвета шампанского с низким лифом, правда изрядно помятое и местами даже испачканное. «Наверняка, пока я была без сознания, Кристофер уже вдоволь налюбовался, а возможно, даже и потрогал все интересующие его

части моего тела», – с глухим чувством досады подумала я. Планируя «убийство» своего супруга, я как-то не взяла в расчёт то, что меня могут оглушить атакующими чарами, или что мне придётся путешествовать на руках Дарси. В то же время я вспомнила, что за весь осмотр целителем, Ортего ни разу не позволил себе скользнуть и взглядом ниже моего подбородка. Накатила благодарность к этому приятному мужчине. «И как только настолько разные люди, как Кристофер и Ортего, могут быть друзьями?» – покачала я головой, вспомнив, как по-дружески они обращались друг к другу «Крис» и «Орте».

Уже стягивая платье с себя, я нащупала пальцами в кармане что-то небольшое, твёрдое и теплое. С искренним удивлением достав вещь из потайного кармана, я узнала тот самый компас из красной вишни, который когда-то увидела на полке среди макетов кораблей в особняке Ашенхая. На душе вдруг стало тепло и уютно. Машинально открыла крышку и посмотрела. Компас так же, как и в прошлый раз, не работал, стрелка его крупно дрожала, а из-под крышки выпал крошечный кусочек бумаги с короткой запиской: *«Последние дни были самыми счастливыми в моей жизни»*.

Записка меня растрогала. Какой же Оберан всё-таки милый, оставил на память о себе свой компас и даже не поленился написать несколько слов! Как он только догадался, что именно этой вещью я восхищалась, пока он переодевал рубашку? Удивительно внимательный и чуткий мужчина! Надеюсь, он сможет счастливо начать свою новую жизнь где-нибудь в Цариссии или Фрелании. Всё ещё улыбаясь, я тщательно сложила записку в компас и спрятала его на дне шкафа. Это был внезапный душевный порыв, ничего более. Что-то мне подсказывало, что, если я оставлю его при себе, то Кристофер найдёт его и совершенно не обрадуется находке.

Вернувшись мыслями к Дарси, меня неожиданно царапнуло понимание, что ему нужен мой потенциальный дар, а не я сама. И даже сегодня утром, когда я очнулась от забытья на кровати, между поцелуем и информацией о том, как я узнала его под личиной Феликса, он выбрал столь ценную для него информацию. Сразу же вспомнился Оберан, его безграничное ко мне доверие и вера в мои способности, вспомнилось и то, как он с лёгкостью позволил нанести себе удар кинжалом практически в сердце, а несколькими днями до этого, поймав меня на лестнице с нарисованным синяком на скуле, был готов вызвать неизвестного на дуэль. Я с грустью посмотрела на то место, где раньше у меня находилась золотая татуировка, и поняла, что скучаю по супругу. И плевать, что мы собирались разводиться. Сердце сжалось от понимания, что больше никогда не увижу его. Такого родного, с крупными передними зубами и очаровательной ямочкой на подбородке, чуть худощавого, но при этом с потрясающе сильными мышцами пресса. Вспомнила, как ударила об него при падении, потёрла лоб и улыбнулась.

Оберан понимал меня с полуслова, несмотря на то, что мы так мало провели времени вместе, он доверял мне, а я ему. Он поверил мне на слово, что я не беременна, не стал задавать лишних вопросов про то, как я собираюсь уговорить Эдварда взять вместо десяти тысяч золотых бумаги на владение торговлей специями, вёл себя уважительно даже тогда, когда думал, что я бордельная девка. Я же поверила, что он сможет добыть золотой браслет-близнец в замке Дарси, и Оберан каким-то чудом, не обладая магией, смог это сделать. Я вдруг поняла, что с самого момента знакомства с супругом мы были с ним как будто единым целым, выступая одним фронтом против всех свалившихся на нас неприятностей. Мы оба старательно прятали информацию о том, при каких обстоятельствах поженились, играли влюблённую пару перед Горданом, а затем и перед рядовым магвмешем. Именно супруг ворвался в мою спальню среди ночи и спас меня от Эдварда, намеревавшегося как минимум сломать мне нос. И он же, не стеснясь и не утаивая от меня правду, признался, что всё рассказал Ванессе, и попросил от меня помощи. И пускай его исповедь Ванессе была очевидной глупостью, Оберан набрался храбрости и пришёл ко мне, посчитав меня единственным человеком, кому он может доверять. Подкупало его отношение.

Я вздохнула и решила, что надо придумать план действий. Как назло, в голову совершенно ничего не приходило. Ещё раз бросив взгляд на салатные листья каштана, что нагло влезли в спальню дома Кристофера, и на весёлые солнечные зайчики, я решила прогуляться. В конце концов, Дарси не говорил, что я обязана сидеть в доме.

К сожалению, мои предположения о месте расположения личного жилья Кристофера Дарси полностью оправдались. Я отошла достаточно далеко от дома и нашла всего лишь несколько грибов, пару кустов с малиной, шумную бурлящую речку с чистой водой да приметную лысую полянку. Всё остальное было сплошным лесным массивом. Понятия не имею, как среди леса образовалась поляна без деревьев и кустарников, но она была. Какое-то время я подставляла своё лицо солнышку и грелась в его лучах, а когда оно стало клониться к горизонту, тяжело вздохнула и потопала в дом, а точнее сразу в погреб, чтобы захватить чего-нибудь съестного.

После прогулки на свежем воздухе аппетит разыгрался не на шутку. Я взяла в руки головку твёрдого сыра, сверху положила хрустящий батон хлеба и крынку сметаны, откопала в закромах картошку, какие-то соленья, убрала в подмышку палку колбасы в шуршащей обёртке, зубами прихватила пучок зелени. Ленту сосисок пришлось намотать на шею в три слоя наподобие длинных бус, чтобы хоть как-то донести всё это до кухни, совмещённой со столовой. Именно такая, встрёпанная после залезания на верхние полки стеллажей, чертыхающаяся сквозь сжатые зубы,

так как разжимать нельзя, иначе зелень упадёт, в украшении из сосисок я оглушительно завизжала, когда покачнулась на ступеньках, и кто-то заботливо меня поддержал, не давая упасть.

Конечно же, уже секундой или двумя спустя я поняла, что это обжигающе горячие руки Кристофера дотронулись до моей спины. Сердце колотилось от пережитого испуга, а когда мужчина медленно наклонился, смотря прямо в мои глаза, я думала, что оно не выдержит и вовсе. Однако в ярких глазах Дарси лишь промелькнули искорки смеха, он легонько провёл кончиками пальцев через ткань блузы вдоль моего позвоночника, а затем с невозмутимым видом взял всю мою поклажу и галантно пропустил вперёд.

– Не знал, что так легко напугать девушку, хладнокровно воткнувшую кинжал в грудь супруга, – насмешливо произнёс он.

– В амулет на груди супруга, – сказала я, нервно поправляя свою блузу, и не смогла не отметить, что мой голос предательски охрип.

Кристофер сложил все продукты на стол и сам принялся за готовку ужина. Мне оставалось лишь удивлённо хлопать глазами, наблюдая, как он ловко всё нарезает и раскладывает по тарелкам, а затем принимается за чистку картошки. Меньше всего образ влиятельного ректора академии, властного менталиста с хищными чертами лица у меня ассоциировался с мужчиной, который сейчас занимался нашим ужином.

– Никогда бы не думала, что стану свидетельницей того, как ректор Магической Академии Ментальной Магии будет накрывать для меня стол, – ляпнула я вслух, прежде чем подумала, что и кому говорю.

Кристофер широко улыбнулся мне и ответил в тон:

– Никогда бы не подумал, что стану свидетелем того, как невеста с самым большим приданым на весь Штолле, а быть может, и на весь Таршер, в качестве украшения наматывает на свою изящную шею ленту сосисок в три ряда.

Я покраснела. М-да. Уел, что называется. Даже и ответить нечего. Смущённая его словами, я оглядела кухню, которая была объединена в этом доме со столовой, и отошла к большому кирпичному камину. Формирование заклинания для разведения огня в жилище вытеснило в моей голове возникшее чувство неловкости. В животе заурчало. Я вспомнила, что последний раз ела уже очень и очень давно. После исцеления Ортего есть не хотелось, днём я была слишком увлечена изучением дома и его окрестностями, а вот сейчас вдруг осознала, насколько сильно проголодалась за весь день.

В тот момент, когда у меня желудок издал повторный громкий звук, я обернулась к столу, но, как оказалось, Кристофер уже стоял за моей спиной с тарелкой нарезанного сыра. Даже не спрашивая, он приложил кусочек сыра к моим губам, воспользовавшись тем, что я ещё не стряхнула нити огненного заклинания с пальцев.

– Я не хочу, – панически воскликнула, но желудок предательски издал очередную трель.

В глазах Кристофера заплясали искры смеха.

– Неужели ты меня боишься, Габриэлла? Или думаешь, что еда отравлена? – произнёс он, слегка надавливая на мою нижнюю губу.

Заворожённо глядя в салатные зрачки, я послушно проглотила кусочек предложенного сыра и почувствовала остро-пряное послевкусие на языке. Такое же остро-пряное, каким был и сам Кристофер Дарси. Мужчина провёл шершавым пальцем по моим слегка приоткрытым губам, а я осознала, что это самый возбуждающий ужин в моей жизни. И говоря слово «возбуждающий», я имею в виду не в смысле «возбуждающий аппетит», а в самом прямом смысле этого слова. Кристофер провёл большим пальцем к уголку моих губ, а затем на моих глазах облизал его со словами:

– У тебя здесь крошка осталась.

От этого действия и тембра его голоса я вдруг оцепенела и поняла... что уже давно где-то потеряла свой ментальный щит, а Кристофер нахально этим пользуется и лыбится! Нет, ну каков наглец! Да он же прекрасно читал всё, о чём я думала последние минуты, и в каких позах уже успела представить себя и ректора академии. Стекланный купол был возведён за долю секунды, а ещё спустя пару – и мощная каменная стена. «Такую завоевать будет непросто, ох как непросто, помани моё слово», – всплыли слова Ортего в мой адрес из диалога с менталистом. Тогда я не придавала им значения, решив, что это нездоровая фантазия целителя, но сейчас я иначе отнеслась к ним. Да Кристофер же это воспринял как вызов старого друга его мужскому самолюбию!

– Вина? – предложил Дарси.

Для того чтобы сосредоточиться и возвести ментальную стену, мне всё-таки потребовалось закрыть глаза. Я была уверена, что прошло буквально несколько мгновений, пока я стояла с закрытыми глазами, однако за это время Кристофер уже успел поставить тарелку с сыром на каминную полку и взять оттуда бокал с рубиновой жидкостью. Поэтому, когда я распахнула ресницы, чтобы произнести гневную отповедь кое-кому, кто без зазрения совести шурует по чужим мыслям, и с негодованием взмахнуть руками, я столкнулась с бокалом Кристофера, и алая жидкость щедро окропила его сорочку.

«Ой, неудобно как-то получилось, вот же я неуклюжая!» – пронеслась первая мысль в голове.

Кристофер же, загадочно улыбаясь, стал медленно расстёгивать пуговицы на своей рубашке, а в его глазах отражались всполохи огня от камина, отчего они казались совсем уже нереальными и магнетическими.

– Что... ты... делаешь? – прохрипела я внезапно осипшим голосом.

А отчего охрипнуть, честно говоря, было. Нет, я видела мужской торс до этого. Эдвард был весьма хорошо сложен, а торс Оберана я вообще чуть слюнями не закапала, пока он лежал без сознания в столовой своего особняка, но Кристофер... Такого образца мужественности видеть мне ещё ни разу не приходилось: крепкие широкие плечи, мощная грудь, литые мышцы рук и живота...

Я глубоко вздохнула, попыталась успокоить разбушевавшиеся гормоны и сосредоточилась на ментальном щите, прекрасно понимая, что Кристофер меня провоцирует.

– Разве не этого ты хотела, выплеснув на меня вино? – невинно ответил мужчина, а у меня зубы свело от этого наглого ответа. – Поверь, ты могла бы просто попросить, и я бы для тебя разделся.

– Не сомневаюсь, наверняка это не раз просили твои ученицы, – язвительно ответила я, не оставаясь в долгу.

Кристофер лишь усмехнулся моему ответу, кинул сорочку прямо в камин и развернулся к шкафу у противоположенной стены. Пока он доставал чистую рубашку, я скользнула взглядом по его спине и вновь замерла. Загорелая кожа на спине в районе лопаток темнела от огромных уродливых шрамов, как будто Кристофера неоднократно резали ржавым тупым ножом по живому, дожидались, когда края раны стянутся, а затем вновь резали.

– Это что? – выдохнула я, потрясённая до глубины души.

Кристофер обернулся и недовольно дёрнул щекой, беря новую сорочку из шкафа. Он явно рассчитывал, что его слова заставят меня смутиться, и я отведу глаза, таким образом не заметив шрамов. Но я их заметила.

– Неважно, – прохладно произнёс он. – Это не имеет значения для нашего сегодняшнего вечера.

«Не имеет, так не имеет», – подумала я и не стала настаивать. Всё-таки Кристофер Дарси был не тем человеком, которого можно заставить отвечать против его воли. После этого вопроса градус наших отношений за ужином к моему облегчению снизился, и я смогла дышать свободно, больше не затаивая дыхание от провокационных действий или двусмысленных фраз Кристофера.

Мы приступили к ужину, который, к моему удивлению, оказался очень вкусным. Беседа потекла ни о чём и сразу обо всём на свете. С Кристофером было приятно общаться. Как ректор Магической Академии Ментальной Магии и светский человек он знал многое: от легенд про артефакты с уникальными свойствами до забавных историй о том, как Его Величество просидел целую ночь в запасном коридоре для слуг, потому что отправился на разведку в таверну, переодевшись в крестьянина. Ревнивая королева заподозрила супруга в неверности и собрала фрейлин в качестве свидетельниц в их общей спальне, чтобы обвинить короля, когда он вернётся. В итоге король просто не мог переодеться в свою мантию, потому что ему пришлось бы сознаться в том, что время от времени он ходит по Штолле в образе крестьянина. Я долго смеялась над этой историей, и мне никак не верилось, что Его Величество мог целую ночь провести стоя в коридоре для слуг.

Когда я отсмеялась, Кристофер неожиданно спросил:

– Расскажешь мне, как так вышло, что ты не сдавала экзамены на ориентацию дара?

Я вспомнила ту историю, что бургомистр был должен моему отцу за ввоз незаконных наркотических трав. Рассказывать такое Кристоферу не хотелось, но, с другой стороны, Леон Трейтс уже давно на пути в Мустафанию, и ему ничего не станет за прошлые дела. Жена Арона Вольтсманга умерла несколько лет назад от аурелии, и даже с этой стороны к истории не подкопаешься, уличив её в употреблении наркотических трав.

– Расскажу, – внезапно решила я. – Но только если ты расскажешь, откуда у тебя шрамы на спине.

Кристофер с каким-то непонятным выражением лица долго смотрел на меня, а затем вздохнул и произнёс:

– Нет, к сожалению, этого я рассказать тебе не могу. Может быть, тебя интересует ещё что-то? Я готов поделиться какой угодно информацией, кроме ответа на этот вопрос, чтобы узнать, как ты смогла обхитрить приёмную комиссию Штолле. В конце концов, быть может, не одна ты догадалась до такого обходного пути, и Таршер наводняют потенциальные маги-менталисты, о существовании которых я не в курсе.

Я призадумалась. То, почему Кристофера так сильно интересовало, как я обошла экзамен, мне было понятно. Вот только какую равноценную информацию попросить взамен этой истории? Интриги дворца меня не интересуют... древние знания? Да Кристофер и так собрался делать из меня менталиста, а потому, я уверена, что он даст мне всё то, что посчитает необходимым. Хм-м-м-м... Внезапно в голове вновь всплыли слова из диалога Кристофера и Ортего, пока они думали, что я всё ещё лежу без сознания.

– А почему ты сказал Ортего, что мог бы убить моего супруга лично на глазах всего высшего света, и это тебе сошло бы с рук? – спросила я.

Кристофер импульсивно сжал пальцы в кулак так, что побелели костяшки. Да, похоже, он действительно не рассчитывал, что те слова, сказанные в запале раздражения Оберану, дойдут до моих ушей. Молчание затягивалось. Я уже думала, что Кристофер не ответит, как внезапно услышала его тихий голос:

– Что ж, раз такова цена за твою историю, я отвечу на вопрос. Как ты могла заметить, я – менталист. Сильнейший из всех менталистов в Таршере.

«И точно не страдающий излишней скромностью», – скептически подумала я.

Кристофер увидел моё выражение лица и усмехнулся:

– Сильнейший, – повторил он безапелляционно. – И при желании я могу влёгкую сломать твой ментальный щит и узнать всё, что меня интересует. Собственно, так обычно и поступаю, когда речь идёт о преступниках или убийцах. Чаще всего это приводит к выгоранию дара и мозга. – Я содрогнулась при таком откровенном ответе, но постаралась не выдать неаккуратным движением дрожь своего тела. Однако Кристофер всё равно заметил мою реакцию. – Если человек не является магом, то чтение его мыслей и памяти не приводит к настолько грустным последствиям. Он всего лишь слегнет на пару месяцев с тяжелой болезнью или головной болью, но потом обязательно восстановится.

«Угу, всего лишь на пару месяцев, подумаешь. А если человек в итоге оказался невиновным?» – хмыкнула я про себя, но вслух спорить с тем, что это аморально, не стала.

– Ломать твой ментальный щит я не стал, потому что не захотел делать тебе больно, – продолжил Кристофер.

Вот уж спасибо.

– Но я отвлёкся от ответа на твой вопрос. Являясь самым сильным менталистом в Таршере, я мог бы запросто заставить всех присутствующих забыть о том, что они видели, – закончил Кристофер.

Я невольно сглотнула и уточнила:

– А как же маги, которые там были?

– Среди высшего света нет сильных магов, а что касается менталистов, которые были на моём приёме, то, как понимаешь, все они окончили академию и являются моими бывшими учениками. Им не понадобилось бы стирать память, просто потому что они верны мне.

– Ты так уверен в своих учениках? – удивилась я.

– Да, – кивнул Кристофер, – абсолютно.

М-да, не зря ходят слухи о том, что выпускники академии готовы молиться на своего ректора. Что ж, лишний раз убеждаюсь в том, как я правильно поступила, бросив лекции ещё в самом начале обучения.

– Габи, теперь твоя очередь, – любезно напомнил мне Кристофер.

Я набрала в грудь побольше воздуха и стала рассказывать. Рассказала и о болезни жены Арона, и об

обезболивающим эффекте наркотических трав, и о том, что по приказу бургомистра мне выдали разрешение на посещение Штольского Магического Университета, потому что Арон и Леон, изрядно промолив горло, решили, будто отсутствие мотивации в виде экзаменаторов отобьёт у меня охоту учиться. Я даже сказала, что принять меня официально в университет или академию всё равно не смогли бы, так как на самом деле мои документы о рождении подделка, и мой настоящий отец далеко не конюх, а вообще неизвестно кто. Леон Трейтс просто очень хотел сделать меня счастливой, а потому пошёл на не слишком законное удочерение меня.

Кристофер задумчиво кивал, задавал вопросы. Неожиданно сильнее всего в моём повествовании его заинтересовало то, какие именно запрещённые наркотические травы ввозил мой отчим. Он даже уточнил, пробовала ли я их сама, наблюдался ли обезболивающий эффект только у жены Арона, больной аурелией, или же есть ещё какие-то данные. Я лишь пожала плечами, не припомнив, кто ещё пробовал эти травы, кроме меня. Название я тоже, к сожалению, вспомнить не смогла, что заметно расстроило Кристофера, однако я уточнила, что точно вспомню их по запаху. Что-то, а моё обоняние ещё ни разу в жизни меня не подводило, да и память на запахи у меня была отменная. Как-никак дочь торговца специями и пряностями.

Незаметно поздний вечер стал перетекать в раннюю ночь. То ли лечение Ортего Орелло на меня повлияло, то ли свежий лесной воздух, то ли золотое вино, которое Кристофер неожиданно откуда-то достал, но через некоторое время разговоров ни о чём я вдруг почувствовала, что впервые расслабляюсь. Впервые после очень и очень долгого времени. Ещё несколько дней назад я мастерила артефакт летаргического сна, продумывала, как облапошить Эдварда, вывести из-под удара Леона...

Я откинулась на спинку кресла и с удовольствием наблюдала за тем, как Кристофер неторопливым плавным движением открывает вторую бутылку вина и разливает его по бокалам. Дарси закатал рукава своей сорочки, и я отчётливо видела его сильные руки, на которых перекачивались мышцы и проступали вены, когда он сжимал предметы. Забавно складывается жизнь: неделю назад я была уверена, что выйду замуж за Эдварда, несколько дней назад я стала женой Оберана Ашенхая в увеселительном заведении «Райский остров», а сейчас я вдова и живу в личном доме самого Кристофера Дарси, ректора Магической Академии Ментальной Магии, и мечтаю о том, чтобы вернуться к прежней размеренной жизни.

– О чём думаешь? – внезапно вывел меня голос Кристофера из собственных мыслей.

Я не знала, что ему ответить, а потому пожала плечами.

– Да так, обо всём понемногу. Расскажи, как ты собираешься возвращать меня в Штолле, если отныне я буйно помешанная убийца собственного мужа? – неожиданно пришло мне в голову.

– Ох, Габриэлла, – Кристофер рассмеялся, – с тобой палец в рот не клади, умеешь ты задавать вопросы. А с чего ты взяла, что я собираюсь возвращать тебя в Штолле?

«Занимательно, то же самое я подумала о нём, когда он был под иллюзорными чарами и изображал из себя рядового магвмеша Феликса», – отстранённо отметила про себя, но вслух сказала:

– Ну, рано или поздно ты всё равно меня вернёшь хоть куда-нибудь. В Штолле логичнее всего – это столица Таршера, и именно в ней располагает академия, в которой ты являешься ректором.

Свои наблюдения о том, что в погребке еды хватит на целый год, а если учесть еду, которую можно найти в лесу, то ещё и больше, я озвучивать не стала.

Кристофер внимательно посмотрел на меня поверх бокала с вином, улыбнулся краешком рта и ответил:

– Всё-таки зря я не пошёл в своё время на конфликт с бургомистром города и не потребовал официальной проверки твоего дара. У тебя слишком острый ум, и я искренне жалею об утерянном времени. Сейчас бы из тебя вышел превосходный специалист своего дела.

– Я и так превосходный специалист в **своём** деле, – упрямо возразила я. – И я ничуть не жалею, что выбрала работу консультантом-реставратором.

Кристофер едва заметно покачал головой, но спорить со мной не стал. Да и к чему?

– Я сегодня был в Штолле, улаживал дела на ближайший месяц, чтобы полностью посвятить свободное время **нашим занятиям**, – произнёс он тягуче, неотрывно глядя на меня, а я вдруг почувствовала, как остановилось моё дыхание.

Вроде ничего такого и не сказал Дарси, а мне стало жарко. Или это алкоголь так на меня влияет? Неужели Дарси принялся вновь проверять устойчивость моего ментального щита? Один раз у него уже получилось так отвлечь моё внимание, чтобы щит пал. Или же он вновь решил попробовать

завоевать меня как женщину, чтобы доказать Ортего, что тот был не прав?

– Что касается того, как я буду тебя возвращать в Штолле, то после твоей выходки на приеме в моём замке у меня осталось всего два варианта. Либо объявить, что ты не смогла пережить атаку боевыми чарами, на которые напросилась сама же, когда проявила сопротивление при аресте. – Он сделал паузу, а я хмыкнула. Ну-ну. Сопротивление. Теперь это так называется. – В таком случае у меня может неожиданно найтись давно потерянная дальняя родственница, скажем, Габриэлла Талленс. Либо Габриэлла Ашенхай, в девичестве Трейтс, проведёт несколько месяцев под присмотром профессионалов, которые смогут вылечить её сумасшествие. Сам целитель королевы освидетельствует её вменяемость спустя некоторое время по возвращении в Штолле. Старине Ортего даже лукавить ради меня не понадобится, ведь ты никогда не была сумасшедшей.

Я медленно вскипала, пытаюсь удержать ярость. Как быстро, однако, Кристофер всё продумал и даже приготовил запасной вариант! И почему мне кажется, что он не впервые так легко придумывает для кого-то другую личность, действуя в обход всем законам? А моё мнение, по всей видимости, на этот счёт его совершенно не интересует. Ну да, зачем Сильнейшему-Ректору-по-Ментальной-Магии вообще интересоваться мнением какой-то мошки!

– Позвольте спросить... – От злости я сбилась на «вы», но Дарси тут же меня перебил, не заметив, какую бурную реакцию вызвали его слова.

– «Позволь». Габи, мне будет приятнее, если ты будешь обращаться ко мне на «ты». Как-никак мы живём в одном доме, мне кажется, нет смысла придерживаться светских условностей.

Я скрипнула зубами. Вот так просто Кристофер напомнил мне, что мы ночуем под одной крышей. Конечно, я не раз ночевала в одной квартире с Эдвардом, но я сама разрешала ему у себя остаться, причём всё изначально шло к нашей свадьбе. В особняке Оберана я оставалась жить на правах супруги опять же по собственному желанию, насильно меня никто не держал. Меня не сильно заботило, что в глазах света я буду любовницей Кристофера, если кто-то узнает о том, что мы живём вместе, ведь я уже его «бывшая пассия» благодаря той сплетне, что сочинил этот невыносимый тип. Меня напрягало то, что я вынуждена это делать потому, что **он** так решил.

– Позволь спросить, – поправила я, сдерживая внутренний порыв наорать на этого напыщенного типа, – почему ты так уверен, что я буду учиться у тебя ментальной магии?

Улыбка Кристофера сошла с лица, он резко посерьёзnel.

– Габи, мне казалось, мы это уже проходили, – я вскинулась было, чтобы возразить, но Дарси поднял руку, показывая, чтобы его не перебивали, и я послушно замолчала. – Я в курсе, что ты ловко передала торговлю пряностями и специями своему бывшему жениху Эдварду. И я даже в курсе того, что Леон Трейтс, несмотря на моё распоряжение не выпускать его из столицы, покинул Штолле на купеческом корабле. Мои люди уже выяснили, как хитро ты обвела портовую охрану вокруг пальца, и поверь, я был очень разозлён, но при этом одновременно и восхищён твоей смекалкой. Передать таким образом права на добычу самоцветов от Оберана к Леону – воистину гениальная затея. Гордан ан Бакшах даже позеленел от злости, когда я ему рассказал о твоей афере. Но в любом случае, теперь тебе некуда податься и нечего делать в Таршере. Максимум, что ты можешь, – начать новый бизнес по реставрации артефактов в другом городишке, но с нуля, без капиталов отца и назвавшись чужим именем. Я верю, что твой опыт и талант прокормят тебя, но всё же это будет далеко не тот уровень жизни, к которому привыкла приёмная дочь Леона Трейтса, самого успешного торговца пряностями и специями в столице Таршера. Я уже не говорю о том, что клиентов в менее населённых городах меньше. Ты умная девушка, и я уверен, что, поразмыслив, придёшь к правильному решению. Я предлагаю тебе самый лучший вариант из сложившейся ситуации.

Мне было до обидного больно слышать эти слова. Безумно сильно задела характеристика «приёмная дочь Леона Трейтса, самого успешного торговца пряностями и специями в столице Таршера». Много лет потенциальные женихи, приходя в наш дом на так называемые дружеские обеды или ужины, оценивали меня по размеру приданого. Их не сильно смущала ни моя внешность, ни возраст, ведь Леон обещал отдать за меня воистину колоссальные деньги. Но это было гадко и неприятно. Я так мечтала, чтобы хоть кто-то увидел во мне меня, а не деньги отца... Возможно, это стало ещё одной причиной, почему я переехала из отчего дома, сняла отдельную квартиру и стала зарабатывать себе на жизнь в артефактной лавке. Мне хотелось стать самой обычной девушкой без богатенького отчима. Я искренне люблю Леона, но своей заботой он в какой-то момент стал делать мне лишь хуже. Объявив о моём приданом, которое год от года только увеличивалось, и, приводя в дом сыновей деловых партнёров, Леон занижал мою самооценку, пока не растоптал её. Скорее всего, именно поэтому, когда Оберан увидел во мне бордельную девку без состояния семьи и рода, я обрадовалась. По крайней мере, я была уверена на тот момент, что если и понравлюсь ему, то это буду я сама, а не деньги моего отчима.

И вот сейчас, по сути не сказав ничего такого, Кристофер, сам того не понимая, умудрился глубоко

меня ранить. Уже второй раз он подчеркнул моё материальное состояние. И если замечание про украшение из сосисок на шее было шуточным, то в этот раз он говорил абсолютно серьёзно.

Возможно, Кристофер и был прав, но это не делало его слова менее обидными. А ведь это *он* поставил меня в эту безвыходную ситуацию! *Он* меня шантажировал делами отца, *он* сейчас фактически запер меня в собственном доме, *он* же испортил мою репутацию и назвал своей бывшей любовницей в угоду собственному желанию, так что отныне мне будет крайне стыдно называться Габриэлла Трейтс. Конечно, голос разума робко шептал о том, что всё, что сделал Кристофер, вполне логично и понятно. Но вдруг до безумия захотелось осадить этого мужчину, совершить что-то непредсказуемое, непредвиденное... Такое, чтобы Дарси поменял своё мнение на мой счёт.

По-видимому, выражение моего лица как-то изменилось, так как Кристофер сосредоточился, а через мгновение мощная тяжёлая волна накатила на мой ментальный щит. Не знаю, как долго мы сидели и смотрели в глаза друг другу, но я почувствовала, как вспотела, а блуза неприятно прилипла к влажной спине. Меня начало мелко потряхивать, я вцепилась до побелевших косточек пальцев в подлокотники кресла, но не могла отвести глаз от зелёных радужек Кристофера. В какой-то момент Дарси моргнул и отвёл взгляд:

– Молодец, щит держишь хорошо. Но тебе над ним ещё работать и работать, шатается. А что касается твоего будущего, то я склоняюсь к тому, что у меня всё-таки появится дальняя родственница Габриэлла Тарленнс. – Он ещё раз прищурился, оглядев меня. – Да, когда я с тобой закончу, ты будешь мало походить на Габриэllu Трейтс.

Вот это стало последней каплей. Двуликий Бес! Да какого дьявола он себе позволяет?! Мало ему было растоптать мою жизнь, похитить, принудить, так он теперь похоронить моё доброе имя собирается! Слепить новую Габриэllu, которая будет подходить ему и удовлетворять все его запросы! Да он уже фактически приступил к моим тренировкам, начав на то, что мне неприятно это давление на щит, и я не хочу становиться менталистом! А главное – как ловко он всё это подаёт под соусом того, что якобы у меня нет выбора, и он желает мне лишь самого лучшего! Хитроумный лицемер! Да женихи, которых приводил в дом Леон Трейтс, были в тысячу раз честнее, откровенно заявляя, что им от меня нужно лишь моё приданое. Весь этот флирт и намёки на то, что я его интересую как женщина, выведенного яйца не стоят! Всё это время этот донельзя самоуверенный тип проверял меня и мои личные качества: подойду я ему или нет? Высокомерный, напыщенный и самовлюблённый ослоух!

Внутренняя волна протеста достигла апогея, трансформируясь в жгучее желание надовать этому человеку хлёстких пощёчин. Несмотря на выпитый алкоголь, я вскочила с места, резко опрокинув кресло, на котором ещё не так давно удобно сидела.

– Ты, Кристофер Дарси, мерзкий человек, который привык действовать силой, обманом и запугиванием. Твои методы мне противны, как и ты сам!

Кристофер поменялся в лице, заиграл желваками. Кажется, его тонкая натура не привыкла к тому, чтобы его оскорбляли? Неужели я смогла удивить этот прекрасный образчик светской учтивости и эталонного ментального дара? Ха! То ли ещё будет!

– Габриэлла, прекрати немедленно! Какая тебе разница, с какой фамилией ходить: Трейтс, Талленс... Вчера ты вообще была Ашенхай. А что касается твоего обучения ментальной магии, то это уже решённый вопрос.

– Решённый?! – взвизгнула я. Нет, вы только посмотрите на него! Он всё решил, значит, вопрос решённый. – А то, что я не хотела и не хочу всего этого, то, что из-за тебя я больше никогда не увижусь с единственным родным человеком, это тебя вообще не волнует?

Кристофер встал из-за стола и подошёл ко мне, пытаясь успокоить. Но его сильная и ладная фигура, которой я несколько часов назад восхищалась, вдруг подействовала на меня как красная тряпка на быка.

– Что, ментально пробить щит не получилось, решил усмирить силой? – ядовито хмыкнула, видя, как он ко мне медленно приближается, словно опасный хищник, понимая, что мы в разных весовых категориях. Кристофер при желании может скрутить меня одной левой.

– Я не бью женщин, – уже глухо прорычал мужчина, явно взбешённый моим поведением.

– Ой, а те два удара боевыми чарами в особняке Оберана были дружескими объятиями? – ехидно спросила я, сузив глаза.

– Это было в образе Феликса Турроски... Клянусь, да если бы я знал, что ты определишь, что это был я, то никогда бы...

– Никогда бы не стал делать это лично, а попросил кого-нибудь из своих учеников, – злобно

прошипела, перебив его.

Ну, конечно! Зачем бить, если существуют боевые чары? А в целом, зачем боевые чары, если существует ментальная магия?

Мои руки непроизвольно сжались в кулаки с такой силой, что ногти до крови разодрали ладони. Я была настолько зла на этого негодяя, что даже не заметила, как свело пальцы судорогой. Но Кристофер каким-то образом увидел это:

– Габи, прекрати, у тебя кровь!

Я не чувствовала боли и не понимала, какая ему разница: идёт у меня кровь или нет? Что ещё за демонстративная игра в благородство после всего того, что он сделал?

– А то что? – обманчиво спокойно спросила я, лишь сильнее впиваясь ногтями в собственные ладони. – Ты меня запрёшь в этом доме? Посадишь моего отчима в тюрьму? Отберёшь у меня артефактную лавку? Заставишь меня заниматься с тобой ментальной магией? О-о-о-.... Дайте-ка подумать! Ты ничего этого не сделаешь, потому что уже сделал!

Кристофер смотрел на меня, не отрывая своих неестественно зелёных глаз, в которых плескалось бешенство, но повторил гораздо спокойнее:

– Габи, пожалуйста, успокойся.

И внезапно я осознала, что в свои слова он вплетает ментальный приказ. Он приказывал мне успокоиться! Приказывал! Мне! Да лучше бы ударил! Я не выдержала, резко размахнулась и со всей силы дала ему кулаком в нос. Зрительный контакт прервался, давление на мой щит прекратилось, а я развернулась и, гордо вскинув голову, покинула комнату дома, направившись в свою спальню. Я даже не взглянула на то, как Кристофер, приглушённо выругавшись, схватился за свой нос.

Так ему и надо, ублюдку. Рассчитывал, что со мной будет легко? Что я, как послушная собачка или как его студентки, теряя слюни, буду повторять за ним каждое слово и молиться на него?! Как бы ни так! Меня всю трясло от ссоры с Кристофером, и я не знала, куда деть дрожащие руки. Почему-то я была уверена, что после случившегося Дарси до самого утра не осмелится постучать в мою комнату. Но это понимание не добавляло мне спокойствия. Ведь рано или поздно Кристофер всё равно перекроит Габриэлла Трейтс на Габриэлла Талленс. Он действительно сильный ментальный маг и обучил не одну сотню магов, глупо будет отрицать сей факт. Я постаралась не думать о плохом и отвлечься. В глазах стояли обжигающие слёзы, но я делала всё, чтобы не расплакаться.

За окном уже давно стемнело, а спать как-то не хотелось. Наверно, Ортего влил в меня действительно много магии, раз до сих пор я чувствую в себе столько энергии. Случайно взгляд зацепился за шкаф с вещами. Я подошла к нему и достала из самодельного тайника компас, который спрятала в него сегодня утром.

Вишнёвое дерево приятно грело руку и как будто бы проникало теплом в моё сердце. Я машинально откинула крышку компаса и с удивлением обнаружила, что стрелка завращалась, словно раздумывая, где находится север, и остановилась в конкретном направлении. На восток.

– Что? – пробормотала, опешив, и моргнула.

Всё-таки несколько слёз скатилось по моим щекам, но это было неважно, так как я вдруг поняла, что держу не обычный предмет, а самый что ни на есть настоящий магический артефакт. Компас по периметру светился мягким золотым светом, свидетельствующим лишь об одном: он был напитан древней уникальной магией. настолько древней, что в подлинности артефакта сомневаться не приходилось. Эта вещь определённо относилась к эпохе морских завоеваний и заселения материка, на котором теперь располагается Таршер. Я смахнула слёзы и увидела, как свечение меркнет. Точно! Вот почему я раньше не понимала, что передо мной магический артефакт, а не простой сувенир на память! В каком-то из пыльных фолиантов, взятых из университетского хранилища, я однажды прочла, что истинную магию древних можно увидеть лишь через призму настоящих чувств. Я с раздражением отбросила ту книгу, решив, что её просто неправильно перевели с языка руун... Всем известно, что каждая руна трактуется как минимум десятью, а то и пятнадцатью способами. Мне показалось написанное чушью, ошибкой переводчиков, но, как оказалось, я ошибалась. Слёзы дали мне увидеть золотое сияние вокруг компаса.

Я вновь взяла записку бывшего супруга в руки: *«Последние дни были самыми счастливыми в моей жизни»*. И неожиданно до меня вдруг всё стало доходить с очевидной ясностью. Оберан не просто так подложил мне этот компас в карман. Он надеялся, что однажды я захочу его вновь увидеть!

Древняя магия уникальна... Я была готова поспорить на всё что угодно, что этот компас укажет мне

путь к Оберану, если я того захочу. Я усмехнулась. Вот каким образом мой супруг так легко и быстро нашёл золотой браслет в замке Дарси. Только подумать! У меня в руках бесценный артефакт! Компас, который подскажет направление к любой желанной вещи или человеку на свете... Да за эту вещь многие бы отдали все свои богатства, да что там! Любой правитель, не раздумывая, отдал бы свой дворец за право обладания таким компасом! Ведь можно закрыть глаза и подумать о любом самом редком алмазе или драгоценном камне и найти его, можно отыскать лекарственные травы для тяжело заболевшего близкого человека, даже если они произрастают на другом материке, можно всю жизнь плавать на кораблях, минуя пиратов и штормы, можно... Сердце пропустило удар. При желании я могла бы отыскать своего настоящего отца и мать.

Мои руки вновь задрожали. Оберан вот так просто отдал мне компас, ничего не требуя взамен. Неужели... Неужели он хочет, чтобы я была с ним? Я судорожно сглотнула, не мигая и смотря на компас в своих руках. Мне казалось, что моргни я, и он исчезнет из моих ладоней. Оберан знал, что я артефактник и смогу разгадать истинную природу невзрачной на первый взгляд вещицы! И он молча спрятал его, чтобы я узнала о компасе лишь после того, как его самого объявят убитым. Он подозревал, что Дарси захочет просмотреть мою память или же в ярости сломает мой щит, а потому просто положил бесценный по своим свойствам артефакт в карман моего платья. Вот о чём он хотел поговорить тогда в карете, когда мы ехали на приём! Он хотел предложить мне не разводиться... И эта записка на самом деле имеет другой смысл. Он выразил в одной фразе то, что хотел бы сохранить наш брак, но окончательное слово остаётся за мной. Теперь всё стало на свои места.

На глаза вновь навернулись слёзы, но теперь уже от щемящего чувства тепла и благодарности к супругу. И плевать, что на моём запястье больше не было золотой брачной татуировки, я сердцем чувствовала, что нас связывает гораздо большее. Оберан подарил мне компас, надеясь, что я захочу к нему вернуться. Он ничего не требовал взамен своего бесценного подарка, не угрожал, не шантажировал и ни к чему меня не принуждал ментальной магией, а просто помог тогда, когда я попросила помощи. Я всхлипнула. Вдруг отчаянно захотелось прижаться к Оберану.

Недолго думая, я положила компас в карман своего платья, сдёрнула с одеяла пододеяльник, накидала в его центр несколько запасных тёплых кофт, пару штанов, сложила и само одеяло, а затем взяла пододеяльник за углы и завязала всё одним большим тюком. Очевидно, что за один переход до ближайшего поселения я не доберусь, но за пару – уж точно, а там уже можно будет и на постоялом дворе остаться ночевать. Откуда-то взявшаяся решительность подгоняла меня. Я чувствовала, что именно сейчас, когда поссорилась с Кристофером, у меня есть шанс сбежать из этого дома. Он уверен, что я отсюда никуда не денусь, а потому эту ночь проведёт в своей спальне, убеждённый, что я поступлю так же. Надо будет идти по тропинке с восточной стороны дома до рассвета, а затем свернуть в кусты и отоспаться в светлое время суток.

Я глубоко вдохнула и выдохнула, продумывая план побега из дома Дарси. Главное сейчас не попасться ему на глаза, а то он может прочесть мои мысли, опрокинув ментальный щит. Я соорудила какое-то подобие спящей девушки в кровати из одеял и подушек, накинула своё художество пледом и отошла в сторонку. А что, ничего так получилась подставная Габриэлла из подушек. Натуральненько! Может, мне надо было в скульпторы податься?

Для полноты картины переоделась в свежие штаны и блузу, изящно раскидав по полу ту одежду, в которой сегодня ужинала, чтобы создавалось впечатление, будто я раздевалась в плохом настроении. Подумала ещё немного, бросила взгляд за окно и надела удлинённую кофту поверх блузы. Выбрала в шкафу максимально прочную обувь на плоской подошве и на цыпочках проскользнула мимо спальни Кристофера. Оттуда раздавался такой грохот и чертыхания, что я даже не особенно-то боялась быть услышанной. «Поди ж ты, за свой великолепный нос переживает», – мстительно ухмыльнулась я и направилась к погребу с самодельным тюком из пододеяльника за спиной. Здесь я быструю накидала в свой тюк различных продуктов для небольшого похода, сняла с входной двери амулет стазиса. Задумалась и сняла ещё парочку, распахивая их по карманам брюк. Ну, а что? Денег у меня нет, а за лошадь в посёлке расплатиться чем-то надо будет. Кристофер не обеднеет, даже если я заберу все амулеты из погреба. Донельзя собой довольная, я выскользнула в прохладную темноту леса.

Первый час я шла бодрым шагом, сверяясь с компасом. В целом, тропинка виляла так, как указывала стрелка, лишь слегка отклоняясь от стрелки древнего механизма. Ничего, как из леса выйду, так сразу же путь и подкорректирую. Потрескивающий искусственным огнем светящийся шар далеко освещал мой путь. Во втором часу своего пешего похода я стала чувствовать, что как-то не привыкла к таким дальним расстояниям, да и вообще ноги уже болят, даже несмотря на то, что обувь удобная. Тюк начал отдавливать плечо, но я упрямо его несла, понимая, что это всё, что у меня есть. На третий час я четыре раза споткнулась о корни деревьев, почувствовала, что плечо совсем уже отваливается, сняла тюк и стала волочить его за собой. Да, устала, да, тяжело, но упрямства мне не занимать, это ещё мой отчим заметил. Если уж я что-то вбила себе в голову, значит, так тому и быть. К сожалению, часть моих магических сил занимал ещё и пылающий световой шар, но я даже пригнать его не рисковала, понимая, что тогда начну спотыкаться о внезапно появившиеся среди дороги ветки деревьев ещё чаще.

Через какое-то время начал накрапывать дождь, а затем он усилился. Небо потемнело настолько, что не было видно ни единой звезды, а от капель магический шар стал мерцать. Конечно, огонь в нём ненастоящий, но даже искусственному огню не нравится вертикальная стена воды. Я промокла достаточно быстро, потому что именно плащ и не взяла. Забыла как-то.

Холодная вода стекала по моему лицу и шее, противно заливалась под кофту. В ботинках давно хлюпало, а тюк за спиной основательно намок и набрал вес. Одежда внутри него мгновенно набрала влагу, и теперь уже я тащила его из последних сил, поминая Двудликого Беса и Небесную Деву. Очередной порыв резкого холодного ветра пробрал меня до костей. Я бросила вещи и обхватила себя руками. Холодно, ужасно холодно, несмотря на то, что сейчас лето. «Как же мне всё-таки не повезло с погодой. Это ж надо так, что именно в ту ночь, когда я решилась на побег, начался дождь. И почему мне всегда не везет?» – грустно подумала, и природа словно решила поиздеваться в ответ. Небо рассекла белая ломаная, на миг ослепительно вспыхнув, а затем раздался оглушающий грохот.

В тот момент, когда я думала, что ситуация – хуже не придумаешь, где-то далеко послышался одинокий душераздирающий вой волкойта, а через секунду его подхватили ещё несколько звериных глоток.

– Мамочки, – прошептала я севшим голосом и хлюпнула носом, потому себя вдруг стало очень жалко.

Небесная Дева с ней, с одеждой, да и с едой тоже. Тюк с громким шлепком упал на грязную от дождя землю, а я со всех ног бросилась бежать, стараясь не впасть в панику. Вой был далеко, возможно, дикие хищники меня не учуют, ко всему идёт дождь, а он смывает запахи...

Как бы ни так! В опровержение моих собственных рассуждений очередной протяжный вой раздался позади меня, но гораздо громче. Хищники приближались. Каким-то образом они учуяли меня даже через эту стену дождя. Я бежала так быстро, что мне казалось, сердце вот-вот не выдержит и выпрыгнет из груди.

Шаг, еще шаг, прыжок, коряга, шаг, спотыкаюсь, падаю, раздирая колени, но встаю и вновь бегу. И зачем этот ненормальный Дарси только построил дом в глухом лесу? Чем он вообще думал?! На какой-то миг мне показалось, что я смогла оторваться от стаи волкойотов, но именно в этот момент мне пришлось резко остановиться, потому что впереди в проблеске слабо светящегося магического шара я увидела силуэт огромного серого-коричневого ночного хищника. Больше метра в холке, длинная вытянутая морда с обнажёнными удлинёнными клыками, слюни, свалившийся от дождя мех, под которым видно мускулистое тело животного и выпирающие рёбра, красноречиво свидетельствующие о том, что волкойот голоден. В очередной вспышке молнии я смогла рассмотреть зверя до мельчайших деталей и подумала, что не стоило этого делать.

От увиденного стало как-то совсем уж не по себе, а ноги и руки против воли мелко задрожали. От дикого первобытного страха на всём теле волосы стали дыбом. Я оглянулась назад, но с той стороны тропинки целых три серые тени заняли свои места, перекрывая мне путь к отступлению.

– Брысь! – крикнула в слабой надежде, что, если не проявлять страха, волкойоты уйдут.

Куда там! Волкойот впереди завыл в предвкушении, приглашая собратьев присоединиться к ужину. Я медленно отступала к самому широкому дереву, которое зацепила периферийным зрением и судорожно вспоминала заклинания атакующих чар. К сожалению, знала я их не так много, а поддержание магического светильника на протяжении последних четырёх или пяти часов плюс физическая нагрузка меня изрядно вымотали. Звери медленно окружали меня полукругом, приближаясь и не спеша нападать. Они уже понимали, что поймали жертву и теперь наслаждались её ужасом.

Я мысленно пересчитала волкойотов. Один, два, три... семь, восемь, девять... одиннадцать. Сглотнула. Одиннадцать крупных диких хищников. Нет, я справилась бы с одним или двумя, да даже с четырьмя, но одиннадцать! Проклятый Кристофер Дарси, чтоб ему икалось во сне до конца жизни!

В этот момент самый крупный волкойот, тот, что пересёк мне дорогу, сделал резкий выпад вперёд. Я уже заранее приготовила атакующее заклинание, а потому швырнула его под ноги зверю. Судя по пронзительному визгу и омерзительному запаху палёной шерсти, тварюге хорошо досталось. Однако это ничуть не остановило оставшихся членов стаи. Когда их вожак отошёл, двое других сделали одновременный шаг вперёд.

Я с ужасом уставилась на двух хищников и судорожно стала плести очередное атакующее заклинание. Волкойт справа прыгнул на меня, а тот, что был слева, чуть помедлил, но секундой позднее присоединился к собрату. От испуга магический шар сорвался с моих пальцев раньше времени и лишь по касательной задел первого зверя. Однако этого хватило, чтобы он взвыл и

отпрыгнул в сторону. Сформировать заклинание для второго волкойота я просто не успевала, огромный дикий зверь несся на меня с невероятной скоростью и недвусмысленными намерениями сожрать. Я отчаянно зажмурилась и сползла по дереву на короточки, прекрасно понимая, что такой манёвр даст мне фору в одну, от силы две секунды. Судорожно бормоча про себя очередное заклинание, я прекрасно осознавала: не успею.

Секунда, две, три... И вместо того, чтобы почувствовать впивающиеся клыки и когти в мою нежную кожу, меня окатило чем-то липким, в нос мгновенно ударил металлический запах, а затем раздался полный боли вой волкойота. Я удивлённо распахнула глаза и увидела огромного человека-зверя, который в нескольких шагах передо мной сражался со стаей волкойотов. Две серо-коричневых шкуры бездыханно валялись на земле, а существо с огромными чёрными крыльями и гигантскими клинками, растущими прямо между костяшек пальцев, погрузило руку по локоть в третьего волкойота, осмелившегося подобраться к жертве сзади. Миг – существо развернулось ко мне лицом. Небо рассекла ослепительно яркая вспышка молнии. У меня остановилось дыхание. Разорванная в клочья рубашка и штаны, литые мускулы груди и рук, окровавленные клинки, гигантские крылья, отдалённо напоминающие птичьи, узкие вертикальные зрачки и неестественно зелёные радужки глаз... Я узнала бы Кристофера Дарси в любом облике.

Кристофер отвлёкся на меня, и это стало роковой ошибкой. Очередной волкойот впился своими смертоносными клыками в его ногу. Взмах странных клинков, берущих начало в теле Дарси, – и жалобный стон умирающего лесного хищника перекрывает очередной раскат грома. Всё, что было дальше, смешалось в одну страшную картину. Звери нападали на Кристофера по двое или по трое, а он защищался и раскидывал их в стороны, стараясь прикрыть меня. Я хотела помочь, даже сформировала заклинание, но тела животных мелькали перед глазами, всё происходило настолько быстро, что я боялась промахнуться и попасть в своего защитника. Лишь раз я бросила атакующий шар в волкойота, оказавшегося в стороне и решившего подкрасться сзади.

Когда я обернулась, чтобы посмотреть на Кристофера, то увидела, как он разделался с последним хищником, а затем медленно повернулся ко мне, как-то странно посмотрел и рухнул на землю, потеряв сознание. Разумеется, я тут же бросилась к нему, чтобы понять, что с ним. Как оказалось, волкойоты изрядно его потрепали: глубокая рана на ноге от острых клыков, до крови расцарапанные руки, но больше всего меня заставила волноваться кровотокающая ярко алой кровью рана на животе. Кристофер машинально прижимал свои руки в животу, чтобы остановить кровь.

– Нет! Кристофер! Ты слышишь меня? – заорала я на него, трясая за плечи. – Ты, конечно, гад редкостный, но смерти я тебе не желала! А ну, очнись быстро! Быстро, я сказала, или я сейчас снесу твой собственный ментальный щит к Двуминому Бесу и покопаюсь во всех твоих грязных мыслях! Крис! – я кричала первое, что мне приходило в голову, потому что впервые в жизни кто-то умирал на моих руках. Оберан, конечно, не в счёт. Строго говоря, он и не умер вовсе, а так, на некоторое время впал в летаргический сон.

Длинные чёрные ресницы Кристофера дрогнули, и он открыл глаза со всё теми же жуткими вертикальными зрачками.

– Габи, – он попытался дотянуться до меня, но его клинки были длиннее его пальцев, и если бы я не отстранилась, то он порезал бы меня.

Кристофер перевёл затуманенный взгляд на клинки и понял, почему я так стремительно дёрнулась от его руки. По мужскому лицу пробежала судорога боли, на миг в глазах отразилась печаль, Кристофер постарался отвести от меня взгляд.

– Крис, я не... – я попыталась объяснить, что я отстранилась не потому, что боюсь его или считаю ужасным. Да какая к Двуминому Бесу разница, как он выглядит, если спас меня?!

– Габи, – он улыбнулся, но его улыбка получилась скорее печальной, – рана слишком глубокая. Я не смогу добраться до дома, а именно там остался кристалл вызова Ортего Орелло.

Я набрала лёгкие воздуха, чтобы возразить, но Кристофер вновь перебил меня:

– Не стоит, ты тоже не успеешь сбежать в дом, а мне бы не хотелось умирать одному...

– Да... как... ты... вообще... – У меня не было слов, настолько ошарашена я была всем вышесказанным. Руки всё ещё подрагивали от выплеснувшегося в кровь адреналина, а мысли в голове расплзались точно норийские гусеницы от резкого запаха.

– Я пошёл в твою комнату... Хотел извиниться за неподобающее поведение, – вдруг произнёс Кристофер и мучительно закашлялся.

– Тихо, молчи, молчи... – я кусала губы и с ужасом смотрела на рваную рану на животе мужчины. Что же делать?.. Рана слишком глубокая, и никакая перевязка здесь не поможет.

– Габ, могу ли я попросить тебя о последнем желании? – внезапно спросил заметно побледневший Кристофер.

Я заторможено кивнула, не особенно понимая, на что подписываюсь. Мои мысли были далеко не здесь, я перебирала все виды заклинаний, какие помнила, и костерила свою дырявую память на чём стоит свет. Кажется, мои знания в сфере целительства ещё более скудные, чем боевые навыки. В детстве я болела очень редко, у нас всегда были деньги на лекарей и целителей, а потому я не считала необходимым уделять время данной науке. К чему, если всегда можно вызвать лекаря и вылечить всё, что беспокоит? Большую часть времени я предпочитала посвящать артефактной магии и истории древних талисманов.

Тем временем мужчина с заметным трудом приподнялся на локте, чтобы стать ближе, а затем нутужно просипел:

– Подари мне поцелуй. Всего один поцелуй.

И Кристофер подался ко мне с явным намерением поцеловать. Видимо, несуразность всего происходящего меня, наконец, отрезвила. Да чтобы Кристофер Дарси, ректор Магической Академии Ментальной Магии просил его поцеловать? Я точно в замедленной съёмке видела, как от того, что он приподнимается, его рана начинает кровоточить ещё больше. Неожиданное решение пришло мне в голову, и чтобы как можно быстрее его реализовать, я просто со всей силы дала оплеуху Кристоферу.

Глаза мужчины расширились в немом удивлении, вертикальные звериные зрачки сузились ещё сильнее, а во взгляде промелькнула неподдельная обида, но он сделал то, что мне требовалось, а именно – максимально быстро вернулся к лежащему положению. Следующим своим движением я резко вскочила вверх и стала трясушимися от волнения пальцами расстёгивать пуговицы верхней кофты. Только бы успеть, надеюсь, Кристофер потерял не так много крови, и если заморозить процесс, то он дотянет до прихода целителя...

– Э-э-м-м-м... Вообще-то я сейчас не в том состоянии... – хрипло пробормотал Кристофер, неотрывно глядя на то, как я расстёгиваю кофту.

Его глаза теперь занимали уже половину лица и напоминали блюдца. Как назло, дождь полностью промочил мою одежду, и блузка, оказавшаяся под кофтой, вплотную облегла немалые формы, беззастенчиво просвечивая нижнее бельё. Пожалуй, то платье цвета шампанского можно было бы назвать верхом целомудрия по сравнению с тем, как я выглядела сейчас.

Я сердито про себя фыркнула, поняв, о чём подумал Кристофер. Ох уж эти мужчины, только одно и на уме. Но в душе порадовалась тому, что Кристофер перестал думать о смерти. Всё-таки я чувствовала себя крайне неуютно, когда такой сильный и властный мужчина, ректор Магической Академии Ментальной Магии, пускай и в облике ползувера, попросил меня о последнем желании.

– А мне и не надо, я сама всё сделаю, – сладко улыбнулась я, неотрывно глядя на Дарси. Всё-таки не удержалась и подшутила над ним.

Далее, не обращая внимания на сбившееся дыхание моего подопечного и явную настороженность с его стороны, кофту сняла полностью, добралась до карманов брюк и вытащила амулеты стазиса, сразу оба. Только увидев их, во взгляде Кристофера промелькнуло понимание, и он одобрительно хмыкнул. Такими сильными амулетами вполне можно было остановить кровотечение на несколько часов и успеть добраться до его жилища. Смерть когтистого и крылатого на сегодня отменялась. Кристофер прикрыл ресницы, как только я начала колдовать над его раной, и тихо пробормотал:

– То есть ты не только убийца, но ещё и воровка?

Я улыбнулась. Что ж, если чувство юмора к нему уже вернулось, значит, умирать прямо здесь он явно передумал. Я перекинула чары стазиса со второго амулета на кровавую рану на животе и ещё немного оттянула на пораненную ногу. Заодно в голове само собой всплыло заклинание обезболивания, которое однажды применил на моих глазах лекарь университета к нерадивому студенту, пролившему кислоту на свою руку во время практики по зельеварению. К чести Кристофера, он ни разу не поморщился и даже стона не издал, когда я свела края кровоточащей раны, чтобы заморозить её именно в таком положении.

– Ты ещё забыл о том, что я дочь политического преступника, нагло укрывшая этого самого преступника от властей. И мошенница, да. Это я торговлю пряностями и специями Эдварду втюхала, – не без толики гордости сообщила я, вставая на ноги.

Кристофер слабо усмехнулся моему ответу и повторил моё движение. А затем последовал долгий многочасовой путь в сторону жилища ректора. Дождь уже давно сошёл на нет, рассвело. Я видела, как тяжело и больно ступать Кристоферу, но он демонстративно отказался от моей помощи. Чтобы как-то скрыть возникшую неловкость между нами и мою жалость к нему, которая так и вспыхивала,

когда я видела, как тяжело ему даётся очередной шаг, я стала острить и подначивать Дарси, а он полуслушнo отвечал мне в ответ.

Теперь мне всё встало понятным: и как Кристофер умудрился перехватить птицу, летевшую над морем в Мустафанию, и как он так быстро посетил короля, пребывающего в Лёдграде, чтобы получить разрешение на моё освобождение, и почему у его дома нет конюшни, а дом находится где-то глубоко в лесу, скрытый от посторонних глаз.

Мы шли по еле заметной тропинке, которой изредка пользовался целитель, да пару раз в год по ней привозили запасы еды. Уже около особняка Кристофуру вновь стало хуже, и мне всё-таки пришлось ему помочь взобраться по ступеням. Дарси так и не убрал крылья и когти. Я догадывалась, что это требовало дополнительных сил и энергии, которой у него сейчас и так почти не было. Только сейчас рассмотрев, как растут крылья из его спины, я вдруг вспомнила застарелые шрамы, увиденные мною, когда он переодевал рубашку. Мне даже думать не хотелось, сколько боли ему доставляет доставать эти гигантские крылья и острые клинки, ведь они всякий раз вспарывают ему кожу.

Кристалл вызова целителя я нашла быстро. Он лежал на прикроватном столике в полуразрушенной спальне Дарси. Оглядев бедлам, который творился в его комнате, я тихо присвистнула. Видать, ещё ни одна девушка не осмеливалась за один вечер оскорбить Кристофера, а затем ещё и дать в нос, если он так прореагировал. Напольное зеркало было разбито, осколки в хаотичном порядке занимали добрую половину комнаты, один из столбов у кровати, поддерживающий балдахин, был разломан пополам, кресло вспорото и перевернуто вверх ногами, у шкафа не хватало дверцы, пол ровным слоем покрывал пух из разодранных подушек и одеял.

Ортего Орелло зашёл в дом Кристофера молча. Так же молча оглядел с головы до ног хозяина дома с гигантскими чёрными крыльями, ужасающе острыми клинками и вертикальными зрачками, увешанного артефактами стазиса. Как только мы вернулись в дом, я на всякий случай собрала из погреба все амулеты и привязала их и к торсу, и к ноге Кристофера. Ортего ничуть не удивился виду Кристофера, даже бровь не приподнял. У меня закрались определённые сомнения, что, по всей вероятности, Ортего не первый раз видел своего друга в пернато-когтистом состоянии и уж тем более не один раз ему помогал выкарабкаться из преддверия владений Двуликого Беса.

Затем целитель перевёл взгляд на меня, и я как-то остро почувствовала, что моя блуза насквозь пропитана кровью волкоятов и Кристофера, неприлично обрисовывает грудь, на голове чёрт знает что, местами разодранные штаны в грязи и земле, да и вообще, скорее всего, от меня воняет за версту.

– Простите, – пробормотала и бросилась в свою комнату приводить себя в порядок.

Несколько царапин на ногах давно зудели, заставляли меня морщиться при раздевании и омовении, но мне было совестно просить Ортего залечить их, ведь Кристоферу куда нужнее сейчас помощь целителя. Когда я приняла ванну, отмылась от грязи и крови, расчесала волосы, переоделась в свежее платье и вышла в общую комнату, Ортего уже заживлял последние ссадины Кристофера, принявшего, к моему облегчению, человеческую форму. Ортего выглядел изрядно уставшим, под глазами у меня залегли серые тени, а кожа слегка побледнела. Сейчас в его волосах отчётливо были видны серебристые седые прядки. Кристофер же наоборот выглядел не в пример более живым и бодрым, чем был на тот момент, когда я его оставила в гостинной. Похоже, целитель поделился со своим другом собственными жизненными силами, иначе я такое изменение состояний двух мужчин объяснить не могла.

Орелло кивнул мне с лёгкой полуулыбкой, оценив мой свежий вид. Медленно выпрямился и произнёс:

– Госпожа Габриэлла, я немало удивлён вашей изобретательностью. Впервые вижу, чтобы не целитель использовал артефакты стазиса для хранения еды применительно к ранам на живом человеке.

– Я читала об этом, – почему-то мне захотелось оправдаться за свои действия.

Я неловко переступила с ноги на ногу и поморщилась, так как задела ссадины. Ортего понял всё без слов по одному только моему выражению лица, лёгким пассом послал в меня заклинание, заживляющее мелкие порезы, и покинул гостиную, прекрасно понимая, что нам с ректором надо поговорить. Я проводила Орте благодарным взглядом.

– Кристофер...

– Габриэлла...

У нас получилось это одновременно. Кристофер улыбнулся:

– Дамы первые, говори, с чем пришла.

Я неловко потупилась, от волнения начала теревить рукав платья, не зная, как облечь в форму все свои мысли. Я была благодарна Кристоферу за то, что он спас мне жизнь. Пережитое нападение волкойотов изменило отношения между нами, я это чувствовала, но это не изменило моего отношения к ситуации в целом. Ректор привык добиваться в этой жизни всего, чего хочет, силой и хитростью, его благородный поступок по отношению ко мне нисколько не меняет его характера и методов. Даже то, что он посреди ночи оказался в лесу, выследив меня, говорит лишь о том, что та свобода действий, на которую я могла бы рассчитывать с его слов, призрачна. Не будет у меня никакой свободы, если я останусь с ним. Более того, мне придётся мириться со всеми его решениями. Также меня несколько напрягало то, что Кристофер стоял передо мной босой и с обнажённым торсом в одних лишь мягких домашних штанах. От этого было ещё сложнее сосредоточиться на собственных мыслях.

Мужчина молчал, не желая мне помогать.

– Я хочу уйти, – произнесла на одном дыхании, как будто прыгнула в прорубь с ледяной водой. Почему-то при этих словах стало не по себе. А вдруг я допускаю ошибку?

Молчание длилось непозволительно долго. Наконец, Кристофер отмер и хмуро спросил:

– И, как я понимаю, переубеждать тебя бессмысленно?

Я кивнула, сжав компас в кармане платья. Так и есть. Я хочу найти своего мужа.

– Ты же отпустишь меня? – получилось как-то просяще-жалобно.

Тишина слишком гнетуще на меня действовала. Я не знала, куда деться от пронзительного взгляда салатных глаз. Я чувствовала, что могу требовать, чтобы меня отпустили. Да, Кристофер спас мне жизнь, но и я отплатила ему тем же, задействовав амулеты стазиса и помогая дойти до дома. Ко всему, я теперь знала тайну ректора, его вторую ипостась. Понятия не имею, откуда у него это жуткие когти и гигантские крылья, но знать не хочу. Не моё это дело, не моё.

– Отпущу, – ещё жёстче проговорил мужчина, а я удивлённо оторвала взгляд от кончиков своих туфель и посмотрела в его лицо. Желваки напряжены, в глазах гнев.

– Если ты переживаешь, что я кому-нибудь скажу о твоих крыльях... – Мне вдруг стало страшно от тона и вида мужчины, стоявшего напротив меня.

– Не скажешь, – холодно не то просто произнёс, не то приказал Кристофер и махнул рукой, посылая в меня чары.

В следующую секунду моё тело выгнуло дугой от пронзившей боли, и я рухнула на колени, впиваясь ногтями в ладони, но не произнося ни звука. Не дождётся! Стоило ли спасать жизнь этому ублюдку, чтобы он вот так просто убил меня?! Горячие слёзы текли по щекам.

– А-а-а-а, – всё-таки вырвался крик из моего горла, а в комнате вновь показался Ортего, изрядно напуганный моим воплем.

– Крис, ну зачем же так, наверняка же можно было... – начал он, заламывая руки и явно не согласный с поступком друга.

– Нельзя, – холодно прервал его Кристофер.

Прошло ещё несколько секунд, и волна острой, пронизывающей всё тело боли, схлынула так же резко, как и появилась.

– Заклинание абсолютного молчания. Отныне ты никогда и никому даже намекнуть не сможешь на то, что я не совсем человек, – бросил Кристофер, глядя на то, как я судорожно глотаю воздух, лёжа на полу. – Орте, помоги Габриэлле, пожалуйста. Габи, бери лошадь Орте и поезжай, куда хочешь, больше я тебя не держу здесь.

С этими словами Кристофер вышел из комнаты, ни разу на меня и не оглянувшись.

Эпилог

– Крис, ты действительно отпустил её? – целитель не верил тому, что увидел.

– Да, отпустил, Орте, – вздохнул Кристофер, закрывая глаза и прикладывая руки к вискам.

– Но... почему? – целитель действительно не понимал старого друга.

Он видел, как Крис смотрит на эту девушку, и отчасти сам восхищался ей. Смелая, честная, открытая, умная... А её обращение с артефактами стазиса – выше всяких похвал. До сих пор Крис никому не показывал свой второй облик, считая, что это отпугнёт. Но прямо на его глазах Габриэлла находилась в одной комнате с полузверем. И он не видел на её лице ни отвращения, ни страха, ни неприязни.

– Она не любит меня, – покачал головой Крис.

Орте удивлённо уставился на Кристофера. Кому как ни ему было знать, как легко его друг мог очаровать и влюбить в себя практически любую девушку.

– В том-то и дело, что практически любую, но не любую, – криво усмехнулся Крис, по обыкновению прочитавший мысли собеседника. – Она меня не полюбит. После того, как увидела мои крылья и когти... Это будет привязанность на основе чувства сострадания или даже жалости. – Он резко сжал пальцы в кулак и ударил по подоконнику окна, в которое наблюдал, как Габи отвязывает лошадь от столба.

Ортего заметил:

– Габриэлла первая, кто не испугался твоего второго облика. Ты думаешь, что сможешь найти такую вторую?

Кристофер слабо усмехнулся и тронул свой нос, который целитель к этому моменту уже успел излечить. Он подумал о том, что эта девушка стала также первой, кто обругала его, со всей силы дала ему кулаком в нос, а потом ещё и залепила пощёчину при попытке поцеловать. Определённо, второй такой, как Габриэлла Трейтс, он найти не сможет. Но отчего-то менталист понимал и то, что удерживать силой такую, как Габи, нельзя. Эта девушка – не серая послушная мышка, а настоящая дикая кошка. Такую нельзя приручить. Он попытался, но получилось только хуже. В один день Габи чуть не умерла от атакующих чар бестолкового городского стражника, а его самого чуть не обвинили в смерти аристократа собственные люди.

Дарси лишь покачал головой, улыбнувшись уголками губ, но не произнёс ни слова в ответ на вопрос Ортего Орелло.

Я скакала на лошади, следуя за стрелкой компаса и думая о том, что хочу быть счастлива. Да, вот такое непростое желание компасу я шепнула перед тем, как отправиться в путь. «Хочу найти своё счастье». Компас сделал несколько оборотов стрелкой вокруг своей оси, словно раздумывал, куда меня отвезти, а затем уверенно показал на восток. Я приготовилась к долгой поездке, возможно, даже тому, что в седле мне придётся провести несколько недель подряд, так как Оберан уже наверняка давно пересёк границу.

Каково же было моё удивление, когда я вечером добралась до постоянного двора ближайшей деревушки, и, оплачивая скромную комнату, почувствовала на себе чей-то взгляд. Это был он, Оберан. Он сидел за дальним столом и не мог поверить своим глазам в то, что перед ним стою я, а не моя иллюзия.

– Габи, Габриэлла! – Он бросился ко мне, обнимая и стискивая в объятиях, а затем покрывая лицо поцелуями. – Я не был уверен, что ты захочешь вернуться, что ты вообще захочешь остаться со мной... Габи, я так рад!

– Жив! – пробормотала я и поняла, как сильно хочется расплакаться от облегчения.

Я уткнулась в потрёпанный камзол, от которого невероятно вкусно пахло свежей хвоей с нотками ягод можжевельника. И этот запах показался мне самым родным и знакомым в целом мире, а объятия супруга – самыми правильными и тёплыми. Я смотрела в серо-голубые глаза Оберана и впервые чувствовала приятное чувство спокойствия и защищённости. Впервые за последние сутки я не ожидала подвохов, не готовилась к тому, что кто-то вот-вот опрокинет мой ментальный щит, начнёт копаться в мыслях или сделает мне больно. Я почувствовала, что задыхаюсь от нахлынувших чувств в Оберану, слёзы хлынули сами собой. Неужели я раздумывала о том, чтобы остаться с Кристофером? Небесная Дева, какой же глупой я была! Вот он, мужчина, которому я нужна любой, который не станет меня перекраивать под себя, а будет просто любить!

- Почему ты здесь? - Я вытерла слёзы рукавом платья и прошептала, поняв, что это действительно мало походит на случайность. Присмотрелась к нему и впервые обратила внимание на деревенский вид супруга: неброский потрёпанный камзол без вышивки, широкие штаны с заплатами, стоптанная обувь. - И почему ты в таком виде? - последнее я задала уже немного ошеломлённо.

- Ну как же. - Оберан ослепительно улыбнулся, а на подбородке возникла милая ямочка. - Ты же убила меня, забыла? Я не мог появиться в образе богатого аристократа, меня обязательно кто-нибудь узнал. Поэтому сейчас я крестьянин Обрак. Ну, а здесь я потому, что мои люди доложили: где-то недалеко располагается уединённое жильё Кристофера Дарси. Я надеялся, что ты захочешь повторить тот обряд, что мы заключили перед духовником.

- Что? - Я не могла поверить своим ушам. - Ты хочешь на мне жениться?

Оберан кивнул, а затем окликнул какого-то человека, и через минуту на пороге таверны появился Разговаривающий с Духами в белой рясе. Когда я перевела взгляд обратно на Оберана, он уже встал на одно колено и спросил, неотрывно глядя в мои глаза:

- Габриэлла, ты станешь моей женой перед ликом всех богов?

- Да, - ответила я и почувствовала, как вновь слёзы радости хлынули у меня из глаз.

Первую брачную ночь мы провели всё в той же таверне. И у меня, и у Оберана было достаточно денег на то, чтобы снять лучшую гостиницу Штолле, но нас обоих устроила скромная комната в безымянной деревушке. Нам было как-то совсем не до обстановки. Совершенно не помню того, чему я научила Оберана в ночь, когда мы накурились наргиле на семенах игольника в «Райском острове», но у меня впервые закрались обоснованные сомнения, а так ли ничего тогда между нами не было?

Наутро мы тронулись в сторону тёплой и богатой Цариссии, через неделю - уже пересекали границу. Мне понравилось предложение Оберана сменить климат на более мягкий. Ко всему, Цариссия была известна своим либеральным отношениям к людям с разными магическими способностями, в своде их законов не было маготомии, что более чем устраивало меня. Ко всему, я нутром чувствовала, что мне необходимо как можно скорее и дальше оказаться от Кристофера Дарси. Оберан ни разу не спросил меня о ректоре академии менталистов, и за это я ему была очень благодарна. Он вообще оказался на редкость умным и догадливым мужчиной, а также заботливым и внимательным супругом.

Не было и дня, чтобы я пожалела о том, что когда-то покинула небольшой деревянный дом в лесу. После брачной ночи я обнаружила на своём запястье золотую татуировку и улыбнулась. Небесная Дева нас вновь благословила, второй раз. Пожалуй, я ещё ни разу не слышала о том, чтобы боги давали своё благословение кому-то дважды.